

ТВОРЕНИЯ

М. М. ХЕРАСКОВА,

ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННЫЯ
И ДОПОЛНЕННЫЯ.

ЧАСТЬ VII.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНИЯ.

ImWerdenVerlag.
München — Москва.
2009.

© Подготовка текста к. ф. н. А. И. Любжина, 2008 по изданию: Творения М. Хераскова,: Вновь исправленные и дополненные. - [М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796-1803]. - 8°.

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2009.

(3)

ПОЧЕРПНУТЫЯ МЫСЛИ ИЗЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

Въ кипящей младости моей
Имѣлъ въ прохладахъ я забаву,
Алкая сердцемъ и душой
Вкушать житейскую отраву.
Горька мнѣ сладость нынѣ та,
Я рекъ: все въ свѣтѣ суета!

Богатство, слава и чины
Во младости меня польстили;
Но желчію напоены,
Они мнѣ старость возвѣстили.
Чины, богатство, красота,
Все тѣнь одна и суета.

(4) Ученія проникнувъ тму,
На всю подсолнечну взираю:
Тма зрима взору моему,
Теряю свѣтъ, и мысль теряю! —
Пріятна сердцу простота,
Науки только суета.

Сіянемъ ложнымъ обольщень
Когда нашъ умъ страстей въ неволѣ,
Что больше разумъ просвѣщень,
То мучится и страждетъ болѣ.
Мечтой рождается мечта,
И все на свѣтѣ суета.

Искалъ бѣгущаго души моей покою
Въ чертогахъ кедровыхъ, въ садахъ, у чистыхъ водъ,
Среди пѣвицъ моихъ, въ собраніи красотъ;
Покою въ сердцѣ нѣтъ, все ставлю суетою.

Напитки сладкіе и пищу я вкушалъ,
Блистая щастіемъ и славою наружно,
Довольно ль сердце ты? я сердце вопрошалъ.
Нѣтъ! щастье точное: имѣть лишь то, что нужно.

(5) Желаньемъ возгорѣлъ
Людей постигнуть свойство;
Печали въ нихъ обрѣлъ,
Тоску и безпокойство,
И вредну склонность ихъ
Къ вреду себя самихъ.

Трудящійся не награждень,
И нагъ, и сиръ, и пищи просить;
Великъ и титлами почтен,
Кто свѣту пользы не приноситъ.
Хранящій истину гонимъ;
Злодѣй — и щастливъ и любимъ.

Кипящей зависти змѣи повсюду вьются,
Развратныя сердца сей фуріей сосутся,
И добродѣтелей печальный слышенъ гласъ!
Имѣютъ всѣ въ устахъ, гоня изъ сердца насъ.

Заслуги презрѣны, таланты безъ награды;
Друзей не потерявъ, лъзя ль истину любить?
Богачъ, исполненной тщеславныя отрады,
Не вѣритъ, можетъ ли голодный нищій быть.

(6) Но самъ нещастень онъ! Всегдашнее сомнѣнье,
Какъ мутная вода, въ душѣ его течеть,
Наслѣдники ему наносятъ подозрѣнье:
Живущаго въ тоскѣ, его печаль грызеть.

Сомнѣній смертный полнь:
Куда идетъ, не знаетъ;

То лодка между волнь,
Которой вѣтръ играетъ;
Въ пространномъ океанѣ семъ
И ночью рѣется и днемъ.

Что мы ни будемъ вображать,
То было, есть, и будетъ вѣчно;
Другъ друга станемъ обижать,
И жить всегда безчеловѣчно;
Въ подсолнечной премѣны нѣтъ,
И былъ, и будетъ тотъ же свѣтъ.

(7) Различны званія людей
Крушатся, страждутъ, погибаютъ;
Равно и честный и злодѣй
Игрою щастія бывають.
Когда повѣетъ бурный вѣтръ,
Падеть и легкій листъ и кедръ.

На той же муравѣ, гдѣ агница пасется,
Пасется хищный тигръ, хотящій смерти ей;
Въ единую земли утробу отнесется
И добрый человѣкъ, разбойникъ и злодѣй.

Ты славу думаешь приобрѣсти себѣ:
Умрешь — погаснетъ все, чемъ разумъ ни свѣтлѣетъ;
Никто ужъ о тебѣ на свѣтѣ не жалѣетъ,
Загладитъ люта смерть и память о тебѣ.

Исполненъ вѣкъ напасти,
Но жити мы хотимъ;
Стяжаньемъ сильной власти
Себя до смерти льстимъ:
Но кто Престоломъ обладаетъ,
Кто служить, всѣхъ земля сравниваетъ.

(8) Нещастный человек!
Хотя веселіе вкушаешь,
Когда во свѣтъ пребываешь,
Хотя ты кончишь вѣкъ,
Все равная тебѣ бѣда!
И лучше бы рожденъ ты не былъ никогда.

Небытіе предпочитаю,
Когда со бытіемъ равняю
Сей жизни горестъ и труды,
Печали, скорби и бѣды;
Обманчивый надежды свѣтъ,
Котору мрачный гробъ возметъ.

Изъ праха сотворенъ,
Во прахъ обратишься;
Передъ скотомъ гордишься,
Но чѣмъ ты предпочтенъ?
Родишься ты равно, какъ скотъ, и умираешь;
Безпечно онъ живетъ, ты смертью ускоряешь.

(9) Извѣстно ли уму
Вселенныя начало?
Не свѣдомъ никому
Его предѣлъ ни мало;
Не знаемъ здѣсь дыша,
Куда пойдетъ душа.

Но бранный человекъ
Кончиной ускоряетъ;
Непостоянству рѣкъ,
Морямъ себя ввѣряетъ;
Не усыпаетъ онъ для злата отъ труда,
И сытъ не будетъ никогда.

Се мужъ, который, будто кедръ,
Главою небесамъ касался,

Гремящихъ тучъ не опасался,
Исторгнуть вдругъ изъ земныхъ нѣдръ;
Вселенной наводящій страхъ,
Лежить преобращень во прахъ.

(10) Гордяся глѣнной красотой,
Красавица сердца прельщаетъ.
Какъ ранней окропясь росой,
Листочки роза распускаетъ;
Но старости наступить ночь,
Любовники уходятъ прочь.

Такъ все на свѣтѣ семь минеть, пройдетъ, исчезнетъ,
Пріятна пѣнія не буду слышать я;
Кипяща кровь во мнѣ простынетъ и замерзнетъ,
Померкнуть очи, мысль притупится моя.

Сосуды въ ключевыхъ потокахъ сокрушатся,
И вкусъ мой услаждень не будетъ ужъ ни чемъ;
Трепещущъ, слабъ, согбенъ, я стану приближаться
Ко прагу вѣчности, куда мы всѣ течемъ.

Не буду видѣть я прелестницы любезной,
Кѣмъ въ горести моей прельщался иногда;
О сладость чувствъ моихъ, любезный вѣкъ и слезной!
Какъ облакъ ты бѣжишь, бѣжишь ты навсегда.

(11) Такъ быстро, какъ стрѣла,
Промчится вѣкъ нашъ краткой;
Бѣги, бѣги отъ зла!
Питайся жизнью сладкой;
Не трать въ уныніи часа,
Который намъ даруютъ Небеса.

Да радость дней твоихъ теченье умножаетъ,
Да скорби чловѣкъ въ забавахъ погружаетъ;

Утѣхамъ сердце отвори,
Но добрыя дѣла твори.

Сія, о смертный! часть
Тебѣ опредѣленна:
Вкушай ты жизни сласть;
Не къ бѣдствамъ создана вселенна;
Со ближними на ней живи
Въ покоѣ, въ дружествѣ, въ любви.

Въ весельѣ проводи свою цвѣтущу младость,
Но къ сердцу загради страстямъ житейскимъ путь;
Имѣній не стяжай: какая въ оныхъ радость?
Что взору только льститъ, то можетъ обмануть.

(12) Вкушай пріятности сего текуща вѣка,
Но Бога не забудь! храни Его законъ,
И то въ умѣ тверди: что создалъ человѣка,
Дабы на судъ къ Нему предсталъ по смерти онъ.

Не будьте всегда къ земнымъ вещамъ пристрастны;
Во свѣтѣ что ни есть, во свѣтѣ все Его;
Богаты, нищіе, щастливы, и нещастны!
Вы гости здѣсь — Творца любите своего.

Цвѣтущу какъ весну,
Твоимъ прелестну взглядамъ,
Люби свою жену.
Внушай премудрость чадамъ,
О ближнихъ не забудь;
Убогимъ другомъ будь.

Не будь жестокъ и строгъ,
Не возжигай въ сердцахъ раздору,
Дабы найти въ тебѣ подпору
Нещастливый и слабый могъ.

Будь плачущимъ полезень —
Прощай порокъ, и будь любезень.

(13) Прекрасныя страны
Игрою бурь бывають;
Гладь, стужа, и войны
Народы убивають;
И самый твердый человекъ
Не прожилъ безпорочно вѣкъ.

Когда достаточень, щедроты изливай;
Убогимъ пищу ты и старцамъ подавай;
Въ заплату не ищи отъ нихъ благодаренья:
Нѣтъ слаще ничего для сердца благъ творенья!

Безсовѣстныхъ людей бесѣды убѣгай;
На щастіе людей завистно не зриай;
Не оскорбляйся ты злодѣевъ клеветою:
Богъ зреть дѣла твои, и Самъ вездѣ съ тобою.

Пылинка человекъ, и точка въ мірѣ семъ,
Но отъ пресвѣтлаго, небеснаго чертога,
Взираетъ на него, печется Богъ о немъ.
Не бойся никого, о смертный! — бойся Бога.

(14)

Три начальныя главы изъ Премудростей
Соломоновыхъ.

Глава I.

Любите истинну, любите,
О вы, земные Судіи!
Коль Господа взыскать хотите,
Смиряйте вы сердца свои.

Кто Бога искушати чаеъ,
Или не вѣритъ кто Ему,
Себя отъ свѣта отлучаетъ,
Безумства падая во тму.

Не внидетъ мудрость въ душу злою,
Ни въ грѣшномъ тѣлѣ не живетъ:
Строптиву мужу, льстиву, бую,
Не вразумится Божій свѣтъ.

(15) Святыня убѣгаетъ лести,
Уходитъ помышленийъ злыхъ:
Кто правдѣ врагъ и недругъ чести,
Не озаряетъ таковыхъ.

Всемъ сердцемъ любить челоуѣка
Премудрости господній Духъ,
И къ смертнымъ отъ начала вѣка
Склоняетъ взоръ, лице и слухъ.

Онъ всю вселенную объемлетъ,
Свидѣтель нашихъ мыслей есть:
Слова изъ устъ летящи внемлетъ,
И тайну сокровенну вѣсть.

Неправду въ сердцѣ кто помыслить,
И злое слово изречетъ:
Господь глаголы тѣ изчислитъ
И беззаконія сочтетъ.

Языкамъ воли не давайте,
Не преклоняйтесь къ клеветамъ;
Неправдой душъ не убивайте:
Господь Судьею будетъ намъ.

(16) Погибель тѣлу навлекаетъ
Развратный духомъ челоуѣкъ;
И къ горькой смерти приступаеть,
Порокомъ оскверняя вѣкъ.

Не создалъ смерти Богъ во свѣтѣ,
Ниже погибели живымъ;
Спасенье положилъ въ завѣтѣ
И муки не назначилъ имъ.

Неправда въ мѣрѣ умираетъ,
А правда царствуя живетъ:
Но грѣшникъ вѣчность презираетъ,
И дерзко смерть къ себѣ зоветъ.

Своимъ порокомъ ослѣпленны,
Завѣты положили съ ней;
Сдружилися — и стали тлѣнны,
Достойны страшной доли сей.

(17)

Глава II.

Рекли, которы мыслятъ ложно,
Что кратокъ нашъ и скорбень вѣкъ;
Что смерти избѣжать не можно;
Что весь исчезнетъ челоуѣкъ.

Что мы случайно въ свѣтѣ рожденны
Умремъ, и вѣчный будетъ сонъ.
Рекутъ: «Мы паромъ оживленны,
И въ воздухѣ исчезнетъ онъ.

Угаснетъ искра, тѣло будетъ
Единый пепель, хладный прахъ;

И міръ со временемъ забудеть
О нашей жизни и дѣлахъ.

Какъ вихремъ облако несется,
Такъ быстро сертныхъ дни текутъ;
Слѣдовъ по нихъ не остается,
Какъ мгла при солнцѣ пропадутъ.

(18) Подобно тѣни преходящей,
Подобно наше житіе,
И шагъ, ко смерти приводящей,
Кончаетъ наше бытіе.

И тако щастьемъ усладимся,
Доколѣ дней весна цвѣтетъ;
Вину и брашнямъ предадимся,
И лучшихъ не потратимъ лѣтъ.

Цвѣты доколѣ не увянутъ,
Сплетемъ себѣ изъ нихъ вѣнецъ;
Да въ сладость наши дни намъ станутъ,
На сей имѣемъ ихъ конецъ.

Безильныхъ, праведныхъ погонимъ,
И добродѣтель утѣсимъ;
Къ старѣйшимъ слуха не преклонимъ,
Печальныхъ вдовъ не пощадимъ.

Едину силу нашей честью,
И волю сотворимъ въ законъ;
Уловимъ правду сладкой лестью,
Пренебрежемъ несчастныхъ стонъ.

(19) Къ чему намъ праведнкъ полезенъ?
Злословитъ наши онъ дѣла;
И грѣхъ, который намъ любезенъ,
Сей грѣхъ — въ его устахъ хула.

Тщетоу веселостъ нашу числитъ,
Не можетъ роскоши любить;
Имѣть онъ духъ небесный мыслитъ,
И отрокомъ Господнимъ быть.

Смиренно жизнь свою проводить
Въ улику нашихъ чувствъ и словъ;
Особыми стезями ходить,
И насъ считаетъ за враговъ.

Не хочетъ жизнью насладиться,
Онъ нашего бѣжить пути;
Бѣжить, и къ Богу онъ стремится,
Ласкаясь въ Немъ Отца найти.

Увидимъ, вѣрно ли ихъ слово!
Коль подлинно Сынъ Божій Онъ,
Ему прибѣжище готово:
Ему постыденъ плачь и стонъ.

(20) Досадоу, мукою и враждою
Мы станемъ искушать его;
Умножимъ скорбь, бѣду бѣдою,
И смерть воздвигнемъ на него».

Помысливъ тако ослѣпились,
Ихъ злоба обуяла ихъ;
Отъ нихъ Господни тайны скрылись,
И благъ небесныхъ нѣтъ для нихъ.

Не созданъ къ вѣчному изгнѣнью,
Но въ образъ Божій человекъ.
Готовьтесь тѣ ко изгнѣнью,
Которыхъ есть развратенъ вѣкъ.

(21)

Глава III.

Но души праведныхъ ликують,
Всемірный Царь! въ рукѣ Твоей.
Пускай безумные толкують
Тщетою ихъ кончину дней.

Они суть въ небѣ, и на вѣки,
Хотя страдали на земли;
Хотя ихъ гнали человѣки,
Въ селенья райскія вошли.

За слезы и бѣды не многи
Насытились душевныхъ благъ;
Въ небесны Богъ призвавъ чертоги,
Вмѣщаетъ ихъ въ Своихъ лучахъ.

Ихъ души были искушенны,
Какъ золото чистится въ огнѣ;
И будто жертвы сокрушенны
Ко горней вознеслись странѣ.

(22) Придетъ время — возсіяють,
И яко искры потекутъ;
Злодѣи славу ихъ познають,
Языки ихъ услышатъ судъ.

Богъ вѣчно съ ними воцарится!
И тотъ, кто чтить въ сей жизни ихъ,
Лучами правды озарится:
Создатель щедръ въ Его святыхъ.

Отвержень будетъ нечестивый,
И межъ святыми не вмѣщенъ;
Гонитель кроткихъ, горделивый,
Отъ Бога будетъ отвращень.

Премудрость кто уничижаетъ
И наказанія не ждетъ,
Безплодно все, что начинается:
Ни въ чемъ ему успѣха нѣтъ.

Безумствомъ жены пораженны,
И чада суть лукавы ихъ;
Пороки грѣшныхъ обнаженны,
И проклято рожденье ихъ.

(23) Блаженъ, кто не былъ сладострастенъ,
Хотя плода и не принесъ;
Онъ будетъ жребія причастенъ
Щастливыхъ жителей небесъ.

Кто подвигъ къ святости имѣетъ,
Того благословится трудъ;
Какъ древо онъ цвѣтетъ и зрѣетъ,
Плоды его не отпадутъ.

Но чада грѣшныя не стануть,
Какъ лозы масличны, цвѣсти;
Взойдутъ на время — и увянутъ,
Не можетъ сѣмя злыхъ расти.

А естли въ свѣтѣ жизнь продлится,
Какъ облакъ дни ихъ потекутъ;
И старость ихъ не умастится,
Сѣдинъ порочныхъ не почтутъ.

Коль въ юности прервутся годы,
Имъ нѣтъ отрады въ день суда:
Отъ нечестивыя породы
Бываетъ гнусный плодъ всегда.

(24)

Ода
Мірѣ.

Отверзлась мнѣ завѣса міра!
Въ восторгѣ духъ, трепещеть лира...
Молчу, дивлюся и пою.
О! коль видѣнія любезны!
Звѣздами полны вижу бездны,
Средь тысящи міровъ стою.
На небо обращаю взгляды:
Висятъ горящія лампы,
Струями разливають свѣтъ:
Се градъ, гдѣ Царь царей живетъ!

(25) Какъ риза небо протяженно,
Звѣздами зрится испещренно;
Тамъ солнцы свѣтятъ и горятъ;
Не подкрѣпленные столпами,
Въ пучинѣ воздуха съ водами
Огромные міры висятъ. —
Но кто движеніе далъ планетамъ?
Какимъ послѣдую совѣтамъ,
Парятъ безъ крыль, текутъ безъ ногъ?
Кто водить солнце? — Перстомъ Богъ.

Прекрасна и дивна Вселенна!
Возникни Муза изумленна!
Во свѣтѣ вижу скрытый свѣтъ;
Единъ изъ тѣлъ совокупленный,
Другій безплотный и нетлѣнный,
И въ мірѣ мірѣ другой живетъ.
Въ восторгѣ низхожу на землю:
Древа, луга, поля объемлю.
Къ источникамъ склоняю слухъ:
Въ нихъ чувствую — и жизнь и духъ.

(26) Натуру вижу на престолѣ,
Лѣса, моря, стремнины, поле;
Ей служить хладъ и служить зной;
Подобно полу мозаичну,
Одежду вижу я различну
На всей поверхности земной.
Высоки кедры на Ливанѣ,
Иссопъ и волны въ океанѣ:
Всѣ вещи есть кора одна,
Въ которой жизнь заключена.

Но чѣмъ пространная Вселенна
Жива, красна, одушевленна,
То вѣкъ не можетъ умереть.
Высокихъ горъ хребты сотрутся,
Столпы порфирны разпадутся,
Престанетъ океанъ кипѣть;
А что былинку оживляло,
Лѣса и волны составляло,
Сія всеобщая душа
Жить будетъ, узы разрѣша.

(27) Какія дивности встрѣчаю!
Я Бога зрѣть во славу чаю!
Явился мнѣ безсмертный Духъ!
Въ огнѣ Онъ свѣтитъ и сіяетъ,
Въ водѣ животныхъ напаяетъ,
Въ громахъ разитъ сердца и слухъ;
Величественъ въ тѣлахъ небесныхъ,
Премудръ вещей въ предѣлахъ тѣсныхъ,
Въ песчинкѣ Онъ непостижимъ;
Весь міръ и живъ и славенъ Имъ.

Парящаго отъ перва вѣка,
Низпадша вижу человекъ;
Въ его вникаю существо:
О коль твореніе драгое!
Въ немъ скрыто бытіе другое...
И тамъ сіяетъ Божество!

Мнѣ вся представилась Вселенна
Въ его чертахъ совокупленна;
И что натурѣ жизнь даетъ,
То въ немъ и мыслить и живеть.

(28) Но вся великолѣпность міра,
Какъ въ полѣ вѣянье зефира,
Какъ дымъ исчезнетъ наконецъ!
Погаснетъ солнце, твердь затмится,
И токмо Духъ изобразится,
Гдѣ мыслью преходилъ Творецъ.
Но кто пороки ненавидить,
Тотъ небо новое увидитъ;
Въ духовну облеченный плотъ,
Вселится тамъ, гдѣ есть Господь.

Въ лучи Божественнаго свѣта
Вселенна будетъ вся одѣта,
И не погаснетъ свѣтъ вовѣкъ.
Престоль и посохъ позабудетъ,
И въ ликѣ Серафимовъ будетъ
Сіять безгрѣшный человѣкъ.
О Правящій моей судьбою!
Моя душа полна Тобою:
Творецъ, Создатель мой, и Богъ!
Созижди вѣчный мнѣ чертогъ.

(29)

УТЪШЕНІЕ ГРѢШНЫХЪ.

Сей грѣшники пріемлетъ.

Ев. Луки гл. 15, ст. 1–7.

I. Иисусъ другъ грѣшниковъ.

Спаситель грѣшнаго пріемлетъ!
Та истина гремитъ вовѣкъ.
Что слухъ въ законѣ Ветхомъ внемлетъ,
Что Богъ въ его уставахъ рекъ,
Адаму было что внушено,
Мойсеомъ что изображенно,
Что гласъ Пророческій вѣщаль,
Апостоль¹ перстомъ указаль,
Все учитъ насъ и вразумляетъ,
Спаситель грѣшныхъ принимаетъ.

(30) Уста сыновнія вѣщали;
Словамъ его внималъ Отецъ,
И праведны глаголы стали!
Духъ Божій живо наконецъ
Въ Апостольскихъ посланьяхъ дышетъ,
Рукой Петра и Павла пишетъ,
Во Иоаннѣ Онъ речетъ,
И весь благочестивый свѣтъ
Священные глаголы внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ пріемлетъ!

Сей гласъ изъ вѣка въ вѣкъ твердился,
Внушенный въ древности Творцемъ,
Лишь только первый появился
Нещастный грѣшникъ въ мірѣ семь.
Спроси, спроси о немъ Адама,

¹ Иоаннъ Ев.

У Ноя, иль у Авраама,
Спроси у нашихъ праотцовъ,
Спроси у истинныхъ сыновъ;
Повсюду слухъ преданье внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приемлетъ!

(31) Приемлетъ грѣшныхъ и прощаетъ,
Сомнѣнья кающимся нѣтъ;
То небо день и ночь вѣщаетъ
И Господу хвалы поетъ.
Лишь только грѣшникъ умилится,
Небесна твердь возвеселится.
Въ той истинѣ и Тартаръ самъ,
Затрепетавъ, не споритъ намъ;
И тамо Ангелъ падшій внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приемлетъ!

Сіе вѣщаютъ звѣздны круги,
Моря и горы вопіють,
Господніе враги и други
Единогласно признають.
Но ктожь сей истинѣ не вѣритъ?
Который съ Богомъ лицомъ ритъ,
Не можетъ ближняго терпѣть,
Въ грѣхѣ намѣренъ умереть.
Но пусть онъ въ сѣни смертной дремлетъ,
Спаситель грѣшниковъ приемлетъ!

(32) Хоть міръ бы цѣлый усомнился
И правды сей не признавалъ,
Спаситель бы не премѣнился,
Къ Себѣ бѣ какъ пастырь грѣшныхъ звалъ.
То слово вѣки утверженно,
Къ кресту Господню пригвожденно;
Печатью вѣчной намъ дано
И кровью писано оно.
Изъ устъ Мессіи каждый внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приемлетъ!

(33)

II. Иисусъ всѣхъ грѣшниковъ пріемлетъ.

Пріемлетъ грѣшныхъ Онъ конечно,
Какихъ грѣшнѣе въ мірѣ нѣтъ,
Погибшими которыхъ вѣчно
По ихъ порокамъ числитъ свѣтъ;
Они въ развраты погруженны,
Дѣяній добрыхъ отчужденны,
Законовъ Божьихъ не любя,
Спасеніе гонятъ отъ себя;
О сихъ, о сихъ вселенна внемлетъ:
Спаситель грѣшнаго пріемлетъ!

(34) Святое таинство крещенія
Держають кои отметать;
Въ пучинѣ золь и развращенія
Привыкли съ дѣтства утопать;
Которыхъ совѣсть потушенна,
И благодати ставъ лишенна,
Душа пороками полна,
Питаеть древній грѣхъ она;
Сія живое слово внемлетъ:
Приди, тебя Господь пріемлетъ!

Которые ученіемъ ложнымъ
Ко аду были ведены,
Или писаніемъ безбожнымъ
Разсудки чьи ослѣплены;
Которы быть безгрѣшны чають,
Себя предъ свѣтомъ величаютъ,
Но имя Божіе стыдятъ
И правду угасить хотятъ,
О сихъ вселенная да внемлетъ:
Придите, Богъ и васъ пріемлетъ!

(35) Которыхъ гнусные пороки
Въ погибель адску вовлекли;
Которыхъ чувства ихъ жестоки
Являютъ ужасомъ земли,
И тѣмъ сулитъ спасенье Слово.
Чье сердце дерзко и сурово
И жизнь которыхъ проклята,
Надежда въ Бога отнята,
И сей среди разврата внемлетъ:
Приди, тебя Господь приѣмлетъ!

Въ ихъ жизни съ смертью сопряженной,
Которы безъ стыда грѣшатъ,
И чають, что стезей блаженной
Творя пороки въ рай спѣшатъ;
Грѣхамъ находятъ оправданье;
Забыли Бога почитанье,
Смѣются сыну въ нищетѣ —
За всѣхъ Онъ умеръ на крестѣ,
И пролилъ кровь Свою Спаситель:
Покайтесь! Онъ за васъ проситель.

(36) О вы, предатели, злодѣи!
И вы, таящіе свой грѣхъ,
Обманщики, прелюбодѣи!
Спаситель васъ приѣмлетъ всѣхъ.
Которы душу осквернили,
Сердца отъ Бога уклонили;
Которыхъ мерзостны дѣла; —
Да будетъ Господу хвала!
Съ весельемъ наше сердце внемлетъ:
Спаситель и такихъ приѣмлетъ!

Дверей которы не отверзли,
Когда стучался въ нихъ Господь;
Сердца которыхъ такъ замерзли,
Что имъ не Богъ, угодна плотъ;
Господь которыхъ велегласно
Зоветь къ себѣ, зоветь напрасно,

Они не внемлют ничего,
Не чувствуют словесъ Его;
Да слухъ такихъ несчастныхъ внемлетъ:
Придите, васъ Господь приѣмлетъ!

(37) Желаетъ Богъ, да всякъ спасется,
И тотъ, кто, совѣсть погубя,
Врагу Господню предается
Проклятію предавъ себя;
Кто, душу погубивъ и тѣло,
Вмѣшался въ сатанинско дѣло
Волшебствомъ душу осквернилъ,
Союзъ съ геенной утвердилъ,
И сей, ко славѣ Божьей, внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приѣмлетъ!

Которые, проживъ развратно,
Къ щедротамъ Божимъ притекутъ,
И въ тину ихъ грѣховъ обратно
Забывъ раскаянне впадутъ;
Сіи грѣшнѣе паче стали,
Вкусили благодать и пали,
Сердца свои вруча въ закладъ,
Берутъ отъ Господа назадъ;
Но слухъ и сихъ несчастныхъ внемлетъ:
Придите, Богъ и васъ приѣмлетъ!

(38) Чьи дни Господь когда изчислить,
А грѣшникъ при концѣ своемъ
О покаяніи помыслить,
Уже печется Богъ о немъ;
Къ нему Свои простеръ Онъ руки.
Душевные предваряя муки,
До утра не отлагай,
Всечасно къ Богу прибѣгай:
Христовой причащенныхъ кровью
Приѣмлетъ грѣшныхъ Богъ съ любовью.

Позорной смертью жизнь скончавшихъ,
Мечемъ и казнями всѣхъ родовъ,
Но при концѣ Христа признавшихъ
Пріемлетъ Богъ въ число сыновъ.
Разбойникъ, на крестѣ висящій,
Спасенья вѣчнаго хотящій,
На казнь достойно осужденъ,
Но кроткимъ Агнцемъ онъ спасенъ.
Да пѣснь сію вселенна внемлетъ:
Господь разбойниковъ пріемлетъ!

(39)

III. Отчаянные.

Спаситель грѣшниковъ пріемлетъ,
Хотя не вѣрятъ ихъ сердца,
Хоть совѣсть ихъ молчитъ и дремлетъ,
Хотя не вѣдаютъ Творца,
Иное плоть и міръ вѣщаетъ,
Но истины не возмущаетъ;
Пусть слово адское страшитъ,
Но райское сердца живитъ.
Душевно каждый признается:
Коль хочетъ грѣшникъ, то спасется.

(40) Въ комъ совѣсть гаснетъ и слабѣетъ,
Запутанъ кто въ грѣхахъ своихъ;
Востать кто силы не имѣетъ,
Поддерживаетъ Богъ такихъ.
Гдѣ вся надежда изтребится,
Геэнна предъ очами зрится;
Безсиленъ гдѣ людской совѣтъ,
Но духомъ къ Господу взоветъ,
Тотъ будетъ ада побѣдитель:
Избавитъ грѣшника Спаситель!

Которы Богомъ осужденны,

Симъ Богомъ, праведнымъ Судьей,
За грѣхъ которы отчужденны,
Которыхъ судитъ Моисей;
Которыхъ совѣсть обличаетъ,
Отчаянье ожесточаетъ;
Которые, скользя во адъ,
Какъ Лазарь въ темномъ гробѣ спятъ,
И сихъ конечно сердце внемлетъ:
Спаситель всѣхъ къ себѣ пріемлетъ!

(41) И тѣхъ, которы не извѣстны,
Которымъ шествовать путемъ;
Понятія чьи слабы, тѣсны,
И сомнѣваются о всемъ,
Отчаянны и возмущенны,
Спокойства внутренно лишены,
Съ собою въ преніи живутъ,
Стезями темными идутъ,
Которымъ навѣкъ ихъ мучитель:
Ко свѣту сихъ ведетъ Спаситель!

Которые отринувенны
Отъ всѣхъ живущихъ на земли,
Гонимы, презрѣны, забвенны,
И пресмыкаются въ пыли;
Которыхъ имя ихъ безславить,
Спаситель и такихъ возставитъ.
Отъ коихъ вѣрныя бѣгутъ,
Погибшими ихъ вѣчно чтутъ,
И симъ остался утѣшитель:
Пріемлетъ таковыхъ Спаситель!

(42) Но скажетъ кто-нибудь, рыдая:
Мой судъ уже совсѣмъ свершенъ!
Достигъ я беззаконій края,
Спастись надежды всей лишень;
Господь которыхъ не прощаетъ,
Мой духъ грѣхи тѣ ощущаетъ;
Въ порокахъ жизнь текла моя,

Погибъ и вовсе проклять я!
Я самъ и врагъ свой и губитель,
Пріиметь ли меня Спаситель?

Тебя, тебя Господь пріемлетъ,
Тебѣ десницу подаетъ;
Онъ грѣшнаго моленью внемлетъ,
Лишь слово грѣшникъ изречетъ,
Христова благодать явится.
Кто къ Сыну сердцемъ обратится,
Того Онъ другомъ наречетъ,
И всѣмъ во срѣтенъе течетъ.
Нѣсть грѣхъ щедроты побѣдитель;
Пріемлетъ всякаго Спаситель!

(43)

IV. О истиннѣ сего слова.

Что грѣшникъ истинно спасется,
Да каждый радуется тѣмъ!
Сладчайша пѣснь да раздается
Народамъ въ слышаніе всѣмъ!
Для всѣхъ отверзта дверь спасенья,
И нѣтъ народамъ исключенья:
Язычникъ, жидъ, безбожникъ будь,
Для всѣхъ отверзтъ спасенья путь.
Весь міръ торжественно да внемлетъ:
Спаситель каждаго пріемлетъ!

(44) Но всякій часъ, и каждо время
Кто къ Господу ни притечетъ,
Страстей своихъ свергаетъ бремя;
Спаситель каждаго зоветъ —
И нѣтъ различія ни мало,
Спасенъе обще смертнымъ стало.
Хотя всѣ люди грѣшны суть,
Къ спасенью могутъ достигнуть;

Да всякъ святое слово внемлетъ:
Спаситель каждаго приѣмлетъ!

Когда бы міромъ оглушеннымъ
Потребно было то внушить: —
Иисусе! словомъ Ты священнымъ
Глухихъ старался бѣ научить.
Иные слышатъ, а не внемлютъ,
Святаго слова не приѣмлютъ,
Не видятъ свѣта очи ихъ:
Подѣйствуй, Боже, въ таковыхъ,
Да очи видятъ, ухо внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приѣмлетъ!

(45) Да будетъ пѣснь святая пѣта,
Да слышитъ каждый человѣкъ;
Въ предѣлахъ раздается свѣта,
И не умолкнетъ въ вѣки вѣкъ.
Я пѣсней сладостнѣй не знаю,
И чувствовать предначинаю,
Что щастливъ будетъ цѣлый свѣтъ,
Когда душевно запоетъ,
Когда земля и небо внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ приѣмлетъ!

(46)

V. Порядокъ принятія грѣшниковъ.

Спаситель грѣшниковъ приѣмлетъ,
То всѣ земные могутъ пѣть.
Но естли кто сему не внемлетъ,
Того не хочетъ Богъ имѣть,
Тому отчаяно лѣченье.
Возпользуетъ ли намъ ученье,
Возпользуетъ ли благодать,

Коль станемъ Бога отметить?
Когда грѣховъ я побѣдитель,
Тогда со мною мой Спаситель.

(47) Вѣнцемъ спасенья увѣнчаться
Удобенъ въ здѣшней жизни всякъ;
Но тѣ, которы не трудятся
Познать Христа, разсѣять мракъ:
Сии погибнуть не отложно,
За тѣмъ что ихъ спасти не можно.
Когда къ спасенью принуждать,
Плода какого ожидать?
Пусть грѣшникъ въ преступленьяхъ дремлетъ;
Спаситель ищущихъ пріемлетъ.

Въ грѣхѣ которы признаются,
Тѣмъ Ангелы вѣнцы плетутъ.
Но кои въ мысляхъ не мятутся,
Что есть по смерти грѣшнымъ судъ;
Кто въ Богѣ нужды не имѣетъ,
Во благодати не успѣетъ;
Не мыслятъ кои о Христѣ,
Спасенными не будутъ тѣ.
Но грѣшныхъ съ Богомъ примиритель,
Пріемлетъ каждаго Спаситель.

(48) Которы муку ощущаютъ,
Страданье, скорби во грѣхахъ;
Которы слезы проливаютъ;
Чей духъ обуздываетъ страхъ;
Которы дѣлъ своихъ стыдятся,
Не смѣютъ къ Богу приближаться,
Рыдая вдалекѣ стоятъ,
Себя отчаянными мнятъ;
Которымъ совѣсть обличитель,
Пріемлетъ сихъ, какъ другъ, Спаситель.

Которыхъ чувства откровенны

И явны Господу сердца;
Скрижали чьей души явленны
Всевиждающимъ очамъ Творца;
По волѣ кто свой грѣхъ признаеть,
Того Спаситель извиняеть,
И громко призываетъ гласъ.
Отниметь Богъ грѣхи отъ насъ,
Въ которыхъ явно признаемся:
Какъ червь уничижась, спасемся.

(49) Но тотъ, кто грѣшнымъ признается,
А грѣхъ его не тяготить,
Наружно въ святость предается,
И тайно съ грѣшными грѣшитъ;
Себя кто праведникомъ числитъ
И съ Богомъ примириться мыслитъ,
Когда смирился видомъ онъ,
Но роскошей впадаетъ въ сонъ:
Молитвы сихъ Господь не внемлетъ;
Онъ грѣшныхъ только лишь пріемлетъ.

Къ такимъ Спаситель прибѣгаетъ,
Которымъ въ жизни ихъ ничто
Къ спасенію не помогаетъ,
Не можетъ утѣшать никто;
Грѣховъ искусный исцѣлитель,
Къ безсильнымъ входитъ утѣшитель.
Такому будетъ пастухомъ,
Кому надежды нѣтъ ни въ комъ;
Тому поможетъ и возставитъ,
Отъ скорби изцѣлитъ, прославитъ.

(50) Отчаяннымъ Господь отрада! —
Живите духа въ нищетѣ
Погибшіе Адамля чада,
Распнитесь съ Сыномъ на крестѣ.
Но кто доволенъ самъ собою,
Утѣшенъ міромъ и судьбою,
И кто въ душѣ не признаеть,

Что онъ въ нечестіи живетъ:
Того Спаситель нашъ не знаетъ;
Онъ грѣшныхъ, грѣшныхъ принимаетъ.

Всякъ долженъ въ духѣ очищаться,
Коль не очищенъ челоуѣкъ;
Но если станетъ онъ стараться
Избавиться грѣха во вѣкъ;
Хоть сердце въ немъ и развращенно,
Но согрѣшеньемъ огорченно,
Пусть къ Богу только онъ взоветь,
Конечно Богъ его спасетъ;
Онъ гласу страждущаго внимлетъ,
Мягчитъ сердца, и всѣхъ пріемлетъ.

(51) Чей духъ грѣховну страсть не взлюбитъ,
Но любитъ чья прохлада плоть;
Кто вѣритъ, грѣхъ что душу губитъ,
Пріемлетъ таковыхъ Господь.
Но кто свой грѣхъ еще питаетъ,
Усыновленіе отметааетъ,
Не думаетъ врача искать:
Того не можетъ Богъ принять.
Мольбѣ Онъ хладныхъ душъ не внимлетъ:
Онъ явныхъ грѣшниковъ пріемлетъ.

Священное души спасеніе
Которы пріобрѣсть хотятъ,
Съ грѣхомъ выходятъ на сраженіе,
Но въ тайнѣ миръ съ грѣхомъ творятъ;
Увы!... коварство отложите;
Мы Богу каемся, скажите,
Откройте сердце передъ Нимъ,
Да править весь Спаситель имъ;
Молитвѣ Онъ душевной внимлетъ,
И страждущи сердца пріемлетъ.

(52) Предъ Нимъ кто въ скорби на колѣни,

Лія потоки слезъ, падеть;
Бѣжа пороковъ смертной тѣни
О помощи возопіеть;
Ужалень кто грѣховъ страданьемъ,
Единымъ молитъ воздыханьемъ,
Уста отъ скорби хотъ молчатъ,
Но чувства внутренни гласятъ:
Господь нѣмую прозбу внемлетъ,
И плачущаго Онъ пріемлетъ.

Кто изкупителя инова
Не ищетъ и не хочетъ знать;
Кому есть пища кровь Христова;
Кто любитъ раны лобызать;
Изполненъ кто къ Христу любви,
Всечасно жаждетъ Агнчей крови,
И потъ, за насъ который литъ,
Дороже всѣхъ вещей цѣнитъ:
Такихъ Господь въ сыны пріемлетъ,
Ты мой! ты мой! онъ голосъ внемлетъ.

(53) Къ Нему прибѣгнетъ кто смиренно,
Колики радости тому!
Онъ принять сыномъ непремѣнно,
И дверь отверзится ему,
Източникъ изпіетъ спасенья; —
Но кто придетъ во тмѣ сумненья,
Тому пришествіе вредитъ,
И превратится въ грѣхъ и въ стыдъ.
Да всякъ убогій въ духъ внемлетъ:
О грѣшникъ! нищихъ Богъ пріемлетъ.

Которые чистосердечно
Къ Нему съ слезами притекутъ,
Тѣхъ принялъ Онъ уже конечно,
Его вѣнцы на небѣ ждуть;
Но мало вѣры въ томъ имѣють,
Господнихъ словъ не разумѣють,
Далекимъ чтутъ, что близко къ намъ,

Покоя не даютъ сердцамъ.
Блаженны мы, коль духъ нашъ внемлетъ:
Мы всѣ его! насъ Богъ пріемлетъ.

(54)

VI. Что есть принятіе?

Спастися твердо кто рѣшится,
Спасется тотъ въ единый часъ;
По произволу то случится,
И есть насущный хлѣбъ для насъ.
То дѣло Божье и хотенье,
Призвати смертныхъ во спасенье,
Щедроту грѣшнымъ показать,
Какъ чадъ своихъ облобызать.
Господь несчастныхъ Утѣшитель,
И вѣрный грѣшниковъ Спаситель.

(55) Господь о грѣшныхъ сожалѣеть,
И хочетъ вѣчно оправдать;
Злопамятности не имѣеть,
Не хочетъ зломъ за зло воздать.
Увы! Онъ кровію безцѣнной
Богатство пролилъ всей вселенной
Для изкупленья отъ грѣховъ;
Долги пріялъ Своихъ сыновъ.
Будь рабъ, будь нижній, будь Властитель —
Изкупить каждого Спаситель.

Въ щедротахъ Богъ нашъ изобилень!
Когда ты слабъ въ грѣхѣ своемъ:
Къ Нему прибѣгни, Богъ твой силенъ;
Ищи спасенья, грѣшникъ, въ немъ!
Въ слезахъ ко Господу прибѣгни,
Предъ Нимъ какъ червь себя повергни.
Сколь немощенъ ты ни придешь,
Помощника ты въ Немъ найдешь;
Онъ всякаго моленью внемлетъ,

Прощаетъ, любить и пріемлетъ.

(56) Когда дороги грѣшникъ къ Богу
Обрѣсть не можетъ самъ собой,
Покажетъ Онъ ему дорогу,
И проведетъ Своей рукой;
Онъ душу дремлющу разбудить,
Искать спасенія понудить.
Господь во словѣ вѣренъ есть,
Ко благу хочетъ всѣхъ привести;
Онъ вѣрный грѣшныхъ Утѣшитель,
Пріемлетъ всѣхъ, какъ другъ, Спаситель.

Не требуетъ отъ человѣковъ
За щедрость платы никакой;
Какъ началъ, такъ во вѣки вѣковъ
Обильной благи льетъ рѣкой.
Не за сребро и тучны жертвы,
Предъ Нимъ которы тлѣнны, мертвы,
Заслугъ, посуловъ, ни даровъ,
Не хочетъ отъ Своихъ сыновъ:
Даетъ все даромъ Утѣшитель,
Пріемлетъ всѣхъ, какъ другъ, Спаситель.

(57) Какъ врачъ искусный, насъ болящихъ
Цѣлитъ Превѣчная Любовь;
Цѣлитъ грѣхи во гробъ сходящихъ:
Его для насъ лекарство кровь;
Она отъ смерти насъ спасаетъ,
Душевыи силы укрѣпляетъ,
И нову жизнь она даетъ.
Блаженъ, кто кровь сію пьетъ,
И Слову истинному внемлетъ:
Спаситель каждого пріемлетъ!

Какъ чадъ, Онъ къ Богу насъ приводитъ;
Но грѣшникъ безъ вождей Его
Во преисподнюю низходитъ. —

Взложивъ надежду на Него,
Сердца имѣемъ очищенны.
Къ Отцу приходимъ освященны;
Кто Агнцемъ есть усыновлень,
Тотъ съ Богомъ есть совокуплень;
Кто Слову, жизнь дающу, внемлетъ,
Того съ весельемъ Богъ пріемлетъ.

(58) Кто сыномъ Агнца учинится,
Тотъ Вышнему усыновлень,
Наслѣдникомъ небесъ явится:
Онъ смерть попраля, и оживлень.
Господь такого освящаетъ,
Простря объятія вѣщаетъ:
Ты въ ранахъ пріобрѣль Моихъ
Прощеніе грѣховъ твоихъ!
Я твой со Богомъ примиритель;
Воспой: — меня пріяль Спаситель!

Для тѣхъ на небесахъ короны,
Кого Спаситель воскресилъ;
Онъ всѣ къ спасенію намъ препоны
Съ Собой во гробѣ заключилъ;
За нихъ лилася кровь безцѣнна,
И грѣшныхъ доля изкупленна;
Они имѣніе Его,
Сыны, и други для Него,
Невѣста, коей Богъ любитель;
Онъ грѣшныхъ жизнь, душа, спаситель.

(59) Когда разкаясь человѣки
Подъ крестъ спасенія притекутъ,
Начнутъ золотые вѣки,
Небесны лики воспоютъ.
Спасителю усыновленны,
Не будутъ смертію уязвленны,
Ни ада, ни печали знать,
Но въ Богѣ съ Агнцемъ обитать.
Да вся земля сей пѣсни внемлетъ:

Богъ въ нѣдра грѣшниковъ пріемлетъ!

Хоть въ тинѣ погружень грѣховной,
Пріемлетъ въ сласть пороковъ ядъ,
Не любитъ чистоты духовной
И въ сердцѣ помѣщаетъ адъ;
Но лишь покаешься предъ Богомъ,
Содѣлаетъ тебя чертогомъ,
И въ духѣ Онъ твоёмъ живетъ;
Изгонитъ тму, покажетъ свѣтъ,
Вселится въ душу Утѣшитель,
И ты взовешь: со мной Спаситель!

(60) Онъ дружбы грѣшника искатель,
За нимъ Онъ шествуетъ во слѣдъ;
Защитникъ слабыхъ, оправдатель,
Покайтесь, други! вопіеть.
Его раченіе велико;
Но какъ смирился Богъ толико?
Въ Его устахъ суровства нѣтъ,
Какъ братьевъ грѣшниковъ зоветъ;
Онъ другъ, наставникъ ихъ, учитель;
Пріемлетъ всѣхъ людей Спаситель!

О! сколь бесѣдовать пріятно
Со Утѣшителемъ такимъ!
Умножить вѣру Онъ стократно,
Хоть вѣру слабую хранимъ;
Повсюду съ нами Онъ всечасно,
Готовъ бесѣдовать согласно,
Всю душу лъзя Ему открыть,
О тайнахъ сердца говорить,
И мы увѣрены сердечно,
Что Онъ пріиметъ насъ конечно.

(61) Издревлѣ принималъ, и нынѣ
Пріемлетъ грѣшныхъ всегда;
Кто сомнѣвается о Сынѣ,

Не есть спокоенъ никогда:
Но кто Ходатая узнаетъ,
Къ Его покрову прибѣгаетъ,
Прстанище находитъ въ Немъ,
Бесѣдуетъ Онъ кротко съ тѣмъ.
Онъ другъ ему и утѣшитель,
И купно грѣшныхъ всѣхъ спаситель.

Пасетъ Онъ кающихся вѣрно,
Какъ пастырь, стадо ихъ блюдетъ;
Пріемлетъ тѣхъ нелицемѣрно,
Къ Его кто паствѣ притечетъ;
Онъ Пастырь, Человѣкъ и Слово,
Которое всегда готово
Изъ Ада грѣшника изъять;
Сыновъ хранить, какъ чадо мать.
Хвалу Творцу я возсылаю,
Что такъ о Богѣ размышляю!

(62) При самой человѣкъ кончинѣ
Когда покается, вздохнетъ,
Жизнь вѣчную обрящетъ въ Сынѣ,
Наслѣдство въ Немъ свое найдетъ.
Но тотъ прійти къ Нему не смѣетъ,
Его кто крови не имѣетъ;
Къ спасенью нѣтъ иныхъ даровъ,
Какъ крестна смерть и гробъ Христовъ.
Кто въ нихъ спокойствіе находитъ,
Того на небо Богъ возводитъ.

Пусть взоръ отъ свѣта отвращаютъ
Самолюбивы мудрецы;
Не вѣримъ Слову мы! вѣщаютъ;
Прямыхъ путей не зрятъ слѣпцы.
Напрасно чаютъ фарисеи,
Составя умственны затѣи,
Иной давать Писанью видъ.
Имъ толкъ ихъ обратится въ стыдъ;
Ни сердце ихъ, ни слухъ не внемлетъ,

Что грѣшныхъ Божій Сынъ пріемлетъ.

(63)

VII. Умножаетъ пріемлемыхъ.

Но то Господь терпѣль страданье,
Да грѣсныхъ, какъ дѣтей, спасетъ;
Онъ пристань всѣмъ и упованье,
Пучиной кто страстей плыветъ;
О нихъ Его душа тоскуетъ,
Ихъ кличетъ, небо имъ даруетъ;
Онъ кормщикъ и правило ихъ;
Путь прямъ къ Нему, и берегъ тихъ;
Онъ Другъ намъ, Братъ и Попечитель,
Богъ нашъ, Ходатай и Спаситель.

(64) Зоветъ Онъ грѣсныхъ тихимъ гласомъ,
Срѣтается повсюду, ждетъ;
И раннимъ и вечернимъ часомъ,
Ко мнѣ идите! вопіетъ:
Здѣсь райскіе сады вы зрите,
Ко Мнѣ въ объятія теките,
Внимайте дружескій Мой гласъ;
Отверзиль сердце Я для васъ;
Спасенье грѣшниковъ — Мнѣ сладость,
Мой путь — утѣха, слово, радость.

О грѣшники! Онъ вѣчно съ вами,
Хотя не видите Его;
Лишь хладны Вы къ Нему сердцами,
Не гаснетъ дружество Его;
Совѣтуетъ, скорбитъ и стонетъ,
Доколь грѣшну душу тронетъ,
Доколь сердце умягчитъ,
Доколь грѣха не изребитъ:
За вами Онъ по тернамъ ходитъ,

И васъ къ спасенію приводитъ.

(65) Спаситель страждетъ Самъ душою,
Коль грѣшника не просвѣтитъ;
Онъ горьки слезы льетъ рѣкою,
И снова на крестѣ виситъ;
Смерть грѣшныхъ кровь Его поноситъ,
За нихъ страдая Бога проситъ;
Подобну муку терпитъ Самъ,
Когда ко адовымъ вратамъ
Идущихъ видитъ утѣшитель,
Другъ грѣшныхъ, вѣрный другъ Спаситель.

(66)

VIII. Да не будетъ любовь
Иисова тщетна для насъ.

Внемлите, грѣшники, внемлите!
Да сей не будетъ гласъ вотще;
Спасайтесь, кои не хотите;
Вы можете спастись еще.
Грѣхами души омраченны,
И сномъ жестокимъ отягченны!
Ничто не пробуждаетъ васъ,
Ни страшный адъ, ни Божій гласъ.
Проснитесь! да слухъ вашъ внемлетъ:
Спаситель грѣшниковъ пріемлетъ.

(67) Сей день сему внимайте гласу,
На что до утра отлагать?
Не знаемъ будущаго часу,
Для насъ онъ можетъ не настать.
Всевышній скорый судъ свершаетъ;
Когда свершитъ, не премѣняетъ;
Во буряхъ грѣшнымъ Онъ грозитъ,
Не кающихся Онъ разитъ.

Да каждый грѣшникъ внятно внемлетъ:
Спѣши! доколѣ Богъ пріемлетъ.

Къ тебѣ взываемъ, о Спаситель!
Доколѣ слухъ у насъ отверстъ:
Да не сомкнетъ его губитель,
Да Твой коснется грѣшныхъ перстъ,
И грѣхъ да смерти убоится! —
Спѣшите къ свѣту обратиться,
Познайте Божию Любовь;
Свою за насъ Онъ пролилъ кровь;
Теките къ Пастырю, теките,
Когда избѣгнуть тмы хотите.

(68) Кто вѣру въ Господа имѣетъ
И Слово Божіе хранитъ, —
Тотъ знаетъ, видитъ, разумѣетъ,
Что Богъ съ небесъ на грѣшныхъ зритъ;
Но кто пороковъ не трепещетъ,
Щедроты Божіи отмещетъ,
И любитъ сладости одни,
Въ порокахъ расточаетъ дни, —
Не есть Христовъ ни рабъ, ни воинъ;
Тотъ быть на небѣ не достоинъ!

(69)

Заключеніе.

Ваши очи обратите
На распятаго Христа,
И вѣнецъ терновый зрите,
Тягость чувствуйте креста.
Въ ранахъ, орошенный кровью,
Онъ вѣщаетъ къ намъ съ любовью:
Я за грѣшниковъ терплю!
Но терплю, и не скучаю,
Смерть и язвы получаю
За того, кого люблю.

(70) Кто Меня, о други! любить,
Раны тотъ Мои цѣлить;
Тотъ болезнь Мою сугубить,
Кто на крестъ спокойно зрить.
Царства кто со Мной не просить,
Чашу желчи Мнѣ подносить,
Прободаетъ копіемъ.
Вздохъ единъ, слеза едина,
На крестъ утѣшить Сына, —
Рай пріобрѣтаетъ въ Немъ.

Избавителя цѣлите,
Люди! вѣрою своей;
Плачемъ жажду утолите,
Страждетъ, страждетъ Агнецъ сей;
Раны токомъ слезъ омойте,
Плачьте вы, и плача пойте:
Распятъ, Боже! Ты за насъ,
На крестъ и мы распнемся,
Да Твоими наречемся
Воскресенья въ страшный часъ!

(71)

Ода къ Богу².

О Ты, которому вселенна
Единый кажется чертогъ;
Кѣмъ вся натура оживленна,
Непостижимый вѣчно Богъ!
Во храмъ Твой дивный и священный
Не можетъ умъ непросвѣщенный,
Не можетъ грѣшникъ досягнуть:
Для тѣхъ труба Сіонска трубить,
Кто истинну, кто ближнихъ любить,
И за Тобой дерзаетъ въ путь.

² Печатана въ первый разъ въ 1778 году.

(72) Куда нашъ умъ ни возлетаетъ,
И воображенъе ни паритъ,
Создатель свыше обитаетъ
И тамъ во славъ Онъ горитъ.
Сѣдящъ на радужномъ престолѣ,
Сквозь тверды небеса оттолѣ,
Сквозь дневный свѣтъ, сквозь мракъ ночной,
Сквозь вихри, вкругъ міры носящи,
Сквозь тучи, облака гремящи,
Ты видишь, Боже! шаръ земный.

Сія песчинка, погруженна
Въ пространной міра глубинѣ,
Всегдашней тмою окруженна,
Какъ искра видима тебѣ.
Тобой рожденнаго отъ вѣка
На ней Ты видишь человѣка,
Дрожаще сердце видишь въ немъ;
Ты помыслы Его читаешь,
И духомъ съ нимъ Ты обитаешь
На отдаленномъ кругѣ семъ.

(73) Ты видишь мысли дерзновенны,
Подобны легкимъ облакамъ.
Тебя постигнуть устремленны;
Но Богъ непостижимъ умамъ!
О смертный! къ достиженью Бога
Тебѣ назначена дорога:
Ищи Его въ душѣ твоей!
Ищи!... но страсти возмутились,
Всѣ наши мысли твоей покрылись,
И Бога скрыли отъ очей.

Еще ни звѣзды не сіяли,
Не колебался океанъ;
Огонь, вода и вѣтры спали,
Начала не было времянь:

Но Вышній самъ свѣтилъ Собою,
И правилъ будущей судьбою;
Въ смѣшеніи стихійномъ зрѣлъ
Небесну твердь, моря и сушу,
Дающу жизнь твореньямъ, душу;
Ликъ солнечный предъ Нимъ горѣлъ.

(74) Когда вѣковъ круги начнутся,
Когда созиждень будетъ свѣтъ,
Онъ зналъ, гдѣ кедры вознесутся,
И гдѣ былинка возрастетъ;
Всѣ таинства Онъ зналъ природы;
Взиралъ на всѣхъ животныхъ роды,
Что были, есть, и будутъ впредь;
Вещамъ не полагая чину,
Уже Онъ вѣдалъ ихъ судьбину,
И могъ имъ быть не повелѣть.

Какъ солнце землю освѣщаетъ,
Такъ солнце освѣщаетъ Богъ.
Его вселенна не вмѣщаетъ;
Неизмѣримъ Его чертогъ:
Но все живетъ Его дхновеньемъ,
Цвѣтетъ единымъ мановеньемъ,
Вселенну движетъ персть Его;
Речеть — и время течь престанетъ;
Речеть — и солнце вновь проглянетъ,
И паки сотворится свѣтъ.

(75) Но Богъ Свое творенье любитъ,
Храня порядокъ въ мірѣ семъ;
Безъ нужды праха не погубитъ
Ни капли водъ, ни травки въ немъ.
Кипитъ ли море, солнце ль тмится,
Все къ лутчему концу стремится;
Что кажется нестройствомъ намъ,
То къ пользѣ служить всей вселенной:
Но нашъ разсудокъ ослѣпленной
Во гнѣвѣ Бога кажетъ тамъ.

Въ златой сіяюще порфирѣ,
Всходяще солнце говоритъ:
Есть Богъ, вещей правитель въ мірѣ,
Который жизнь всему даритъ.
Прекрасна дщерь Его, Природа,
Гласитъ для каждаго народа:
Господь единый всѣмъ Отецъ!
Гласятъ безплотныхъ стройны лиры,
Бореи, громы, и зефиры:
«Великъ! непостижимъ Творецъ!»

(77)

ОДЫ ТОРЖЕСТВЕННЫЯ

(79)

Ода Ея Императорскому Величеству ЕКАТЕРИНѢ II.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛѢ³

Цвѣти, Россія, украшайся,
Вносись, красуйся, утѣшайся;
Въ порфиру нову облекись,
Главу покрой вѣнцемъ лавровымъ,
Исполнена весельемъ новымъ,
Предъ Трономъ Божьимъ преклонись:
Пролей къ Нему благодаренья,
Что внемля твой усердный гласъ,
Тебя Господь отъ преткновенья
Рукой ЕКАТЕРИНЫ спасъ.

(80) МОНАРХИНЯ! не лирно пѣнье,
Не тщетное къ стихамъ стремленье,
Мое то сердце говоритъ:
То вся Россія предъ Тобою
Гласить, какъ громкою трубою,
И ревностью къ Тебѣ горить.
Пространныя Твои границы
Наполня стройны голоса
Любезной имянемъ Царицы,
Пронзаютъ свѣтлы небеса.

Россія общу радость внемлетъ,
Потупленну главу подъемлетъ,
И будто поле отъ росы
Твоей щедротою живится;
На что ни взглянетъ, веселится,

³ 1762 года, Июля 10 дня.

И славить радостны часы;
Часы, когда небеснымъ духомъ
Ты къ вѣрѣ двигнута была,
И пробудила Россю слухомъ,
Что къ щастью ихъ на Тронъ взошла.

(81) ЕКАТЕРИНА на Престолѣ! —
О Музы! есть ли силы болѣ
МОНАРХИНЮ мою гласить?
Коль чувствіе открыть сердечно,
Тогда бы не престалъ я вѣчно
Ее хвалами возносить! —
Но смертныхъ умъ ослабѣваетъ,
Дерзнувъ безсмертну славу пѣть;
Однако мысль еще пылаетъ,
Еще стремится возлетѣть.

Составя пѣснь ЕКАТЕРИНѢ,
Могу ли о любезномъ Сынѣ,
О Сынѣ умолчать Ее?
Могу ль хвалы окончить прежде,
И къ нашей истинной надеждѣ
Таить усердіе мое?
Взгляни, взгляни на кринъ прекрасный,
Цвѣтущій ради благъ твоихъ,
Россія! узришь образъ ясный
Въ Немъ Предковъ и Царей своихъ.

(82) Россія! для тебя Содѣтель
На Тронъ возвысилъ Добродѣтель!
Наслѣдникъ подражаетъ Ей.
МОНАРХИНЯ, подавь намъ радость,
Любезна Сына красить младость
Для насъ премудростью Своей.
Ликуй, Россія! украшайся;
Ты къ храму щастья притекла;
Спокойствомъ, славой насыщайся,
И будь велика, сколь была!

(83)

Ода
На день Высочайшаго Рождения
Ея Императорскаго Величества,
1763 года.

Прекрасно солнце въ дни весенны
Приемлетъ новыя красы;
Отъ насъ Бореемъ унесенны,
Пріятны отдаетъ часы;
Свои лучи усугубляетъ,
И всю натуру оживляетъ:
Ключи въ брегахъ съ журчаньемъ бьютъ,
Лѣса и нивы зеленѣютъ,
Стада бѣгутъ, цвѣты пестрѣютъ, —
Пастушки намъ весну поютъ.

(84) О Ты, прекрасно солнце наше —
МОНАРХИНЯ! внемли мой гласъ:
Твое правленье, солнца краше,
Бодритъ и утѣшаетъ насъ;
Рожденна Ты весной подобно,
Скончатъ въ Россіи время злобно,
Возставитъ миръ и тишину;
Отъ внѣшнихъ сохранить злодѣевъ,
Прогнать ревущихъ вкругъ Бореевъ,
И вѣчну возвратитъ весну.

Блистающа небеснымъ свѣтомъ,
Подъ сѣнью Божескихъ лучей,
И намъ, Всевышняго обѣтомъ,
Земныхъ дарующа Царей,
Когда раждаешь ты, Судьбина,
Такихъ, какъ днесъ ЕКАТЕРИНА, —
Отмѣнны таковыя дни!
Представъ ты Ихъ передо мною:
Какъ чисто солнце предъ луною,

Горять предъ прочими Они!

(85) Надъ Цербстомъ вижу облакъ ясной,
Которой низпустиль Творецъ,
И въ немъ Богини ликъ прекрасной,
Держащей скипетръ и вѣнецъ;
Се громкій гласъ Ея твердится:
Въ сей день младенецъ въ свѣтъ родится,
Священный скипетръ сей принять,
Полночный край отъ тмы избавить,
Вѣнецъ взложить, народъ прославить,
И подданныхъ сердца плѣнять.

Вселенну симъ наполня слухомъ,
Взнеслась Богиня въ небеса:
Пророческимъ въ то время духомъ
Вѣщаемя словеса,
Уже исполнилися нынѣ;
Врученный скиптръ ЕКАТЕРИНѢ,
Россія сей внушаетъ гласъ, —
И буря браней удалилась,
ЕКАТЕРИНОЙ укротилась,
Вѣнецъ Ея прославилъ насъ.

(86) Не можетъ лира толь согласно,
Не можетъ весь Парнасскій ликъ
Воспѣть торжественно и ясно,
Какъ сей для Россовъ день великъ:
Онъ былъ поставленъ намъ завѣтомъ,
Явиться душъ небеснымъ свѣтомъ,
И насъ во мракъ озарить.
Сей день утѣшилъ всю Державу:
За щастье, тишину и славу,
Намъ долгъ ему благодарить.

О грозныя войны кровавы!
Носящи горесть, огонь и мечь, —
Другихъ ведите къ храму славы,

Стремясь народъ губить, и жечь;
Отъ странъ Россійскихъ прочь летите!
Кровавы лавры не цвѣтите
При масличныхъ оливахъ здѣсь,
При нашихъ временахъ спокойныхъ;
И лиръ торжественныхъ и стройныхъ
Не возмущайте воплемъ днесъ.

(87) Покойся Марсъ Россійской нынѣ,
Подъ тѣнью мира отдыхай,
И пѣсни по ЕКАТЕРИНѢ
Въ безбранной тишинѣ внимай,
Доколь съ военною трубою
Орлы Россійски предъ тобою
Къ сраженію не полетятъ!
Подобны лишь себѣ въ геройствѣ,
Они, во брани и въ спокойствѣ,
Сердечной храбростью горятъ.

Гласяща многими устами
Хвалы земныхъ Царей дѣламъ,
О Слава, съ громкими трубами
Летающа по всѣмъ мѣстамъ!
Хоть здѣсь военной огнь не дуетъ,
И ухо въ сей странѣ не чуетъ
Оружій треска, вопля, слезъ:
Но какъ въ моряхъ шумящи волны,
Гласятъ сердца, весельемъ полны,
ЕКАТЕРИНУ до небесъ.

(88) Которая Держава болѣ
Спокойства и утѣхъ полна?
Гдѣ славы ищутъ въ ратномъ полѣ,
И гдѣ свирѣпая война
Грызетъ народъ, тѣснить и губить?
Иль гдѣ Владѣтель царство любитъ,
Отъ смертныхъ жалъ щадитъ рабовъ,
Столпы спокойства утверждаетъ,
И садъ пространный насаждаетъ

Полезныхъ обществу плодовъ?

Се храмъ Минервинъ отворяють
Монаршія щедроты намъ,
И Музы руки простирають
Россійскимъ дочерямъ и сынамъ!
Вѣнцы торжественные вьются,
И скоро пѣсни раздадутся
Монаршескихъ великихъ дѣлъ.
Она ихъ множить къ нашей славѣ;
Парнассъ подобну сей Державѣ
Блаженствомъ, никогда не пѣлъ.

(89) Вносись, Россійская Держава,
Превыше облакъ возносись!
Тебя гремящая ждетъ слава
Вездѣ, куда ни обратись.
Она межъ льдистыми морями,
И за Балтійскими берегами
Изъ лавръ вѣнцы тебѣ плететь.
Простри свои далеко взоры
За Лену, за Кавказски горы:
Она тебя повсюду ждетъ.

Ты славой день отъ дня восходишь,
Подобно какъ высокій кедръ;
ЕКАТЕРИНА! Ты приводишь
Къ концу, что началъ дѣлать ПЕТРЪ.
Сіе начало совершится,
Да вѣчно славы не лишится
Благословенный свыше Домъ,
И паче свой народъ прославить;
Великаго ПЕТРА представить
Она во ПАВЛѢ молодомъ.

(90) О ПЕТРЪ! ликуй въ предѣлахъ вѣчныхъ,
И зри съ небесной высоты
На множество огней сердечныхъ,

Которы въ насъ размножилъ Ты. —
Въ сіяніяхъ небесна свѣта,
Возрадуйся, ЕЛИСАВЕТА!
Возрадуйся Ты насъ любя!
Блаженны Россы и по нынѣ!
Лишенны васъ — въ ЕКАТЕРИНѢ
ПЕТРА мы видимъ и Тебя.

Россійскіе пространны грады!
Вносите къ облакамъ главы,
И день дражайшей намъ награды
Торжественно воспойте вы.
Цвѣтите вы и прославляйтесь,
ЕКАТЕРИНѢ представляйтесь,
Подобны многимъ олтарямъ,
Гдѣ искренни сердца пылають,
И Ей толь многихъ благъ желаютъ,
Какъ нѣжны чада матерямъ.

(91) А ты, градовъ Ея царица,
Ликуй, щастливая Москва!
Въ тебѣ, какъ свѣтлая зарница,
Блеститъ вѣнчанная Глава,
Залогъ Россійскаго спасенья,
На Тронѣ въ первый разъ рожденья
Пресвѣтлы празднуетъ часы;
Одѣнься ты сіяньемъ новымъ,
Покрой, Москва, вѣнцемъ лавровымъ,
Покрой ты бѣлые власы.

Весна Природу обновляетъ, —
Сей день тебя да обновить;
Какъ утро солнца лучъ являетъ,
Такъ намъ тебя сей день явить:
Исполнена усердна гласа,
Ты въ ликѣ цѣлаго Парнаса
Среди градовъ Россійскихъ пой,
Что день сей, день ихъ славы,
Утѣха Россія Державы...

Но что слабѣетъ голосъ мой?

(92) Среди утѣхъ Москва крушится
Отъѣзда слухомъ Твоего,
Что вскорѣ здѣшній градъ лишится
Прекрасна солнца своего:
Но мы сердца и души двигнемъ,
И Невскихъ береговъ достигнемъ,
Свое усердіе являть!
Стремиться будемъ за Тобою,
Какъ многи звѣзды за Луною,
И день сей вѣчно прославлять.

(93)

Ода Ея Императорскому Величеству
на день Возшествія на престолъ,
1763 года.

Едемскому подобна саду,
Россія въ наши дни цвѣтетъ:
Всеобщую сердецъ отраду
Мой стихъ усердно воспоетъ.
Простри свои, о Муза! взоры
На степи, на лѣса, на горы,
Гдѣ семь морей вокругъ ревуть —
Воззри на дальніе предѣлы;
Тамъ грады, олтари и селы
Въ любезной тишинѣ цвѣтуть.

(94) Чудимся Вышняго судьбинѣ,
Его щедротъ пучину зря,
Что въ мудрой намъ ЕКАТЕРИНѢ,
Готовилъ Мать, Судью, Царя!
Что нынѣ Россамъ возсіяло,
То въ книгѣ вѣчности стояло
Изображенно искони.
Намъ должно было просвѣтиться

И будто вновь переродиться,
А Ей прославить наши дни.

Не такъ ли Онъ ПЕТРОВУ славу
Превыше облакъ возносилъ,
Когда вручилъ Ему державу
И на Престоль благословилъ,
Да паче Онъ Себя прославить,
Блаженство общее возставить,
Да ПЕТРЪ народъ свой просвѣтитъ,
Россію до небесъ воздвигнетъ,
Да съ ней безсмертія достигнетъ,
И силу Божію явитъ?

(95) Не такъ ли Онъ ЕЛИСАВЕТЪ
Родительскій вручилъ вѣнецъ,
И предписалъ въ своемъ завѣтѣ
Отрадой Россіихъ быть сердце? —
Мы память Оныхъ ублажаемъ,
И къ благу общему желаемъ,
Да всѣ Россійскіе сыны
Подобнымъ щастьемъ насладутся
И въ дни такихъ Царей родятся,
Какихъ мы въ оныхъ лишены.

На данный щедрыми Судьбами
Тебѣ, МОНАРХИНЯ! вѣнецъ
Мы радостными зримъ очами,
Съ весельемъ искреннихъ сердець,
Что Ты самимъ вѣнчанна Богомъ,
Намъ то является во многомъ: —
Твое раченіе о насъ, —
Тобой исправленны законы,
Щедротъ безмѣрныхъ миліоны
Вѣщаютъ намъ, какъ Божій гласъ:

(96) «Возлюбленный народъ жалѣя, —
Съ небесъ вѣщаетъ Россамъ Онъ —

Извелъ изъ плѣна Я Мойсея,
И мною гордый Фараонъ
Потопленъ во свирѣпомъ морѣ;
На радость преложилъ Я горе,
И для явленія чудесь,
Алкающу въ степяхъ народу
Изъ камня источилъ Я воду,
И пищу подалъ имъ съ небесъ.

Твои дрожащи видя руки,
Простерты видя къ небесамъ,
Твоей умножить славы звуки,
Низшелъ къ тебѣ, Россія, Самъ.
Содѣлать славному и спокойному,
Вѣнчалъ МОНАРХИНЮ, достойну
Щедротъ и милостей Моихъ.
Въ Ней сердце царствовать способно;
Она возшла зарѣ подобно,
И вѣкъ начнется дней златыхъ».

(97) О смертные! не изстребляйте
Своей надежды на Творца;
И гордостью не отравляйте
Во благоденствіи сердца.
Хотя земные суть Владыки
Предъ смертными у насъ велики;
Но Богъ и надъ Царями Царь.
Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
Престолы рушитъ, возставляетъ,
Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.

А ты, о наглость ослѣпленна!
Свои стоглавы жала крой.
Предъ Богомъ — прахъ одинъ вселенна!
Что можетъ значить ужасъ твой?
Дерзнетъ ли мысль твоя стремиться
И сердце противъ ополчиться,
Кто Богомъ на престолъ взведенъ? —
Когда спокойно жить хотите,

Рабы! владыкъ своихъ любите,
И будетъ вѣкъ для васъ блаженъ.

(98) Но могутъ ли у насъ рождаться
Толико гнусныя сердца,
Дабы дерзали волноваться
Противу общихъ благъ Творца?...
Исполнены къ Тебѣ любви,
МОНАРХИНЯ! своей мы крови
Щадить не можемъ за Тебя.
Ты насъ какъ солнце утѣшаешь,
Живишь, питаешь, освѣщаешь,
Народъ Россійской возлюбя.

Господь, сіяющъ надъ звѣздами,
Да внемлетъ искренней мольбѣ,
Котору сердцемъ и устами
Всегда приносимъ о Тебѣ: —
Да узришь столько дней блаженныхъ,
Колико предъ Тобой возженныхъ
Сердечъ усердіемъ горить! ...
Что голосъ лиры заглушаетъ?
Россія тоже вся вѣщаетъ,
Сей гласъ по всей земли гремитъ.

(99)

Ода Ея Императорскому Величеству
Іюня 28 дня, 1764 года.

Сіяй сей день предъ всѣми днями,
Какъ солнце между всѣхъ свѣтилъ,
Въ которой царствовать нами
ЕКАТЕРИНЪ Богъ судилъ.
Хоть Музу я и призываю,
Не я глашу, не я вспѣваю
Благословенный Россамъ часъ;
Дѣла Ея весь міръ плѣняютъ,

Концы вселенной наполняютъ
И движутъ къ пѣнію Парнассъ.

(100) Державы тѣ благополучны,
Которымъ Богъ благословитъ
Стада, луга и нивы тучны;
Которымъ Ангела явитъ
Въ лицѣ Царя благочестива;
И нѣтъ народа толь щастлива,
Который въ мѣрѣ такъ живетъ,
Какъ прежде Божьимъ гласомъ званной,
Народъ къ землѣ обѣтованной,
Пріемлющій Его заветъ.

Побѣдной дождались судьбины
И вы, Россіяне, теперь:
Рукою вамъ ЕКАТЕРИНЫ
Отверзта ко блаженству дверь.
Явилъ намъ Богъ рукою сею,
Какъ черезъ море путь Мойсею,
И насъ причелъ къ Своимъ сынамъ.
ЕКАТЕРИНОЙ освѣщенны,
Мы въ храмъ спокойства пренесенны.
О Муза! опиши сей храмъ.

(101) Въ долину онъ стоитъ обширной,
Гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна;
Стада гуляютъ въ паствѣ жирной,
Всегдашня тамо тишина:
Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ,
Другъ друга жители лобзаютъ;
Щитъ Марсовъ, шлемъ и копіе
Лежатъ увитые цвѣтами;
Возлегли Марсъ на нихъ локтями,
Стрежеть оружіе сіе.

Во храмѣ ликъ Богини зрится:
Изъ звѣздъ горитъ на Ней вѣнецъ,

И жертвенникъ предъ Ней курится
Желаній искреннихъ сердець.
Суды святыни полны тамо,
И предъ лице Богини прямо
Отворенъ Правдѣ вольной входъ.
Тамъ Злоба заключенна въ узы,
При храмѣ воспѣвають Музы
И составляютъ хороводъ.

(102) Лучами солнца озаренно
Тамъ Безпристрастіе сидитъ;
Имѣя сердце отворенно,
Въ источникъ на себя глядитъ.
Щедрота всѣхъ прошенью внемлетъ,
Текущихъ къ ней въ покровъ объемлетъ;
Довольства, Игры, тьмы Утѣхъ
Другъ съ другомъ руки соплетаютъ,
Вокругъ сея страны летаютъ,
На радость возбуждаютъ всѣхъ.

МОНАРХИНЯ! твоя порода,
И всѣхъ согласіе сердець,
Любовь, усердіе народа,
Изъ розъ плели Тебѣ вѣнецъ.
Ты храмъ спокойства соорудила,
Стѣнами мира оградила, —
И поразила грозный рокъ.
Россію оживить пространну,
Съ небесъ Ты намъ низводишь манну,
Ефратскій отверзаешь токъ.

(103) Составя нынѣ цѣпь едину
Россія ревностныхъ сердець,
Подъемлетъ къ небесамъ вершину, —
На ону Богъ взложилъ вѣнецъ.
Ея печалямъ запрещаетъ,
И такъ обнявъ ее, вѣщаетъ:
«Любезна ты, Россія, Мнѣ!
Вознесъ тебя Я паче мѣры,

И щедрости явилъ примѣры,
Что мудрой поручилъ Женѣ.»

Коль можешь ты, усердна лира,
Взнестишь до самыхъ горнихъ мѣстъ,
Гдѣ дальніе предѣлы міра,
Гдѣ множество сіяетъ звѣздъ:
Гласи, гласи ты всякой твари,
Что есть на свѣтѣ Государи
Щастливящи своихъ людей,
Владѣющіе ихъ сердцами,
Слывущи подданныхъ отцами
И солнцемъ всѣхъ земныхъ Царей.

(104) Хотѣлъ бы заглушить перуны
Я гласомъ лиры моея,
И звонкія настроить струны
Для звучной славы Твоея;
Но Ты всечасно славу множишь,
И голосъ струнъ моихъ тревожишь
Тебѣ летящей лиры въ слѣдъ.
Похвалъ Себѣ усугубляешь,
И стихотворцевъ утомляешь....
Постой, мнѣ къ пѣснямъ силы нѣтъ.

Ты, скипетромъ благословенна,
Благословила всѣхъ сердца;
Вѣнцемъ Россійскимъ покровенна,
Ты удостоила вѣнца
Благополучіе народа,
Который — насъ влекла природа
И ревность — на Тебѣ узрѣть.
Ты всѣхъ блаженствомъ озаряешь,
Для насъ Ты Свой покой теряешь,
И намъ ли дѣль Твоихъ не пѣть?

(105) Довольно ли, ЕКАТЕРИНА,
Россією Тебѣ владѣть?

Тамъ, гдѣ лежитъ Японъ и Хина,
Гдѣ Музы древни стали пѣть,
Гдѣ Фебъ коней низводитъ въ воды,
Еще въ невѣдомы народы,
Во всѣ вселенныя края,
Когда распространишь Державу,
Вездѣ Свою умножишь славу,
Законы мудры подая.

Не громки пѣсни, не корона
Монаховъ славить въ свѣтѣ семь, —
Не скипетръ, не высокость трона
Въ стихахъ усердныхъ мы поемъ;
Примѣры вображаемъ живы,
Отъ коихъ подданны щастливы,
Которы удивляютъ свѣтъ.
Прославилъ насъ Тобой Содѣтель,
Россія вся тому свидѣтель,
Что стихъ мой истину поетъ.

(106) Когда бы отъ усердна гласа
Составился похвальный стихъ:
То бѣ въ хорѣ цѣлаго Парнаса
Былъ громокъ звукъ стиховъ моихъ;
Но духъ мой силы не тѣряетъ,
Моя МОНАРХИНЯ взираетъ
На ревность и на пѣснь мою.
Я съ Музами себя вмѣщаю;
Я славенъ тѣмъ, что я вѣщаю
ЕКАТЕРИНУ и пою.

Се внемлю новой славы звуки!
Меня видѣнія влекутъ: —
Младенцы, простирая руки,
Рождаются и такъ рекутъ:
«Ты насъ отъ смерти избавляешь,
Питаешь, грѣешь, оживляешь,
Другую намъ Ты жизнь даешь.
Да тако Богъ тебя прославить,

И столько лѣтъ Тебѣ прибавить,
Колико жизней соблюдешь.»

(107) О Ты, Россійскихъ странъ свѣтило,
Примѣръ Царей, Примѣръ Цариць!
Твое раченъе соорудило
Минервинъ храмъ и для дѣвиць:
Она Россію озаряетъ;
Копьемъ священнымъ ударяетъ —
И всходитъ при Невѣ Парнассъ!
Веселій многихъ насыщенна,
Россія къ небу восхищенна,
И къ Богу сей возноситъ гласъ:

«О Боже! Ты меня возставилъ
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой;
Въ сей день, въ сей день меня прославилъ,
Украсилъ, отдалъ мнѣ покой.
Въ сей день Божественное Око,
Проникнувъ грудь мою глубоко,
Блаженства мнѣ явило свѣтъ.
Обязанны Тобой народы, —
Съ него благополучны годы
Начнутъ считать до поздныхъ лѣтъ.»

(108) Се гласъ, который вся Россія
Возноситъ въ щастливой судьбѣ;
Но чтожь, МОНАРХИНЯ, другія
Державы мыслятъ о Тебѣ?
Дивяся, на Тебя взираютъ,
Отвсюду руки простираютъ
Съ Тобою дружбу утверждать.
Тобою стали всѣ спокойны.
Монархи таковы достойны
И цѣлымъ свѣтомъ обладать.

Царей страны Россійской славить
Не первый устремился я;

Но Ты могла еще оставить,
Что лира пѣть должна моя.
Куда мой взоръ ни обратится,
Вездѣ Твоимъ дѣламъ дивится!...
Теперь я лиру положу,
И то скажу однимъ языкомъ,
Что въ духѣ я Твоемъ великомъ
Часть Божьей силы нахожу.

(109)

Ода Ея Императорскому Величеству, на день
Высокоторжественнаго Коронованія
Сентября 22 дня, 1766 года.

Воспой, моя усердна лира,
Блаженство Россовъ, славу міра,
ЕКАТЕРИНИНЫ дѣла!
Намъ райски двери отворились,
Мы вѣчной славой озарились,
Когда вѣнецъ Ты приняла.
Слагай стихи, о Муза! громки,
Глася Монархиню свою;
Прочтутъ ихъ поздные потомки:
ЕКАТЕРИНУ я пою.

(110) Когда пространная вселенна
Ея дѣлами удивленна,
Простерши любопытный взоръ,
Труды Монаршески счисляетъ,
И радость на лицѣ являетъ,
Почто молчишь, Россійскій хоръ?
Сплетай вѣнцы, о лира! нынѣ;
Подъ тѣнью мира веселись,
И жертвуя ЕКАТЕРИНѢ,
Своей судьбиной возгордись.

Вносился Пиндаръ громкимъ гласомъ,

Пареньемъ орлимъ надъ Парнассомъ,
Но Греческихъ бойцовъ онъ пѣлъ.
Не такъ мой строень гласъ и пышень,
Но будетъ онъ вселенной слышень
Вѣщаніемъ премудрыхъ дѣлъ.
Ты, Пиндаръ, вѣкомъ тѣмъ гордился,
Раждались гдѣ бойцы одни;
А я горжусь, что я родился
Моей МОНАРХИНИ во дни.

(111) Се Музы лавры собираютъ,
Повсюду взоры простираютъ:
Смотря вселенныя въ концы,
Царицу нашу первой числятъ,
И только возмущенны мыслятъ,
Чему лавровы плестъ вѣнцы.
Куда они ни обратятся,
Повсюду слышень славы гласъ;
Вездѣ трофеи славы зрятся,
Блаженство множится для насъ.

Ліяся темными лѣсами,
Натуры пользой и красами,
Струи по Волгѣ вопіютъ:
Прошли мои печальны вѣки,
Не звѣри днесъ, но человѣки
Мою прохладну воду пьютъ;
Въ лугахъ стада жирѣютъ тучны,
При нихъ вѣнки пастушки вьютъ;
Брега мои не стали скучны,
ЕКАТЕРИНУ здѣсь поютъ.

(112) Горяще солнце удивилось,
Въ теченіи остановилось,
Увидя населенный брегъ,
Гдѣ прежде хищны звѣри крылись;
Его зеницамъ отворились
Стада среди весеннихъ нѣгъ.
Пространны села взоръ плѣнили, —

Прекрасныхъ множество садовъ —
Не вы ль Натуру премѣнили?
Мнѣ мнится, Фебъ спросилъ боговъ.

Не боги, но для насъ вѣнчанна
ЕКАТЕРИНА Россамъ данна
Творить велики чудеса.
Для Ней плоды безъ солнца зрѣютъ,
Для Ней холодны вѣтры грѣютъ,
Веселье кажутъ небеса.
Россія, сердцемъ восхищенна,
Главу подъемлетъ къ небесамъ,
Вѣщаетъ Ею просвѣщенна:
Мнѣ Богъ, мнѣ Богъ свѣтило самъ!

(113) Во тмѣ нестройства погруженной,
Расколомъ, звѣрствомъ окруженной,
Великій ПЕТРЪ явился мнѣ.
Открылъ дверь мыслямъ и языку,
И славу придалъ мнѣ велику;
Но то я зрѣла какъ во снѣ.
Какъ утрення заря, явилась
ЕЛИСАВЕТА въ славѣ намъ.
ЕКАТЕРИНА воцарилась,
Спокойство отдано сердцамъ.

Внимая громкой славы звукамъ,
Удобно ли молчать Наукамъ
Монаршія щедроты къ нимъ?
Ты ревность въ ихъ сердца вливаешь,
Своею сѣнью покрываешь,
Отраду посылаешь имъ;
Крилами насъ щедроты кроишь,
Московскимъ Музамъ жизнь даешь;
Парнассъ цвѣтущій Музамъ строишь,
Кастальски воды всѣмъ ліешь.

(114) Одни ли мы Тобой спасенны,

Прославленны и вознесенны?
Я вижу плачущихъ сиротъ,
Къ Тебѣ ихъ руки простирають,
И на Тебя глася взирають:
Спасаетъ Ты несчастныхъ родъ!
Мнѣ въ мысляхъ зрится восхищенныхъ
Дѣвиць и юношъ красный садъ,
Тобой пріятыхъ, возрожденныхъ
И приносящихъ виноградъ.

Когда бы силы всѣ Парнасса,
Не тратя громка лирна гласа,
Могли ЕКАТЕРИНУ пѣть:
То былъ бы слышенъ онъ во вѣки —
Доколѣ въ мірѣ человѣки,
Не преставалъ бы онъ гремять.
Я къ пѣснямъ болѣ не дерзаю
Въ теченіи спокойныхъ дней,
Монарши руки лобызаю —
И лиру положу предъ Ней.

(115) О! естли въ мірѣ человѣку
Прибавить можно, Творче! вѣку;
Внемли усердныя сердца: —
ЕКАТЕРИНОЙ ободренны,
Щедротъ лучами озаренны,
Тебя мы просимъ, благъ Творца:
Для вдовъ, всемъ сердцемъ вопіющихъ;
Продли число Монаршихъ дней!
И для сиротъ, отрады ждущихъ,
Составъ два вѣка Ты для ней.

(116)

Ода Ея Императорскому Величеству
на прибытие въ Москву
1767 года.

Когда небесные чертоги
Оставя баснословны боги,
Сходили къ намъ на шаръ земной,
И грады оны посѣщали,
Законы смертнымъ гдѣ вѣщали,
Дабы устроить ихъ покой:
Тогда веселые народы,
Сошедшись въ мирно торжество,
Златые почитали годы,
Когда являлось божество.

(117) Сердецъ избранная Царица!
Воззри на радостныя лица
Московскихъ жителей, воззри;
Не Бога зрѣть въ Тебѣ мы чаемъ;
Но яко чада мать встрѣчаемъ,
О матерь! руку къ намъ прости.
Ее стократно лобызая,
Мы будемъ щастье цѣловать,
Которое народъ сзывая,
Для насъ Ты хочешь основать.

Москва усердіемъ горѣла,
Поднявъ главу, она смотрѣла
На путь, которымъ Ты текла;
Украшилася какъ невѣста,
И двинуться желая съ мѣста
Во среѣтенье Тебѣ, рекла:
Меня, покрыту сѣдинами,
Ты всей Россіи предпочла:
Велишь, чтобъ сердцемъ и устами
Законъ я Россамъ изрекла.

(118) Когдабъ въ моей то было волѣ,

Не сдѣлалабъ закона болѣ,
Какъ вѣчно царствовать Тебѣ;
Мы были бы во вѣкъ щастливы,
Носили бы въ рукахъ оливы,
Вѣнки лавровы на себѣ;
Не видя пламенной Беллоны,
Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
Имѣли бы свои законы,
Написанны въ Твоихъ очахъ.

Премудрость, истинна и вѣра
Не знали бѣ лутчаго примѣра,
Какъ слѣдовать стопамъ Твоимъ;
По томъ, въ сіи златые годы,
И всѣ бы нареклись народы
Россійскимъ именемъ однимъ.
Прогнавъ раздоръ въ предѣлы ада,
Насталъ бы въ мірѣ наконецъ
Единый стражъ едина стада,
Единый Царь, но Царь сердець!

(119) Когда бы Ты простерла взгляды,
Цвѣтущи бѣ изникали грады;
Подъ сѣнью миртовыхъ древесъ
Поющи Музы ликовали,
Златые бѣ вѣки воспѣвали
Съ Тобою данны отъ Небесъ;
Куда бы перстомъ указала,
Оттуда бы убѣгло зло;
Блаженство процвѣтай! сказала —
И тамъ бы благо процвѣло.

Исполнится сіе конечно!
ЕКАТЕРИНА будетъ вѣчно
Священной славой въ мірѣ жить.
Что радостна Москва вѣщаетъ,
Уже то ПАВЕЛЪ общаетъ
Въ грядуще время продолжить.
Дѣла Ея преславны, громки,

Равно какъ солнечный восходъ,
Достигнуть въ поздные потомки,
Переходя изъ рода въ родъ.

(120) О! естли могутъ человѣки
Предвидѣть будущіе вѣки,
Открой мнѣ, вѣчность, тайный храмъ,
Гдѣ Слава громкою трубою
Всегда гласитъ передъ Тобою
Неложныя хвалы Царямъ.
Тамъ книга свѣтлыми звѣздами
И день и ночь окружена,
И въ ней златыми словесами
Сіяютъ славы имяна.

Мой слухъ внимаетъ нѣку радость,
И сердце ощущаетъ сладость;
Преходятъ тысячи вѣковъ.
Божественны дѣла ПЕТРОВЫ
Приемлютъ свѣтъ и силы новы,
На небѣ вижу духъ ПЕТРОВЪ;
Еще мнѣ вѣчность представляетъ
Владычицу сердець въ сей часъ:
Но духъ мнѣ пѣть не дозволяетъ,
Что должно скрыто быть отъ насъ.

(121) Теперь пространная вселенна
На насъ взираетъ изумленна,
И зримъ подъ сѣнію щедротъ
Дѣвиць и юношей цвѣтущихъ,
Гражданъ спокойныхъ, миръ поющихъ,
Питаемыхъ вдовиць, сиротъ;
Россію видитъ обновленну,
Какъ орлю юность при Тебѣ,
И мысль имѣя изумленну,
Речетъ она сама въ себѣ:

«Благодарите Россы Богу!

На насъ излилъ Онъ милость многу,
Для насъ находитъ Онъ Царей,
Вліянныхъ свѣше Небесами;
Дѣла ихъ зрятся чудесами,
Они достойны олтарей.
Не сладкимъ сномъ въ ночи прельщаетъ
Народы дремлющи Морфей;
Не басни Амфіонъ вѣщаетъ,
Не камни движетъ здѣсь Орфей.

(122) Монархъ, превыше человѣка,
Въ началѣ нынѣшняго вѣка
Какъ солнце въ мірѣ возсіялъ;
Разгнавъ полночный мракъ суровой,
Народъ и флотъ, и городъ новой,
Героевъ міру видѣтъ даль.
ЕЛИСАВЕТА подкрѣпила
Его божественны дѣла;
ЕКАТЕРИНА въ нихъ вступила,
И къ совершенству привела.»

Гдѣ вѣчно лавры процвѣтають,
Гдѣ чисты Музы обитають
На высотѣ Парнаскихъ горъ,
Кастальски бѣ воды не журчали,
Гремящи лиры бы молчали,
Умолкъ бы Пѣснопѣвцевъ хоръ,
Когда бы новыя причины
Не представлялись пѣснямъ ихъ,
Какія въ дни ЕКАТЕРИНЫ
Усердный воспѣваетъ стихъ.

(123) Подобно солнцу восходящу
И міру цѣлому свѣтящу,
Разгнавшему ночную тѣнь,
Чемъ далѣ путь свой продолжаетъ,
Тѣмъ болѣ свѣта умножаетъ
И свѣтлый представляетъ день:
ЕКАТЕРИНА щастье наше

Возносить выше день отъ дня;
Для насъ сіяетъ солнце краше,
Непросвѣщенья мракъ гоня.

Какъ рай, цвѣтетъ Ея Держава,
И взявъ трубу гремяща Слава,
Съ весельемъ по градамъ летить;
Востоку, Западу и Югу,
Гласить всему земному кругу,
Гремящею трубой гласить:
Астрея на земли явилась,
Теките всѣ народы къ Ней!
И Волга вдругъ остановилась,
Смотря на паствы, на людей.

(124) Цари земные и Владыки!
Не тѣмъ вы славны и велики,
Что возжигаете войны;
Что ваши троны свѣтло блещутъ,
Что взора вашего трепещутъ
И дщери царства и сыны;
Но тотъ великимъ наречется,
Кто такъ о подданныхъ своихъ,
Какъ истинный отецъ, печется
И щастье созидаетъ ихъ.

Иль такъ, какъ въ нашемъ царствѣ нынѣ
Судилъ Господь ЕКАТЕРИНѢ
Утѣшить подданныхъ сердца;
Златою жизнью услаженны
За то, что мы при Ней рожденны,
Всегда благодаримъ Творца...
Но лира у меня трепещетъ —
Весь градъ, встрѣчая Мать свою,
Веселыми руками плещетъ,
И заглушаетъ пѣснь мою.

(125)

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
НА ПОБѢДЫ НАДЪ ТУРКАМИ,
СЕНТЯБРЯ 1769 ГОДА.

Оставилъ гору я священну,
Гдѣ пѣснямъ сладкихъ Музъ внималъ;
Кастальскимъ токомъ орошенну
Парнасску рощу покидалъ;
На лирѣ звонкихъ струнъ не строилъ,
И духъ и мысли успокоилъ
Подъ тѣнью тишины святой;
Но вдругъ весельемъ грады полны,
Подобно какъ шумящи волны
Подвигли духъ ко пѣсни мой.

(126) Парящу быстрыми крылами
Зрю Славу къ Невскимъ берегамъ;
Гласить намъ громкими трубами:
Побѣду возвѣщаю вамъ!
Противу Россовъ ополченна —
Срацинска гордость поражена,
Въ крови трепещуща лежитъ.
О Музы, Музы! лиры стройте,
Россіянъ храбрыхъ славу пойте,
Турецкихъ силъ позоръ и стыдъ.

Въ стѣнахъ Хотинскихъ ликовала
Заклепанная злость враговъ;
На тщетны силы уповала
Своихъ безчисленныхъ полковъ;

Окровавленный видъ Хотина
Въ себѣ представилъ Исполина,
Который пламенемъ дышитъ;
Зевесовъ громъ пренебрегаетъ,
Онъ злобу къ злобѣ прилагаетъ;
Но казню своей спѣшитъ.

(127) Взойди на стѣны опаленны,
Воззри съ трепещущихъ верховъ,
Воззри въ поля окровавленны,
Срацинъ! на рокъ своихъ полковъ:
Какъ стрѣлы въ воздухѣ шумящи,
Изъ крѣпкихъ рукъ въ бою летящи,
Такъ ваши силы вспять бѣгутъ;
Но бѣгство имъ не оборона, —
Какъ войски горда Фараона,
Среди валовъ погрузли тутъ.

Какъ желтый листъ во дни осенны
Лежитъ кругомъ лѣсовъ густыхъ,
Такъ нами войски пораженны
Легли теперь вокругъ стѣнъ твоихъ.
У Марса, насыщена славой,
Изъ рукъ валился мечъ кровавой,
Когда на тѣ мѣста взглянулъ;
Въ крови, гдѣ блѣдны трупы тонуть,
Военный богъ симъ видомъ тронуть,
О слѣдствіяхъ войны вздохнулъ!

(128) Уже перуны близко внемлетъ,
На стѣны опершись Хотинъ;
Трепещущу главу подъемлетъ,
Оставленъ въ сиротствѣ единъ;
Зоветъ союзныхъ, — убѣгаютъ,
Отъ Россовъ молніи летаютъ;
Съ Днестровыхъ Нимфы береговъ
Во глубинѣ рѣчной тѣснятся,
И спрятавшись въ тростникъ дивятся
Россійскихъ храбрости полковъ.

Пріятна вѣсть мой духъ плѣняетъ!
Усердна Муза, помолчи;
Хотинъ колѣна преклоняетъ,
Отдавъ Голицыну ключи.
О ты, побѣдоносный Воинъ!
Зеленыхъ лавровъ ты достоинъ,
Достойнъ славы и похвалъ;
Непобѣдимы наши войски
Заслужать имена геройски,
Какими древній Римъ сіялъ.

(129) Явились вмѣсто терновъ крины,
И мрачный просвѣтился градъ,
Что имя въ немъ ЕКАТЕРИНЫ
Уста геройскія гласятъ.
Коль радостны сердца Россійски,
Что днесъ во всѣ страны Азійски
Преславно имя пролетитъ,
Которо духъ нашъ утѣшаетъ,
Злодѣевъ нашихъ устрашаетъ,
И всю вселенную дивитъ!

Для щастья Россовъ и блаженства,
Во славу нашимъ временамъ,
Въ Ней всѣхъ достоинствъ совершенства
Сіяли краше солнца намъ;
Спокойство наше въ Ней сіяло,
Однихъ побѣдъ недоставало,
Ее возвыситъ до небесъ;
И се герои наши нынѣ,
Гдѣ плетъ вѣнцы ЕКАТЕРИНѢ,
Лавровый насаждаютъ лѣсъ.

(130) Мнѣ томна вѣчность отворилась
И кругъ представился вѣковъ;
Усердна мысль моя вперилась
Во храмъ, гдѣ духъ живетъ ПЕТРОВЪ;

Между Наслѣдниковъ вѣнчанныхъ,
Въ небесный свѣтлый ликъ избранныхъ,
Ликуеть въ ясномъ небѣ Онъ:
Что мудро правяща державой
ЕКАТЕРИНА громкой славой
Россійскій украшаетъ тронъ.

Превыше звѣздъ Она поставитъ
Души величествомъ Себя;
Россію въ цѣлый свѣтъ прославитъ,
Геройскія дѣла любя. —
На казнь невѣрнаго народа
Вооружилась вся Природа,
И въ браняхъ побораетъ намъ;
Тамъ Днестръ надежду злыхъ отъемлетъ,
Напрягшись, свой хребетъ подъемлетъ,
Обратный путь прервать врагамъ.

(131) Луна веселый видъ теряетъ,
Печальны озаривъ мѣста;
Россія тамо отворяетъ
Широки на востокъ врата;
И се кичливые народы,
Какъ съ горъ ліющіяся воды
Отъ мужества полковъ текутъ;
Во грады, въ села и въ долины,
Со славою ЕКАТЕРИНЫ,
Отчаянье и страхъ несутъ.

Давать покой и миръ сосѣдамъ
ЕКАТЕРИНА рождена,
Не къ страшнымъ боямъ и побѣдамъ
Имѣетъ склонный духъ Она;
Престола славнаго ступени
Повсюду простирали тѣни,
Гдѣ Россы въ сладкой тишинѣ,
Не знавъ печалей, ликовали;
Гдѣ Музы пѣсни воспѣвали,
Не помышляя о войнѣ.

(132) Прекрасная заря являлась
Благополучныхъ намъ вѣковъ;
Уже Россія дожидалась
Златыхъ Астреиныхъ часовъ;
Блаженствомъ вѣчнымъ озаренны,
Пути мы зрѣли отворенны;
Но темный облакъ набѣжалъ,
Смутилъ пріятную погоду,
И здѣшнему вступить народу
Во храмъ спокойства помѣшалъ.

Достойно отъ святаго трона
Богиня молніей гремитъ;
Достойно страшнаго дракона
Въ надменну грудь Она разить!
Онъ жало въ нѣдрахъ обращаетъ,
Страны Ея опустошаетъ,
И вѣтся къ паствѣ наконецъ;
Спокойны наши дни тревожитъ;
Но добрый Пастырь нашъ положитъ
Всѣ силы за своихъ овецъ.

(133) Здѣсь Россамъ жизнь течетъ блаженна!
Но кто тревожитъ мира домъ,
На тѣхъ Богиня раздраженна
Бросаетъ молнію и громъ.
Ахъ! естлибъ всякъ Ей былъ подобень,
Толь кротокъ, искренень, незлобень,
Текли бъ златыя времена.
Народы! зла не умножайте,
Богинѣ нашей подражайте;
Престань, престань кипѣть война!

О ты, любезный Ангелъ мира,
Живущій въ небѣ выше звѣздъ!
Слети быстрее къ намъ зефира,
И стань въ срединѣ ратныхъ мѣстъ:

Повѣй, и дай спокойство градамъ,
Отдай отцевъ стеньщимъ чадамъ;
Отдай супруговъ ихъ женамъ!
А вы, украшенны вѣнцами,
Герои съ храбрыми сердцами!
Къ триумфамъ возвращайтесь къ намъ.

(134)

Ода Россійскому воинству
Въ Февраль 1769.

Беллону вижу я въ полкахъ: —
Береть копье и шлемъ взлагаетъ;
Имѣя пламенникъ въ рукахъ,
Сердца Россіянъ возжигаетъ!
Надъ войскомъ Слава вокругъ парить,
Златой трубою всѣмъ гласить:
Дерзайте, воины, дерзайте!
Васъ громкая побѣда ждетъ,
Вамъ лавры новые плететъ;
Къ вѣнцамъ герои поспѣшайте!

(135) Кто рушитъ нашу тишину,
И кто златой нашъ вѣкъ смущаетъ?
Кто пламенну теперь войну
Въ предѣлахъ мирныхъ возжигаетъ?
Когда вѣнцы героямъ вьютъ,
Поющи Музы мнѣ рекутъ:
Воззри, воззри къ Восточну морю,
Гдѣ царствуетъ Срацинскій родъ;
И се — я зрю отъ Черныхъ водъ
Всходящу къ намъ кроваву зорю!

О хищники градовъ святыхъ,
Орудіе Судьбины гнѣвной!
Иль мало бѣдъ у васъ своихъ,
Срацины, безъ войны плачевной?

Еще ли сей геэнскій ядъ,
Который древній Царскій градъ
Отъ язвы язвой очищаетъ,
Еще ли мало васъ разить?
И смерть, что вамъ всегда грозитъ,
Еще ли васъ не устрашаетъ?

(136) Ты въ гордыхъ мысляхъ и словахъ
Прямую славу заключаешь,
Вселенную разрушить въ прахъ
Отъ стѣнь Византскихъ угрожаешь;
Предерзскій родъ! иль ты забылъ,
Каковъ у Россовъ Минихъ былъ,
Свою напасть, и ихъ побѣды?
Простри, простри кровавый взоръ
На множество степей и горъ,
И зри торжество Россійскихъ слѣды.

Хотинь еще въ крови стоитъ,
Бендерскихъ стѣнь верхи дыматся,
Азовъ разрушенный лежитъ,
Брега дунайски гробомъ зрятся;
Тамъ враны въ алчущихъ степяхъ,
На вашихъ возгнѣздяхъ костяхъ,
Вамъ страшнымъ крикомъ возвѣщаютъ:
Коль грозенъ мечъ Россійскій вамъ!
Стенящи тѣни зрятся тамъ,
Въ лугахъ стада пасти мѣшаютъ.

(137) Какъ токъ весенній быстрыхъ водъ,
Которы вдоль съ горы стремятся,
Такъ твой безчисленный народъ
Отваженъ къ бранямъ подвизаться;
Но быстрый твой и дерзкій путь,
Россіанъ храбрыхъ тверда грудь
Удержать, какъ стѣна, безъ бою;
Тогда луну не Магометъ,
Но мечъ Россійскій разсѣчетъ
Надъ самую твоей главою.

Оставивъ Россы мирный храмъ —
Къ чему твоя ихъ дерзость нудить!
Подобны вьющимся орламъ,
Которыхъ врановъ крикъ возбудить;
Вездѣ разсыплются тогда
Пужливыхъ птицъ кругомъ стада;
Однако имъ подѣ облаками,
Въ травѣ, въ лѣсахъ спасенье нѣтъ:
Такъ васъ Россія разженеть;
Такъ дрогнете предѣ ихъ полками!

(138) Летите Россіе орлы
Карать рушителей спокойства!
Во всѣхъ странахъ гремятъ хвалы
И слухи вашего геройства;
Весь свѣтъ бы Фридрихъ побѣдилъ,
И больше бѣ Александра былъ,
Коль Россовъ не было бы въ свѣтѣ:
Побѣдоносной ихъ рукой
Европѣ миръ данъ и покой;
Ихъ слава нынѣ въ полномъ цвѣтѣ.

Кистринъ, Кистинъ окровавленъ,
Склонясь на стѣны разрушенны,
Въ средину сердца уязвленъ,
Не движитъ члены сокрушенны;
Съ береговъ восточныхъ Варты зреть,
И пепломъ будучи покрытъ,
О прежней красотѣ вздыхаетъ.
По трупамъ Одеръ тамъ течетъ,
И въ смутномъ шествіи речетъ:
Погибъ, кто Россовъ раздражаетъ!

(139) Странамъ полочнымъ страшный Левъ,
Предѣ кѣмъ Европа трепетала,
Отважныхъ мыслей не имѣвъ,
Непобѣдимымъ почитала,

Россійскою рукой сражень,
Въ предѣлать тѣсныхъ заключень
И тамъ главы поднять не смѣтъ:
Стремится возратить уронъ;
Но только вспомнить Россовъ онъ,
Трепещетъ, рвется и слабѣтъ.

Такихъ Россіане враговъ,
Такихъ противниковъ имѣли;
Сверкаючи изъ облаковъ
Перуны противъ нихъ гремѣли;
Но пусть дымится вся земля,
Багрятся кровію поля
И солнце лучъ во тмѣ скрываетъ;
Имъ все равно, что тма, что свѣтъ.
Ихъ громъ и славы и побѣдъ
Живить, влечетъ и ополчаетъ.

(140) Готовься Агарейнъ родъ
Терпѣть напасть и скорби новы,
И дерзкаго стремленья плодъ
Носить тяжелыя оковы;
Но должны узы вы лобзать,
Чемъ рокъ васъ хочетъ наказать!
Щедра къ вамъ строгая судьбина:
Васъ плѣнниками назоветъ
Плѣняющая цѣлый свѣтъ
Премудрая ЕКАТЕРИНА!

А вы, герои здѣшнихъ странъ,
Четырехъ нашихъ царствъ отрада,
Кѣмъ полдень и востокъ погранъ,
О храбрыя Россійски чада!
Спѣшите громкой славъ въ слѣдъ,
Гдѣ прежнихъ на поляхъ побѣдъ
Стоять торжественны трофеи!
Тамъ лавры новые цвѣтутъ
И нашихъ рукъ геройскихъ ждутъ;
Триумфъ готовятъ вамъ злодѣи.

(141) Не нужно Россамъ простирать
Обширныхъ странъ своихъ предѣлы;
Но долгъ, противниковъ карать,
Которы дерзки, горды, смѣлы; —
А паче просить васъ туда
Народовъ плачь, мольба, бѣда,
Соединенныхъ вамъ закономъ;
Они въ оковахъ тяжкихъ тамъ
Простерли слабы руки къ вамъ,
И воздухъ наполняютъ стономъ.

Тамъ древнихъ Грековъ племена
Въ жилищахъ вопятъ велегласно:
Что Магометова война
Еще кипитъ у нихъ всечасно;
Тамъ слышны вопли матерей,
Лишенныхъ юныхъ дочерей;
Гонени, несносны дани,
Позорный рабства тамо видъ,
Наносятъ Християнамъ стыдъ,
И движетъ всѣхъ сердца ко брани.

(142) Въ терновыхъ тамъ стоятъ вѣнцахъ,
И черная на нихъ одежда,
Соятъ у гроба во слезахъ
Любовь, и Вѣра, и Надежда;
На вѣчный стыдъ и слезы намъ,
И нашихъ къ торжеству врагамъ,
Сии мѣста, мѣста священны,
Гдѣ Искупитель нашъ рождень
И гробъ, чемъ Тартаръ побѣждень,
Иноплеменникамъ врученны.

Не для златаго вамъ руна,
Не для несчастной Андромеды,
О Россы! предлежитъ война
И предлежать въ войнѣ побѣды;

Пусть Древность вымыслы поеть!
Не гордость васъ на брань зоветъ: —
Защита ближнихъ и спасенье.
Пустыхъ похвалъ единый шумъ
Геройскій не прельщаетъ умъ;
Имъ въ благѣ общемъ утѣшенье.

(143) Геройскій жаръ нося въ сердцахъ,
О Россы! предковъ превзойдите,
И къ намъ въ торжественныхъ вѣнцахъ,
И съ мирной вѣтвю придите!
Не кровь безъ пользы проливать,
Черезъ васъ спокойство основать
ЕКАТЕРИНА хочетъ въ мірѣ.
Спѣшите славой возгремѣть!
Я храбрость вашу буду пѣть
На звонкой и гремящей лирѣ.

(144)

ОДА НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ ИХЪ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,
ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА,
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА И
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКІЯ КНЯГИНИ НАТАЛИИ
АЛЕКСѢВНЫ.

СЕНТЯБРЯ 29 ДНЯ, 1773 ГОДА.

Священный огонь, чемъ вся вселенна
Отъ первыхъ дней одушевленна,
Подобенъ пламени сердецъ,
Которымъ оба Вы возженны,
Представъ предъ олтари священны
Принять супружескій вѣнецъ.
Тотъ пламень міръ одушевляетъ,
А Вашъ Россію оживляетъ;
Тѣмъ солнце въ небесахъ горитъ,
И въ Васъ Россія солнце зритъ.

(145) Когда всемірное свѣтило
Впервый лице свое явило
Землѣ и твердымъ небесамъ;
Премудрыхъ рукъ своихъ твореньемъ,
Всея вселенной озареньемъ
Создатель утѣшался самъ:
Такъ сердце веселится нынѣ,
Смотря на Васъ въ ЕКАТЕРИНѢ;
Она, соединяя Васъ,
Живить и озаряетъ насъ.

Прекрасно солнце на возходѣ
Приноситъ нову жизнь Природѣ:
Аврора тако Вашихъ дней,
Любовь и качества душевны
Сулятъ намъ радости полдневны
И вѣкъ златый Россіи всей.
Какъ стройно всѣ текутъ планеты,
Такъ будущія наши лѣты
Въ порядкѣ стануть вѣчно течь,
И насъ отъ славы къ славѣ влечь.

(148) Златое время обновилось,
И небо на земли явилось;
Свѣтилу Росскому во слѣдѣ,
Какъ ясны звѣзды за луною,
Во храмъ священный съ тишиною
Безчисленный народъ течеть.
Тамъ славу благодать встрѣчаетъ,
И щастье общее вѣнчаетъ
Въ лицѣ любезныя Четы,
МОНАРШИХЪ свойствъ и Красоты.

Умильный взоръ на храмъ возводитъ,
Прекрасныхъ Ангеловъ находитъ
Стоящихъ въ брачныхъ узахъ тамъ;
Премудрость Ихъ выводитъ въ славу,

Покой даруетъ всей Державѣ,
Коронѣ вѣчность, щастье намъ.
Плѣненны Ангелами сими,
Сердца изъ насъ летятъ за Ними;
Преславно окружають кровь,
Надежда, Вѣрность и любовь.

(149) Любви соотвѣчаютъ плески;
Огонь, вода, и молній блески,
Сошлись къ намъ на торжество;
Сии ужасныя стихіи
Сорадуются днесъ Россіи
И славятъ наше Божество:
То мракъ у ночи похищаютъ,
То къ небу всходятъ и вѣщаютъ
Звѣздамъ, и солнцу, и лунѣ,
Какая радость въ сей странѣ.

Нева забавамъ подражаетъ:
Она въ струяхъ изображаетъ
Сіяющій огнями градъ;
Свѣтящіеся токи водны,
Сердцамъ и мыслямъ нашимъ сходны,
Веселья полнымъ и отрадъ.
Ликуетъ воздухъ, огонь и воды,
И кажется, что всѣ народы,
Что шаръ земной стѣснившись весь,
Соторжествуетъ Россамъ здѣсь.

(150) Внимая плески безконечны,
Взирая на огни сердечны,
На веселящихся людей,
На дѣйство щастливой судьбины,
На свѣтлый зракъ ЕКАТЕРИНЫ,
На Васъ, цвѣтущихъ передъ Ней;
На добродѣтель и природу,
Сулящихъ райски дни народу;
На Вашихъ нравовъ чистоту,
Сердечь и душъ на красоту,

Россія славой окруженна,
Желаеть, ревностью возженна,
Да Вашихъ нѣжныхъ лѣтъ заря
При тихомъ утрѣ разсвѣтаеть;
И полдень Вамъ да наступаетъ,
Какъ солнце въ небесахъ горя;
Да вечеръ мраковъ не готовить;
Пусть Навинъ паки остановитъ
Въ полудни солнце Вашихъ лѣтъ;
И въ ночь разпространится свѣтъ.

(151) Се темна вѣчность отворилась!
Въ грядуще время мысль вперилась:
Какъ кедръ растущій къ облакамъ,
Возходятъ тако славой громки
ЕКАТЕРИНИНЫ Потомки,
Давать законы всѣмъ странамъ!
Подъ тѣнью Росскія Державы
Ликуеть миръ и кротки нравы;
Науки въ тишинѣ цвѣтуть,
Сіяеть въ славѣ правда тутъ.

Толикихъ благъ мы ждемъ и просимъ,
И руки къ небесамъ возносимъ;
Любя ЕКАТЕРИНИНЪ Домъ,
Сердца мы Богу открываемъ,
Гремящимъ гласомъ всѣ взываемъ:
Утѣшь отъ ПАВЛА насъ плодомъ!
Вели, чтобъ ввѣкъ цвѣла Россія!
И отъ НАТАЛИИ другія,
Отъ Ней и ПАВЛОВОЙ любви,
Другаго намъ Петра яви!

(152)

ОДА НА ПРИБЫТІЕ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВЪ МОСКВУ.
ВЪ ГЕНВАРЬ 1775.

Покрой Москва главу вѣнками,
Возьми зелену вѣтвь руками
И въ лучшей красотѣ явись!
Усыпь цвѣтами всѣ дороги,
Отверзи душу и чертоги,
Ликуй, красуйся, веселись!
Гряди во срѣтенье Царицѣ,
Царицѣ искреннихъ сердецъ;
Съ Ней Марсъ сидитъ на колесницѣ,
Съ Ней Правда, нашихъ благъ вѣнецъ.

(153) Предъ Ней грядетъ небесна Милость,
Отъемлюща у всѣхъ унылость,
Котора сей томила градъ;
Мы нашихъ стѣнъ не узнаваемъ
Пожары, скорби забываемъ,
Монаршескій срѣтая взглядъ;
Отъемлетъ солнце мракъ у ночи
Во утренній всходяще часъ;
Сіяя днесъ Монарши очи,
Отъемлють горести отъ насъ.

Соцарствуя ЕКАТЕРИНѢ,
Вездѣ простерла ризу нынѣ
Спасительная Тишина;
Утихли брани и раздоры,
Потупила кровавы взоры
Лежащая въ цѣпяхъ Война.
При вѣчныхъ мукахъ Злость во адѣ,
Власы терзая, слезы леть.
ЕКАТЕРИНА въ здѣшнемъ градѣ
Златые Россамъ дни даетъ.

(154) Какъ будто солнце въ небѣ ясномъ,

Такъ въ сердцѣ у Нее прекрасномъ
Любезна истинна горитъ;
И чемъ великъ земный Владѣтель,
На немъ покоясь добродѣтель,
Себя во свѣтломъ храмѣ зрить.
Когда злодѣи получаютъ
Прощенье отъ Богини сей,
Какое благо видѣть чаютъ
Граждане вѣрные отъ Ней!

О! естлибъ нашего спокойства
Природны свѣту неустройства
Не возмущали никогда;
Монаршею рукой водимы,
Единымъ братствомъ былибъ чтимы
Полночны жители тогда;
Не громомъ бы побѣдъ блистали,
Но добродѣтелью одной;
Давно бы въ мірѣ почитали
Россію райскою страной.

(155) Но мысль въ грядущи дни преходитъ,
Глаголы сердце производитъ,
Я вижу то, что я вѣщаль;
Не знаетъ тяжбъ и ссоръ владѣлецъ,
Спокойно пашетъ земледѣлецъ,
И цѣну мира Марсъ позналъ.
Любезна истинна ликуеть,
Науки въ тишинѣ цвѣтутъ;
Минерва въ славѣ торжествуетъ,
Сіяетъ честность, правда, судъ.

Подпоры дерзость не имѣеть;
Порокъ очей поднять не смѣеть;
Притуплены языки злыхъ;
Въ объятія сердце Царицы,
Текутъ и сиры и вдовицы,
Она какъ мать пріемлетъ ихъ;
Для всѣхъ отверзта дверь къ покою.

Гдѣ люди есть, блаженство тутъ;
Обиліе течетъ рѣкою,
И Музы вѣкъ златый поютъ.

(156) Внимая пѣснямъ нашей славы,
Простерли взоры всѣ Державы,
Съ почтеніемъ взираютъ къ намъ.
Не гордости срѣтаютъ виды,
Столпы, трофеи, пирамиды;
То жертва только временамъ:
Душа великая не ставитъ
Для славы тлѣнностей такихъ;
Себя ЕКАТЕРИНА славитъ
Блаженствомъ подданныхъ своихъ.

Близка отъ насъ сія судьбина,
Когда Тебѣ, ЕКАТЕРИНА,
Послушны будутъ времена;
Когда спокойства тихи воды
Не возтревожатъ непогоды,
Твоя прославится страна.
Пошли для нашего блаженства,
О Небо! Ей успѣхъ пошли,
Дабы Эдемска совершенства
Достигли Россы на земли.

(157) А ты, Москва, теперь ликуя,
И руку Матери цѣлуя,
Весельемъ райскимъ усладись!
Съ НАТАЛЬЕЙ ПАВЛА срѣтя нынѣ,
Любезныхъ намъ, ЕКАТЕРИНѢ,
Надеждой новой ободришь. —
Помедли, о любезна лира!
Паренья далѣ не стреми;
До дней торжественнаго мира
Помедли, и тогда греми.

(158)

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ СЪ ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ
ТОРЖЕСТВЕННАГО МИРА.
Юля дня 1774 года.

Красуясь Росская Держава,
Являетъ новый блескъ лучей;
Спокойство, Тишина и Слава
Оливну вѣтвь вручаютъ Ей,
И Миръ, украшенный цвѣтами,
Вѣщаетъ кроткими устами:
«Замкнись войны ужасный храмъ!
Соцарствуя ЕКАТЕРИНЪ,
Къ Ней въ сердцѣ возвращаюсь нынѣ,
Мой тронъ, мой храмъ, и небо тамъ».

(159) Богиня! царствуя сердцами,
Ты свѣту чувствовать дала,
Что Ты лавровыми вѣнцами
Утѣшить мыслей не могла;
Своей внимая славы звуки,
Ты къ небу простирала руки,
Да бранная гроза минеть;
Полна ко подданнымъ любви,
Едину каплю оныхъ крови
Цѣнила выше всѣхъ побѣдъ.

Какъ въ лаврахъ Слава прилетала
Къ Тебѣ съ Дунайскихъ береговъ,
Ты скорбь и раны изсчитала
Твоихъ торжественныхъ полковъ;
«На что побѣды Мнѣ? вѣщала —
Я въ право царства не вмѣщала
Нещастья никакихъ людей...»
Но брань горитъ, ты мечъ подъемлешь;
При стадѣ бодрствуя, не дремлешь,
Разишь — и съ шумомъ палъ злодѣй.

(160) Заря спокойства всходитъ нынѣ,
И бурнымъ днямъ пришелъ конецъ.
Мы видимъ, какъ ЕКАТЕРИНѢ
Вездѣ содѣйствуетъ Творецъ;
Идетъ ли къ трону — всѣмъ любима!
Зажглась война: — непобѣдима!
Желаеть мира: — миръ цвѣтеть!
Куда Ея прострутся персты,
Успѣхамъ тутъ врата отверзты,
И щастье къ Ней вѣнцы несетъ.

Взойдемъ на выпрєннїя горы,
Взглянуть на кругъ Ея побѣдъ;
Простри со мной, о муза! взоры
На полный нашей славы свѣтъ;
Преклонимъ слухъ къ потокамъ Двинскимъ,
Двина речеть водамъ Россійскимъ:
Примите вы сестру свою,
Вѣками съ вами разлученну,
Въ единый сонмъ теперъ включенну,
Я съ вами жизнь и токъ солюю.

(161) Стенанїя уже не внемлютъ
Святыни оскорбленной тамъ;
Главы вѣнчанныя подъемлютъ
Святые храмы къ небесамъ.
Вездѣ цвѣтеть свободы сладость;
Въ очахъ изображенна радость
У жителей сея земли;
Не кроволитною войною,
Мы древнимъ правомъ, тишиною,
Сїи страны прїобрѣли.

Взгляни, гдѣ солнце день являетъ,
И гордость свой воздвигла тронъ;
Свои тамъ раны изчисляетъ
Лежащїй на пескахъ драконъ.
Когда на полночь взоръ возводитъ,
По днесъ во трепеть онъ приходитъ,

Трофеи за Дунаемъ зрять.
Вездѣ Румянцова встрѣчаетъ;
Еще, еще внимати чаеъ,
Что громъ изъ рукъ его гремитъ.

(162) Тебя пучина не закрыла
Отъ нашихъ молній, дерзкій врагъ!
ЕКАТЕРИНА отворила
Пути сквозь понтъ въ Архипелагъ;
И кроткую принудивъ душу,
Подвигла огонь, моря и сушу,
Велѣла грому возгремѣть!
Горящія упали стрѣлы
На твой Дунай, на Дарданелы;
Царь-градъ готовился горѣть.

Какъ молнія Ея летѣла
Повергнуть въ прахъ Турецку власть,
Луна зардѣвшиися хотѣла
Къ ногамъ Минервинымъ упасть.
Своимъ перуномъ вооруженна,
Злодѣя видя униженна,
Она ему дарила миръ;
Лунѣ оставила теченье,
Забывъ его ожесточенье;
Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.

(163) Но въ мысляхъ погруженный темныхъ,
Какъ змій сокрывшійся въ траву,
Подъемлетъ изъ пещеръ подземныхъ
Драконъ кичливую главу;
Шумящи крылья простираетъ,
Святую клятву презираетъ,
И мыслить солнце потушить:
Вселенная тому свидѣтель,
Какой враждой за добродѣтель
Нашъ врагъ хотѣлъ намъ отплатить!

Но Мудрость никогда не дремлет!
Она, имѣя шлемъ и щитъ,
Златое копіе подѣмлетъ,
Врага встрѣчаетъ и разитъ.
Подвиглася восточнымъ краемъ,
Полки Россійски за Дунаемъ
Перуны мещутъ и гремятъ;
Стамбуль проснувшись трепещетъ,
Что мечъ передъ очами блещетъ,
Что крѣпости кругомъ горятъ.

(164) Принявъ изъ рукъ ЕКАТЕРИНЫ
Румянцовъ молнію и громъ,
Исполнилъ страхомъ лѣсъ, долины,
Отчаянемъ Махметовъ домъ;
За Туркомъ какъ орелъ летаетъ,
Женетъ, тревожитъ, угнѣтаетъ,
Дыханью мѣста не даетъ.
Не зря къ спасенію ни тѣни,
Визирь дрожащій на колѣни
Передъ Румянцовымъ падетъ.

Познайте всѣ народы нынѣ,
Какая сильная страна
Въ правленіе ЕКАТЕРИНѢ
Всевышней властію дана!
Не приглашенными полками,
Но Россовъ храбрыми руками,
Россійскихъ бодростью сердець,
Что были къ брани ополченны, —
Съ такою славой положенны
Войны начало и конецъ.

(165) О вы, Цари и всѣ Державы!
Когда хотите воевать, —
Для тщетной не воюйте славы,
Сражайтесь миръ намъ даровать!
Сіе намѣренье святое
Щитомъ БогинѢ было въ боѣ.

Не ради пѣсней и похвалъ
Она ко брани ополчилась;
За вѣру, за народъ вступилась; —
И Богъ труды Ея вѣнчалъ.

Даруетъ миръ, свободу Грекамъ!
Не долженъ ли весь свѣтъ сказать:
Давать спокойство человѣкамъ
Утѣшнѣе, чѣмъ царство взять?
Какимъ весельемъ упоенны
Два Княжества освобожденны
Отъ крѣпкихъ оттоманскихъ узъ!
Тамъ старцевъ чистое моленье,
Ихъ женъ и чадъ увеселенье,
Пріятнѣе, чѣмъ пѣсни Музъ.

(166) Кафа близъ черныя пучины
Въ одеждахъ свѣтлыхъ нынѣ ждетъ,
Какъ съ торгомъ флотъ ЕКАТЕРИНЫ
На дальнія моря пойдетъ;
Тогда гремящими устами
Крымъ скажетъ: возвратилось вами
Мое спокойствіе и честь!
Такіе ставятъobeliski
Въ нашъ вѣкъ Владѣтели Россійски;
Что краше сихъ триумфовъ есть?

Велики кажутся Герои,
Когда, скончавъ кроваву брань,
За подвиги, за трудны бои
Со побѣжденныхъ емлютъ дань;
Но тотъ своею славой болѣ,
Который щастія не въ полѣ,
А ищетъ щастья во сердцахъ;
Не хочетъ царствъ отъ побѣжденныхъ,
Блаженства хочетъ утѣсенныхъ,
Отъ всѣхъ людей отъемля страхъ!

(167) Сіе мы видимъ въ наши годы: —
ЕКАТЕРИНИНОЙ рукой
Единовѣрные народы
И разны Орды зрятъ покой.
Всеобщій свѣту миръ дарится!
Намъ чище небо нынѣ зрится,
Свѣтлѣе солнце и луна.
Вѣщаютъ чувства намъ сердечны,
Что Ты со славой въ книги вѣчны,
ЕКАТЕРИНА! включена.

(168)

ОДА НА ВСЕРАДОСТНОЕ РОЖДЕНИЕ ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА,
ПОДНЕСЕННАЯ ВЪ ДЕКАБРѢ 1777 ГОДА.

Теперь четвертое свѣтило
Тебя, Россія, озарило:
Ликуй, щастливая страна!
Свѣтлѣе солнце возсіяло;
Оно въ пути полденномъ стало,
Возвеселилася луна;
Се! новый АЛЕКСАНДРЪ родился,
И берегъ невскій возгордился,
Что Росскія Минервы Внуку
Умножить древней славы звукъ.

(169) А Вы, Родители любезны!
Ликуйте, зря потоки слезны,
Которы мы въ восторгахъ льемъ;
Они являютъ души вѣрны;
Коль наши радости безмѣрны!
Се ПАВЕЛЪ нынѣ сталь отцемъ!
Мы тако радость изливали,
Когда Тебя намъ даровали,

Надежда Царства, и краса,
Тебя намъ щедры Небеса.

Внимая радостные звуки,
Заочно мы лобзаемъ руки,
Твои, и кто рождень Тобой.
О Ты, прекрасная МАРІЯ!
Простершись предъ Тобой Россія,
Цѣлуетъ плодъ въ восторгъ Твой;
Его на рамена пріемлетъ,
Мой слухъ Ея глаголы внемлетъ:
Сіе Дитя, есть ПАВЛОВЪ сын,
Милѣй мнѣ тысящей единъ!

(170) Моей Онъ славы громъ умножитъ,
При древности Моей возложить
Блаженства на Меня вѣнецъ;
Младенецъ сей даритъ Мнѣ младость,
Спокойство, щастье, славу, радость,
Онъ будетъ чадъ Моихъ отецъ.
Что Я нашла въ ЕКАТЕРИНѢ,
Что зрю въ Ея любезномъ СынѢ,
Сіе продлитъ вовѣки Онъ,
Прославитъ, возвеличитъ Тронъ.

Но что за Ангелъ свѣтотворный,
Оставя домъ небесный, горный,
На крыліяхъ златыхъ паритъ?
Одѣянъ свѣтлыми лучами,
Сіяющъ звѣздными очами,
Странъ Россійской говоритъ:
«Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
Твои желанія сердечны,
И милующій Россовъ Богъ
Младенца далъ тебѣ въ залогъ.

(171) Взведи твой взоръ въ края небесны:

Тамъ узришь знаки равновѣсны⁴,
Въ которыхъ бѣгъ луны стоитъ; —
Наслѣднику будущей Короны,
Во равновѣсіи законы
Въ грядущи дни установитъ.
Вамъ солнце щастья возвѣстило,
Оно теченье обратило
Весны къ живительной чертѣ:
Явились съ Марсомъ знаки тѣ.

Подобень древу юну суцу,
У тока чистыхъ водъ цвѣтуцу,
Онъ въ жизни будетъ процвѣтатъ;
Поборница всеобщей славы,
Его разсудокъ, духъ и нравы
ЕКАТЕРИНА воспитатъ.
Родителямъ своимъ подобень,
Онъ будетъ кротокъ, щедръ, незлобень,
Наукъ лучами освѣщенъ,
Талантами обогащенъ.

(172) Его дѣла прославятъ Музы!
На зависть Онъ возложитъ узы,
Россійскій будетъ Геркулесь;
Онъ вступитъ во слѣды ПЕТРОВЫ,
Раздоры заключитъ въ оковы,
Взнесетъ славой до небесъ;
Не прахомъ царства онъ развѣетъ,
Сей новый АЛЕКСАНДРЪ посѣетъ
По всей вселенной тишину,
Блаженствомъ замѣнитъ войну.

Вдовицъ и сирыхъ не забудетъ,
И самъ печали знать не будетъ;
Народомъ будетъ дорожить;
Ставъ щедрымъ, Онъ обогатится;
Давъ царству крѣпость, укрѣпится,
И будетъ долги вѣки жить.

⁴ Подъ сими небесными знаками Великій Князь родился.

Но я о всемъ вѣщаю мало;
Вы видите сіе зеркало
Въ ЕКАТЕРИНИНОМЪ лицѣ,
Во Матери, въ его Отцѣ....»

(173) Вѣщаль — и въ дневномъ свѣтѣ скрылся;
Весь кругъ полночный озарился.
Ахъ, нѣтъ! вѣщала то любовь,
Любовь, которой мы возженны,
Велики, славны и блаженны,
ПЕТРОВУ обожая кровь.
Сіи желанія сердечны
Да будутъ, Князь рожденный! вѣчны;
Цвѣти Родившихъ утѣшать,
И вѣрность подданныхъ вкушать!

Взрастай подобень райску крину!
Обрадуй, Князь, ЕКАТЕРИНУ
Вѣщаньемъ словъ, твоихъ рѣчей,
Цвѣтущимъ возрастомъ Россію,
Любовью ПАВЛА и МАРИЮ,
Потомковъ старостью Твоей!
Не царствъ мы новыхъ ждемъ съ Тобою;
Довольны нашею судьбою,
Въ Тебѣ опоры Царству ждемъ.
Умножь, умножь блаженство въ немъ!

(174) Но что плѣняетъ духъ и взоры!
Скупаютъ мнѣ Парнасски горы,
Мое отечество я зрю:
Ликують тамъ земля и воды,
Въ весельи плаваютъ народы,
Охотой къ нимъ прейти горю.
Какіе радостные плески,
Огней торжественные блески,
Куренія отъ олтарей?
Мольбы! — се лира для Царей!

(175)

Ода
Ея Императорскому Величеству на день
Высокоторжественнаго Ея возшествія на
Всероссійскій Престол,

Іюня 28, 1791 года.

Тридцатое настало лѣто,
Какъ славой Россовъ Богъ облекъ;
Да будетъ царствованье пѣто
ЕКАТЕРИНО вовѣкъ!
Гдѣ мрака нѣтъ, гдѣ вѣтръ не дышетъ,
Межъ звѣздъ да истинна напишетъ
Ея премудрые дѣла;
Небесну освѣщая сферу,
Царямъ да служить для примѣру
Ея безсмертная хвала!

(176) О вы, грядущіе потомки!
Коль васъ достигнетъ пѣснь моя,
Ея дѣла внимая громки,
Познайте качества Ея: —
Какъ жертвенникъ, въ Ней сердце зрится,
На коемъ тихій огонь курится;
Ко человѣчеству Любовь
Предъ нимъ стоитъ со ѳиміамомъ;
Ея пріемлетъ душу храмомъ,
Гдѣ льется милость, а не кровь.

Когда бъ Ея небесну нраву
Всѣхъ чувства сходны быть могли,
Давно бъ Россійскую Державу
Признали раемъ на земли;
Текли бъ млеко и медомъ рѣки;
Не знали бъ скорби человѣки,
Забыли бы они вражду;
Какъ братія бы въ мірѣ жили,

Мечи кровавы отложили; —
Я сихъ часовъ съ восторгомъ жду!

(177) Временъ завѣса отворилась!
Срѣтаю будущіе дни:
Россія свѣтомъ озарилась,
Въ ней зримы радостей огни;
Блаженство, щастіе, науки,
Другъ другу простирая руки,
Вѣнцы лавровы подаютъ;
Спокойства общаго причину,
Великую ЕКАТЕРИНУ
Парнасски жители поютъ.

Но кое сладкое видѣнье
И кое зрѣлище сіе?
Мой духъ приходитъ въ восхищенье!
Я зрю отечество мое
Красно, величественно, славно,
Огромностью полсвѣту равно, —
Перунами враговъ разить;
Какъ мать ко сынамъ взираетъ,
Къ Эвксину руки простираетъ,
Мнѣ гласомъ лирнымъ говоритъ:

(178) Сквозь дымны облака и прахи
Простри къ востоку взоръ и умъ;
Еще тамъ видны блѣдны страхи,
Еще не молкнетъ бранный шумъ;
Срацынамъ битвы тамъ постыдны,
Какъ пламенные буквы видны,
Моихъ исполнены похвалъ.
Тамъ флотъ мой какъ орелъ явился,
Крылѣ простеръ, потекъ, сразился,
Разбилъ враговъ, Луну попраля.

Кичливый видѣнь тамъ Очаковъ
Въ его развалинахъ сокрытъ;
Среди ночныхъ вспрынулъ онъ мраковъ,

Вспрянулъ, упаль, и вѣчно спить.
Сей градъ поправшеу Герою
Я вѣчный монументъ устрою,
Который будутъ прославлять
Народы по земному кругу;
Срацыны въ трепетѣ другъ другу
Сей будутъ монументъ являть.

(179) Какъ внутрь нахмуренной пещеры
Зіяетъ пламенемъ драконъ,
Зіяли такъ въ стѣнахъ Бендеры
Для неприступныхъ оборонъ;
Но щастіемъ ЕКАТЕРИНЫ
Водимые полки Орлины
Изторгли только лишь мечи;
Знаменъ моихъ увидя тѣни,
Сей городъ преклонилъ колѣни,
Вручилъ Россіянамъ ключи.

Покрыты лаврами дороги,
Моихъ слѣды гдѣ видны силъ;
Не люди, мнится, полубоги
Попрали гордый Измаиль.
Моя тамъ слава свѣтло блещетъ;
Дунай реветъ, шумитъ, трепещетъ,
И влажный свой поднявъ хребетъ,
Россійскимъ служитъ испоиномъ,
Противу воли ко Срацынамъ
Мои суда имъ въ казнь несетъ.

(180) Гдѣ тѣнію Кавказски горы
Скрываютъ синій сводъ небесь,
Твои увидятъ тамо взоры
Побѣдъ моихъ лавровый лѣсъ;
Чего Европа трепетала,
Рука моя Луну попрала,
И міру доказала тѣмъ,
Что не безчисленныя войски,
Но твердость и сердца геройски
Побѣдъ вѣнчаются вѣнцемъ.

Во внутренни мои предѣлы
Очами внятными взгляни:
Мои тамъ грады, веси, сѣлы,
Щастливые вкушаютъ дни;
Подъ кровъ Монаршія порфиры
Вдовы приникли, нищи, сиры;
Текутъ въ Россіи времена,
Какихъ не зрѣли лѣтъ изъ давныхъ....
Рѣкло — и дѣлъ во книгу славныхъ
Внесло Героевъ имена.

(181) О вы, щастливые Герои!
Не нынѣ токмо величать,
Съ восторгомъ громки ваши бои
Потомки будутъ воспѣвать.
Которы въ полѣ съ честью пали,
Цвѣтами Музы осыпали
Почтенный храбрыхъ воевъ прахъ;
Которы въ лаврахъ возвратились,
Тѣхъ подвиги ознаменились
Крестомъ побѣды на грудяхъ.

Доколѣ намъ, усердна лира!
Войны и бури возвѣщать?
Гдѣ царствуетъ Богиня мира,
Зефирамъ должно тамъ дышать.
Монархи нашея Державы
Воздвигли храмъ Россійской славы
Уже превыше облаковъ;
Ему вселенная дивится,
Надъ нимъ строка золотая зрится:
Созидень храмъ сей въ вѣкъ вѣковъ!

(182) О день Россійскаго блаженства,
Тридцатый возсіявый разъ!
Достигли нынѣ совершенства,
Утѣшь желаннымъ миромъ насъ!
Монаршей кротости подобень,
Или какъ Ангелъ, тихъ, незлобень,

Да къ намъ съ небесъ низыдетъ онъ;
Днемъ яснымъ сѣверъ нашъ явится,
Порфира въ небо превратится,
ЕКАТЕРИНИНЪ въ солнце тронъ.

Помедлите, любезны Музы,
Доколь Орель затмитъ Луну,
Срацынску гордость ввергнетъ въ узы,
Въ оковы грозную войну;
Россія скажетъ восхищенна:
Теперь я славой пресыщенна,
Не требую уже побѣдъ;
Дай милость, Небо! мнѣ едину,
Храни во вѣкъ ЕКАТЕРИНУ!
Она мнѣ слава, лавръ и свѣтъ.

(183)

Ода

Ея ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ПОБѢДЫ ВЪ ПОЛЬШѢ,
ВЪ МАѢ 1793 ГОДА.

Еще Тебѣ вѣнцы лавровы
Должна Россія соплетать;
Еще достойно жертвы новы
Богинѣ нашей посвящать.
Чемъ долѣ Ты владѣешь нами,
Тѣмъ свѣтишь вящими лучами;
Такъ солнце, движась къ высотѣ,
Сіяетъ надъ землею краше;
Но ты сіяй, о Солнце наше!
Всегда въ полуденной чертѣ.

(184) Россія взоры обращая
На славу, на Твои дѣла,
И въ сердцѣ чувства не вмѣщая,
Усерднымъ голосомъ рекла:
Мои предѣлы стали тѣсны
Вмѣщать Ея труды небесны;

Хочу свой кругъ распространить!...
А ты зови, гремяща лира:
Дѣла Ея предѣлы міра
Едва удобны ли вмѣстить!

Рекла — и властною рукою
На южну Польшу указавъ,
Вѣщаетъ: — сихъ людей къ покою
Причислю Я моихъ Державъ!...
Возликовали тамъ народы,
Цвѣтущи грады, горы, воды,
Внимаючи Россіи гласъ.
Но можно ль быть не восхищеннымъ
Ко царству славы приобщеннымъ
И видящимъ въ блаженствѣ насъ?

(185) Мнѣ Царь вѣковъ явился въ славѣ,
Призвавъ осьмнадцатый вѣкъ:
Будь громокъ въ сѣверной Державѣ!
Ему искони въ тайнѣ рекъ;
Ущедрю Россовъ Я судьбину,
Пошлю на тронъ ЕКАТЕРИНУ,
Ея устами возвѣщу
И судъ и мудрые законы;
Народовъ разныхъ миллионы
Къ Ея Державѣ приобщу.

Ея правленіе прославлю,
Какъ Мной прославленъ Соломонъ;
Вѣнчаю правдой, миръ возставлю,
Россійскій возвеличу тронъ!... —
Трикраты небо освѣтилось.
Что Богъ изрекъ, сіе свершилось:
Въ лицѣ Твоемъ премудрость зримъ.
Блаженны, что въ Твой вѣкъ родились!
Мы славны! царства преклонились
Къ божественнымъ стопамъ Твоимъ.

(186) О вы, которыхъ неустройство
Отторгло въ прежни времена!
Вась нынѣ миръ, любовь, спокойство
Даруютъ намъ и тишина;
Вы скипертромъ ЕКАТЕРИНЫ
Включенны днесъ въ стада Орлины,
И братія вы стали намъ,
Единой Матери сынами;
Ликуйте, славьтесь купно съ нами,
Блаженства шествуя во храмъ!

Минерва, царствующа нами,
У васъ оливу насадить;
И миръ надъ вашими странами
Священну тѣнь распространить;
Спокойство вступить въ ваши дома;
Извнѣ Россійски страшны громы
Предѣлы ваши оградятъ;
Умолкнуть внутрь раздоровъ узы,
Какъ насъ, возлюбленные Музы
Жилище ваше посѣтятъ.

(187) Но естли вы познать хотите,
ЕКАТЕРИНА коль славна;
Божественный Наказъ прочтите,
Гдѣ вся душа Ея видна; —
Для общаго людей покою,
Самъ Богъ водилъ Ея рукою;
Небесный Духъ надъ Ней леталъ; —
Съ пера премудрость низтекала,
Щедрота на слова дышала,
И тихій свѣтъ любви сіялъ.

Такой МОНАРХИНЪ въ подданство
Приводитъ васъ любовь, не брань;
Да будетъ вѣрность вамъ въ убранство,
Сердца усердны — трону въ дань!
Златые вамъ настанутъ вѣки;
Уже на васъ ліются рѣки

Монаршихъ истинныхъ щедротъ;
Она стenanье ваше внемлетъ,
Въ покровъ сиротъ и вдовъ пріемлетъ,
Лелѣить васъ, какъ свой народъ.

(188) Но кая радость оживляетъ
Россійски вѣси и поля!
Натура видъ свой обновляетъ, —
Во брачной ризѣ вся земля;
Ликуютъ всѣ предѣлы свѣта,
Спрягаютъ днесъ ЕЛИСАВЕТА
Со АЛЕКСАНДРОМЪ Ихъ сердца;
Красуется Натура Ими;
Покрывъ Ихъ крыльями златыми,
Любовь плететъ Имъ два вѣнца.

Источникъ и Создатель свѣта,
Отъ АЛЕКСАНДРА взявъ ребро,
Да будетъ — рекъ — ЕЛИСАВЕТА!
И видѣ, яко есть добро.
Сія спокойствомъ нареченна,
Защитѣ крѣпкой обрученна,
Цвѣтетъ ЕКАТЕРИНИНЪ садъ;
Сіи двѣ маслины свіются,
Ихъ вѣтви далеко прострутся,
И всю вселенну осѣнятъ.

(189) Коль щасливъ Домъ ЕКАТЕРИНЫ!
Его лелѣя Благодать,
Россійскаго престола крины
Клялась во вѣки соблюдать;
И мужествомъ преспѣя вскорѣ,
Се ПАВЛОВЪ первенецъ Аврорѣ
Возженно сердце посвятилъ;
И взоромъ сходны и душою,
Для насъ въ едино солнце съ нею
Изъ двухъ сливаются свѣтиль.

Готовь вѣнцы для Нихъ, Россія!
И лавры купно съ миртомъ вей.
А Вы, о ПАВЕЛЪ и МАРІЯ!
Любуйтесь отраслю Своей;
Сокрыто въ Немъ потомство Ваше;
Оно планетъ небесныхъ краше,
Изникнетъ въ міръ изъ чреслъ Его.
Уставомъ Вышнія судьбины
Премудрый духъ ЕКАТЕРИНЫ
И Вашъ прольется на него.

(190) Въ толики дни для васъ златыя
Народы приложились къ намъ,
Лишалась коихъ ты, Россія,
По древнимъ смутнымъ временамъ. —
Но будто бы стихійны споры,
Вражду и внутренни раздоры
Въ дни наши Промысль укротилъ;
И нашего златаго время
ЕКАТЕРИНИНО Онъ племя
Залогомъ вечнымъ учинилъ.

Сему завѣту Сѣверъ внемлетъ,
Земля, моря и смертныхъ родъ:
Нась Небо радуясь объемлетъ!
Текутъ спокойно сонмы водъ.
ЕКАТЕРИНЫ внемля славу,
Вселенна чтитъ Ея Державу;
Господь благословляетъ Домъ.
Подпора ей — любовь Россіи;
Премудрость — щить; полки — стихіи;
Надежда — Промысль; слава — громъ!

(191)

ОДЫ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ПАВЛУ ПЕРВОМУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ И ПРОЧ.
И ПРОЧ. И ПРОЧ.

(193)

ОДА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ПРИ ВСЕРАДОСТНОМЪ
ВСТУПЛЕНИИ НА ПРАРОДИТЕЛЬСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
1796 ГОДА, НОЯБРЯ 12 ДНЯ.

Россійско Солнце закатилось,
И сѣверъ весь покрыла тѣнь;
Но Солнце новое явилось,
И возсіялъ намъ свѣтлый день.
Сопровождаемый Минервой,
На тронъ восходитъ ПАВЕЛЪ Первой,
Восходитъ милость купно съ Нимъ;
Предъ Нимъ несетъ она оливы, —
Се знакъ, что подданны щастливы,
Что будутъ просвѣщенны Имъ.

(194) Чей правнукъ, ПАВЕЛЪ не забудеть,
Чей сынъ, Онъ станетъ вспоминать,
И день отъ дня отнынѣ будетъ
Россія въ славѣ возрастать;
Вселенна ПАВЛУ удивится,
ЕКАТЕРИНА въ Немъ явится,
Явится въ немъ великій ПЕТРЪ;
Подобенъ кроткому зефиру,
Отрадою Онъ будетъ міру,
И міръ пріосѣнитъ какъ кедръ.

Не славы громкія для звуку,
Когда гдѣ злоба закипитъ,
Возметъ перунъ гремящій въ руку,
Онъ дерзку злобу поразитъ;
Въ отечествѣ покой возставитъ,
Свой вѣкъ премудростью прославитъ,
На твердыхъ утвердитъ столпахъ
Народа своего блаженство;
Придастъ законамъ совершенство,
Благимъ въ отраду, злобнымъ въ страхъ.

(195) Онъ къ правдѣ путь покажетъ правый
Примѣромъ собственнымъ своимъ,
И небо ясно, воздухъ здравый
Мы въ нашемъ царствѣ ощутимъ;
Одѣнутся дуга цвѣтами,
Поля покроются плодами,
Народъ не будетъ сирь, убогъ;
Ликуя отъ Его примѣра,
Уважится святая Вѣра;
И будетъ съ Нимъ и съ нами Богъ!

Не узрятъ бурь моря, ни рѣки,
Погаснутъ мстительны огни;
Пѣть будутъ щастье человѣки,
Какъ пѣли во златые дни,
Или какъ въ вѣкъ Астреинъ пѣли;
По селамъ тихія свирѣли,
Услышимъ лиры по градамъ;
Миръ сладкій осѣнитъ границы;
Утѣшатся Тобой вдовицы,
Отцемъ Ты будешь сиротамъ.

(196) Твои чемъ Предки возсіяли,
Ты все въ душѣ своей вмѣстишь:
Они невинность защищали,
И Ты невинность защитишь;

Обановъ желчь, и ядъ коварства,
Навѣки изженешь изъ царства;
И правосудія вѣсы
Для всѣхъ людей равно уставишь;
Щедроту лишь къ судамъ прибавишь
Небесной сладостнѣй росы.

Твоей промчатся славы звуки
Во всѣ вселенныя края;
Какъ садъ размножатся науки,
Державѣ свѣтъ свой излія;
Моря покроешь страшнымъ флотомъ;
Твой будетъ мудрый духъ оплотомъ
Соединенныхъ царствъ служить; —
Отечество любить рожденны,
Какъ будто Небомъ огражденны,
Твои народы будутъ жить.

(197) Какъ древо чистыми струями
Питается у берега вод,
Твоимъ и духомъ и очами
Напиться алчетъ весь народъ....
Теки по всѣмъ странамъ Россійскимъ,
Къ водамъ и Чернымъ и Каспійскимъ,
И всѣхъ воззрѣнемъ напою;
Россіи разширяя славу,
Преобрати свою Державу,
Преобрати въ прекрасный рай.

Ты храмы Истинѣ поставишь,
И тамо Совѣсть водворишь;
Ты Истину любить заставишь,
Ее Ты любишь самъ и чтишь.
Прославленъ именемъ и родомъ,
Ты есть любимъ своимъ народомъ
Какъ Царь, какъ чадами отецъ; —
Не только обладать странами,
Гремѣть побѣдами, войнами,
Но будешь Ты Царемъ сердець.

(198) Сіе Россіи обѣщаютъ,
Монархъ нашъ! качества Твои;
Сіе и Музы мнѣ вѣщаютъ,
Парнасски Музы и мои;
Ты ихъ воззрѣнемъ удостоишь,
Подъ кровь приимешь, успокоишь,
Ты Музъ крылами осѣнишь;
Они прославятъ въ цѣломъ мірѣ
Дѣла Твои на громкой лирѣ,
Которы царствуя творишь.

О Ты, что съ горнихъ мѣстъ зриаешь
На царства, троны, на вѣнцы,
Монарховъ свѣтомъ озаряешь,
Суть кои общихъ благъ творцы!
Вѣнчая въ ПАВЛѢ добродѣтель,
Возвысь Его престолъ, Содѣтель!
Надъ всѣми царствами какъ кедръ;
Умножь Его сіянье трона...
А Ты яви намъ Соломона, —
Будь ПАВЕЛЪ Первый, Первый ПЕТРЪ.

(199)

Ода

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ДЕНЬ
ВСЕРАДОСТНАГО ЕГО ПРИБЫТІЯ ВЪ МОСКВУ ДЛЯ
СВЯЩЕННАГО МСРОПОМАЗАНІЯ,
1797 ГОДА, МАРТА ДНЯ.

Гряди, Монархъ, въ престольный градъ,
Гдѣ ликъ Твой, гдѣ Твой каждый взглядъ
Прольетъ въ усердны души радость,
Какъ златовидная заря,
Предшественница дней царя,
Какъ майская весення сладость.

Тебѣ мы души и сердца
Въ восторгахъ нашихъ отверзаемъ;
Монарха, пастыря, Отца,
Слѣды Твои облобызаемъ.

(200) Торжествъ и славы внемля звукъ,
Россія сдвиглась въ малый кругъ,
Отъ Вислы, отъ береговъ Днепровскихъ,
Отъ Двинскихъ и Каспійскихъ водъ,
Сліялся въ сонмы Твой народъ
И ждетъ Тебя въ стѣнахъ Московскихъ.
Сей градъ, поднявъ свою главу,
Твой путь цвѣтами устилаетъ;
Воззри, о ПАВЕЛЪ! на Москву —
Она колѣна преклоняетъ.

Речеть: Твой взоръ мой древній видъ
Какъ орлю юность обновить;
Красуясь будто бы невѣста,
Тебѣ воздвигла я врата,
Которыхъ видъ и широта
Какъ грудь моя Тебѣ отверста;
Сей блескъ и внѣшни красоты
Веселіе вѣщаютъ наше;
Но естли бѣ видѣлъ духъ мой Ты,
Онъ всѣхъ убранствъ явился бѣ краше.

(201) Ликуетъ шумъ среди полковъ:
Къ намъ Правнукъ шествуетъ ПЕТРОВЪ!
Покрыты старцы сѣдинами
На ликъ Твой какъ на святость зрятъ
Сынамъ и дщерамъ говорятъ:
Се Ангель, царствующій нами!...
Куда въ восторгахъ я парю?
Въ какомъ я нынѣ изступленѣ?
Торжественное духомъ зрю,
Монархъ! въ Москву твое вступленье.

Тамъ Вѣра въ срѣтеніе Тебѣ
Выходитъ въ пламенной мольбѣ;
Любовь приноситъ ѳиміамы,
Надежда видима въ сердцахъ
Какъ солнце глубоко въ водахъ,
Какъ садъ украшенный цвѣтами.
Оружія въ стѣнахъ гремятъ,
Во браняхъ кои устрашаютъ,
Но нынѣ души веселятъ:
Они приходъ Твой возвѣщаютъ.

(202) О солнце! стань на высотѣ,
Явися въ полной красотѣ,
Не закрывайся облаками,
Смотри на нашъ престольный градъ,
Триумфовъ полный и отрадъ,
Но паче вѣрными сердцами
Цвѣтетъ какъ райскій кринь Москва.
Но что въ умилность духъ приводитъ?
Нашъ Царь, отечества глава,
Во храмъ первопрестольный входитъ.

Какъ небо растворился храмъ!
Молитвы ПАВЕЛЪ дѣетъ тамъ
За подданныхъ, за всю Россію;
Усердія къ Нему полна,
За ПАВЛА молится она,
Колѣна преклонивъ и выю:
Да будетъ вѣченъ ПАВЛОВЪ тронъ!
Моленіе къ Вышнему возноситъ;
Народъ Ему, народу Онъ
Отъ Бога благодати просить.

(203) О! коль усердная мольба!...
И книгу разтворивъ Судьба,
Пророчества сіи читаетъ:
«Россію милующій Богъ,
Своей щедроты къ ней въ залогъ,
Свой ликъ на царство посылаетъ;

Обширность Онъ своихъ границъ
Пріосѣнитъ крылами мира;
Науки, сирыхъ и вдовицъ
Покроетъ Царская порфира.

При Немъ Россія процвѣтетъ;
Какъ пастырь добрый упасетъ
Подвластны скипетру народы;
Лучи священнаго вѣнца
Означать сѣвера Отца,
А скиптръ золотой, золотые годы».
Рекла — и весь небесный кругъ
Торжествомъ зарями освѣтился;
Отецъ Россіанъ, смертныхъ другъ,
Намъ въ ПАВЛОВОМЪ лицѣ явился!

(204) Монаршеску прославить кровь,
Почтить супружную любовь,
Здѣсь ПЕТРЪ вѣнчалъ ЕКАТЕРИНУ:
Вѣнчаешь такъ въ МАРІѢ Ты
Супружную вѣрность, красоты,
По древнему Монарховъ чину.
Щедроты окіянь излей
Помазанный святымъ елеемъ;
Мафусаиловъ вѣкъ владѣй,
Въ законахъ буди Моисеемъ.

Гремяща въ сѣверномъ орлѣ
Молва пройдетъ по всей землѣ;
Гдѣ только люди обитаютъ,
Гдѣ солнце свѣтитъ, понтъ шумитъ,
Зефиры вѣютъ, громъ гремитъ,
Гдѣ мирны селы процвѣтаютъ,
Вездѣ ея промчится гласъ,
И слава намъ возтрубитъ нова,
Что ПАВЕЛЪ царствуетъ у насъ,
Великій духъ и кровь ПЕТРОВА.

(205)

ОДА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ЕГО
ДОСТОПАМЯТНЫЯ ДѢЛА, КУПНО И НА ОБРУЧЕНІЕ ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКІЯ
КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ СЪ ЕГО
КОРОЛЕВСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ЭРЦЪ-ГЕРЦОГОМЪ
АВСТРІЙСКИМЪ ІОСИФОМЪ ПАЛАТИНОМЪ
ВЕНГЕРСКИМЪ.

Склони Зиждитель небеса!
Коснись громамъ, и воздымятся;
Да паки на земли явятся
Твои велики чудеса.

Изъ соч. Л. Пс. 143.

Гремятъ Россійскіе перуны
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ!
Устрой звучнае Муза струны,
На быстрыхъ вознесись крылахъ; —
Простри внимательныя очи
На Югъ съ предѣловъ Полуночи,
Простри на сушу, на моря: —
Вездѣ парить Россійска слава,
И молитъ каждая Держава
Покрова нашего Царя.

(206) Извнѣ Россія окруженна
Гремящихъ мракомъ облаковъ;
Пернатымъ шлемомъ покровенна,
Перунами разить враговъ. —
Тамъ лавры жнутъ Геройски руки,
А здѣсь блаженство, миръ, науки,
Какъ райскіе сады цвѣтутъ.
Война извнѣ свирѣпствомъ дышетъ,
А здѣсь уставы Мудрость пишетъ,
И милости рѣкой текутъ.

Творцу противящаяся сила
Народъ развратный избрала;
Разсудокъ здравый погасила,
Изъ сердца вѣру изгнала;
Онъ въ мысляхъ всей вселенной править,
Везувію на Этну ставить,
И хоцетъ небеса зажечь;
Но Богъ, превыше звѣздъ сѣдящій,
На благочестіе смотрящій,
Вручаетъ Павлу громъ и мечъ.

(207) «Сверкни мечемъ! Ему вѣщаетъ,
Народъ развратный накажи!
Какъ Богъ врагамъ своимъ отмщаетъ,
Предъ цѣлымъ свѣтомъ докажи...»
Вселенна Божью гласу внемлетъ,
И ПАВЕЛЪ громъ и мечъ пріемлетъ;
Секвану ужась поразилъ.
Возвысили главы Державы,
Внимаютъ громъ Россійской славы,
Къ защитѣ ждуть Россійскихъ силъ.

Тамъ Галлы дерзкими руками
Луны рога сломить грозятъ;
Но ПАВЛОВЫ орлы крылами
Покрывъ Луну, отъ зла хранятъ.
Коварны други Оттомановъ
Преобразились въ хищныхъ врановъ.
Не пользы жаждутъ — ихъ вреда.
Какъ лебеди, суда Россійски
Летятъ на острова Азійски,
И гонятъ хищныхъ птицъ стада.

(208) Тамъ древній островъ Кефалона
Свободы буйство ощутилъ;
Главу подъ тѣнь Россійска трона
Со умиленьемъ преклонилъ; —

Онъ рекъ: «Питая въ сердцѣ вѣру,
Позналъ я вольности химеру
И безначальства суету;
Для общаго Державъ покою,
Вѣнчанныхъ Вышняго рукою
Царей какъ образъ Божій чту».

Чьи флаги прежде устрашали
Святой религіи враговъ,
Которы узы разрѣшали,
Спасая плѣнныхъ отъ оковъ:
Тѣ нынѣ отъ злодѣевъ новыхъ
И паствы и стады Христовыхъ
Лишились наслѣдныхъ мѣсть.
Чьего Цари покровы просятъ,
Къ престолу ПАВЛОВУ приносятъ,
Хоругвь свою и древній крестъ.

(209) Сей крестъ какъ лучъ въ странахъ Россійскихъ
Монарши перси осѣнилъ —
И храбрыхъ рыцарей Мальтійскихъ
Въ Державѣ нашей воскресилъ.
Отрада ветхаго Салима
Какъ свѣтлая аврора зрима; —
Надежда, вѣра и любовь
Изъ ихъ сердецъ изымутъ терны,
Одежды убѣлятся черны;
Христова возсіяетъ кровь.

Тогда гремящая Россія,
Простря копьѣ, и мечъ, и щитъ,
Сотретъ главу Секванска змія
И миръ народамъ возвратитъ. —
Летаютъ молніи Россійски —
Златые дни по громахъ близки;
Они на крыліяхъ летятъ,
Петрополь тихо освѣщаютъ,
И новой Вѣтвью обѣщаютъ
Украсить ПАВЛОВЪ вертоградъ.

(210) Любви отечество Цитера,
Гдѣ съ міромъ купно рождена
Изъ пѣны серебряной Венера,
Подъ наши скрылась знамена;
Оттоль Эроты удалитесь,
На Невскій берегъ преселитесь,
Плетите миртовы вѣнки;
Преобразите капли льдисты
Въ алмазы, въ бисерны манисты,
Снѣга во серебряны пески.

Изъ твердыхъ мраморовъ составьте
Любви великолѣпный храмъ;
Взаимной вѣрности поставьте
Изъ золота ликъ сліянный тамъ; —
Усыпьте къ храму путь цвѣтами,
Чета спряженная сердцами
Которымъ предъ Олтарь пойдетъ.
Сладчайши лиры Музы стройте,
Торжественные гимны пойте,
Запечатлѣйте Ихъ обѣтъ.

(211) О вѣчность, предъ которой годы
Какъ быстрые ручьи текутъ;
Какъ тѣнь преходятъ смертныхъ роды,
Родятся царства и падутъ!
Пересчитай времянь теченье
И лѣтъ содѣлай прибавленье
Для сей возлюбленной Четы;
Содѣлай вѣчную Ихъ радость,
Продли ЮСИФОВУ младость
И АЛЕКСАНДРЫ красоты.

Да будутъ множась славой громки
Сыны МАРШИНЫХЪ Сыновъ;
Какъ Авраамовы потомки,
И корень разпрострутъ ПЕТРОВЪ,

Которы Сѣверъ украшаютъ:
Да тако Дщери процвѣтають,
Какъ розы, вѣчною весной;
Да царствомъ ПАВЕЛЪ усладится,
Престоль Его да оградится
Всевышней силой, какъ стѣной.

(212⁵) Когда благочестиво правятъ
Цари врученнымъ царствомъ Имъ,
Златые тамо дни возстаютъ,
И Богъ сопровить купно Имъ:
Преобратится тернь въ оливы,
Благословятся грады, нивы,
Богатства рѣки потекутъ;
Непобѣдимы будутъ войски,
Нося въ груди сердца геройски,
Сквозь огонь и бездну водъ прейдуть.

Такого мы Царя имѣемъ:
Онъ въ вѣрѣ твердъ, благочестивъ;
Мы купно съ Немъ благоговѣемъ, —
И вѣкъ нашъ славенъ и щастливъ.
Куда лишь перстомъ Онъ покажетъ,
Туда бросайте громы! скажетъ,
Его перуны загремятъ. —
Россійскій мечъ повсюду блещетъ,
Видинъ и Галлія трепещетъ;
Потушилъ взоръ мятежный градъ.

(213)

СТИХИ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Четырмя подкрѣпленъ теперь Престоль столпами,

⁵ Въ изд. 112.

На коемТы, Монархъ! во славъ возсѣдишь;
Ты вѣрой, правдою, щедротами, полками
Свое блаженство ввѣкъ и наше утвердишь.
Да будетъ войскъ Твоихъ страшна во свѣтѣ сила!
Тебѣ Господь послалъ Героя МИХАИЛА.
(214) Лучами Сѣверъ весь какъ солнцемъ освѣтился, —
Родоначальникъ Твой сквозь горній сотреть сводъ,
Что имянемъ Его Потомокъ въ мѣръ родился,
Что такъ какъ садъ цвѣтетъ Его въ Россіи родъ.
Онъ громкія дѣла Потомковъ изчисляетъ,
И дары ихъ съ небесъ къ Нему низпосылаетъ.

Какъ славенъ АЛЕКСѢЙ, да славится Онъ въ свѣтѣ!
Да въ Немъ сіяетъ духъ великаго ПЕТРА!
Да будетъ сходенъ Онъ душой ЕЛИСАВЕТѢ,
Любезень, какъ Ея прекрасная Сестра!
Да будетъ Онъ какъ Ты, недремлющъ, твердъ, незлобенъ,
МАРІИ красотой, Тебѣ во всемъ подобенъ!

(215)

ПѢСНЬ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ВО
ИЗЪЯВЛЕНІЕ ВСЕПОДДАННИЧЕСКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ ЗА
ПОЛУЧЕННУЮ ВЫСОЧАЙШУЮ МИЛОСТЬ
1797 ГОДА

Ликъ Божій на земли! нашъ Ангелъ утѣшитель,
Отецъ Отечества, Монархъ и Повелитель! —
ТЕБЯ во пеленахъ избравъ на царство Богъ,
Давно намъ обѣщаль щедротъ своихъ въ залогъ;
Къ отрадѣ сѣвера заря Твоя сіяла,
Благословенное намъ утро предвѣщала;
Тебя премудростью Всевышній озаря,
Благочестиваго готовилъ намъ Царя;
Самъ Богъ рукой Тебя препровождалъ къ Державѣ,
И Ты на тронъ вступилъ въ небесной полной славы.

(216) Что утро лѣтъ Твоихъ предвозвѣстило намъ,
То день торжественно изобразилъ очамъ:
Мы наше щастіе и зримъ, и осязаемъ! —
Колѣни преклонивъ, ту руку лобызаемъ,
Которая на всѣхъ щедротъ потоки льетъ;
Тебѣ поселянинъ похвальну пѣснь поетъ;
Ты, ПАВЕЛЪ! хижины, Ты веси восхищаешь,
Дѣтей, отцовъ, мужей въ ихъ дома возвращаешь.
Не важно, что Тебѣ хвалы поетъ Парнассъ;
Пріятень небесамъ усердный сельскій гласъ;
Слеза отъ радости изъ глазъ такихъ текуща,
Есть лира, голоса сладчайши издающа. —
Какой веселостей въ дали намъ зрится рядъ,
Когда мы на Твоихъ любезныхъ воззримъ Чадъ!
Изникши отъ Тебя, изникши отъ МАРІИ,
То вѣтви видятся золотыя для Россіи;
Они водъ сѣнію Твоею процвѣтутъ,
И крѣпостию силъ какъ кедры возрастутъ;
Пріосѣняя Ихъ премудрости крылами,
На нихъ почиешь Ты и славой и дѣлами.
Ты лики въ ихъ сердцахъ Царей изобразишь,
Какія любить Богъ и Ты какія чтишь; —
Какъ Граціи, Твои возлюбленныя Дщери
Союза съ царствами для насъ отверзнуть двери:

(217) Низвергнется во Адъ кровавая война,
Россію усладитъ золотая тишина.
Твоя Имъ дастъ примѣръ Великая Супруга,
Въ которой Ты обрѣлъ сотрудницу и друга;
Ты Ей ходатайство за плачущихъ вручишь, —
Она представитъ Ихъ, Ты слезы осушишь;
Два Ангела теперь на Сѣверѣ летаютъ,
Доволятъ Россіянь, щастливятъ, утѣшаютъ.

Монархи на земли — есть образъ Божества;
Ты намъ небеснаго быть мнишься существа:
Богъ милость и любовь; — и Ты народъ свой любишь,
Даешь намъ нову жизнь, щедроты къ намъ сугубишь. —
Какъ солнце путь начавъ правленья Своего,
Лучей Ты не лишилъ отрады никого;

(6) На всѣхъ Ты изліялъ щедротъ Своихъ сіянье,

Въ сердцахъ къ Тебѣ горитъ святое почитанье;
Тамъ вѣрныхъ слугъ Своимъ вниманьемъ Ты почтилъ;
Лучами милости темницы посѣтилъ;
Тамъ слезный токъ отеръ изгнанниковъ несчастныхъ;
Утѣшилъ жребію злощастія причастныхъ;
Монаршій тамъ простеръ къ обиженнымъ покровъ;
Тамъ призрилъ Ты сиротъ, утѣшилъ бѣдныхъ вдовъ.
(218) Родителю въ ихъ жизнь которы были вѣрны,
На тѣхъ Ты изліялъ щедроты безпримѣрны;
Ты тако ихъ взыскалъ, щедроты имъ изливъ,
Какъ будто Твой для нихъ еще Родитель живъ.
О Сынъ, почтенный Сынъ! творя Святое дѣло,
Ты къ Предкамъ возвратилъ Родительское тѣло;
Ты учишь чувствовать, Ты учишь подражать,
Какъ должно память насъ родившихъ обожать.
Иосифовъ я гласъ въ Египтѣ, мнится, внемлю,
Да прахъ его преидетъ въ обѣтованну землю! —
Потоки нѣжныхъ слезъ текутъ изъ глазъ моихъ,
И прерывается возторгами мой стихъ:
Дивлюся! радуюсь! впадаю въ умиленье!
Нѣтъ силъ, мое Тебѣ воспѣтъ благодаренье,
Благодареніе изъ чувствъ, не изъ рѣчей;
Оно не есть въ перѣ, оно въ душѣ моей.

(219)

Ода

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ НА ВСЕРАДОСТНОЕ

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

1770 ГОДА.

Между безчисленныхъ трофеевъ,
Среди торжественныхъ побѣдъ,
Бросая громы на злодѣевъ,
О чемъ Россія слезы льетъ?
Я полночь взоромъ облетаю,
Вездѣ триумфы обрѣтаю,

И славы нашей звучный гласъ
Гремитъ во всѣхъ предѣлахъ свѣта:
Но, ахъ, пресвѣтлая планета!
Затмиться хочешь ты у насъ!

(220) Зрю смерти Ангела летяща
Во мрачномъ облакѣ въ сей градъ,
И косу грозную держаща,
Я вижу, вижу черный ядъ,
Предъ нимъ который Скорби мещуть;
Земные жители трепещуть,
Брега Невы объемлетъ страхъ;
Ко трону мчится Смерть сурова,
Увы! послѣдня вѣтвь ПЕТРОВА,
Наслѣдникъ у нее въ рукахъ.

Лишаяся своей надежды,
Власы Россія въ грусти рветъ;
Блѣднѣетъ, рветъ свои одежды
И смерти Ангелу речетъ:
«Постой! кого ты поражаешь?
Или въ свирѣпствѣ вображаешь,
Что жизнь едину пресѣчешь?
Стенанью Россовъ ты не внемлешь:
У всѣхъ у нихъ ты жизнь отъемлешь
И душу изъ меня влечешь.

(221) Се отрасль Предковъ знаменитыхъ,
Надежда, слава всѣхъ Царей!
Въ селеньяхъ солнцами покрытыхъ
У свѣтлыхъ Божьихъ олтарей;
Они въ сіи часы крушатся,
Что ПАВЛА я должна лишаться.
На толь во славъ день отъ дня
Росла я и крѣпилась, Боже!
Дабы, что мнѣ всего дороже,
Ты вдругъ похитилъ у меня?...»

Сіе усердіе вѣщало,
Усердіе Россіянъ всѣхъ;
И солнце насъ не освѣщало, —
Лишалосѧ оно утѣхъ.
Монаршески чертоги злачны
Намъ скучны кажутся и мрачны,
Не внемлемъ торжеству побѣдъ,
Не слышимъ гласу общей славы;
Наслѣдникъ Росскія Державы
Оставитъ хочеть насъ и свѣтъ.

(222) Въ сіи часы, часы жестоки
Россіи всей и ПАВЛА Мать
Ліетъ горчайши слезны токи:
Престоль ли станеть вображать, —
Онъ пусть ЕКАТЕРИНѢ зрится;
Народъ увидитъ, — онъ томится;
Страдаютъ вѣрныя сердца,
Надежда оныхъ погасаетъ;
Насъ день и вечеръ ужасаетъ,
Со страхомъ ночи ждемъ конца.

Отчаянье по граду ходитъ,
Главу на перси преклонивъ;
И страхъ и ужасъ всѣмъ наводитъ,
Глася: едва вашъ ПАВЕЛЪ живъ!
Въ часы ужасныя судьбины,
Хотимъ изъ глазъ ЕКАТЕРИНЫ
Отраду нашу прочитатъ.
Великій духъ Ея крѣпится,
Извнѣ Она Богиней зрится,
Но сердцемъ человѣкъ и мать.

(223) Искусный кормщикъ въ бурномъ морѣ,
Предвидя, что корабль его
Разрушится о камни вскорѣ
И жизнь отниметь у него, —
Въ слезахъ на спутниковъ взираетъ,
Всѣхъ прежде сердцемъ обмираетъ;

Но онъ къ спасенью ищетъ средствъ.
Таковъ былъ смутенъ, возтревоженъ,
Таковъ былъ Панинъ остороженъ
Во время нашихъ общихъ бѣдствъ.

Усердье Россовъ возлетаетъ
Превыше дальнихъ облаковъ,
Туда, гдѣ святость обитаетъ,
Пріемля страждущихъ въ покровъ;
Туда нашъ плачь и стонъ возноситъ,
И гласомъ всѣхъ Россіянъ проситъ
Погибель общу отвратить.
Коль жизни алчетъ смерть сурова,
Такъ тысяча другихъ готова,
Готова ПАВЛА замѣнить!

(224) Правитель наша судьбины,
Земли, и моря, и небесъ,
Услыша плачь ЕКАТЕРИНЫ,
Увидя токи нашихъ слезъ,
Межъ Ангельскимъ блистая хоромъ,
Взглянулъ на смерть претящимъ взоромъ,
И жити ПАВЛУ повелѣлъ.
Се черный мракъ надъ Нимъ развился,
Какъ солнце Онъ изъ тучъ явился,
И новымъ мужествомъ процвѣлъ.

Природа въ Нордѣ обновилась
И въ лутчихъ зрится красотахъ;
Она любезнѣе явилась
На холмахъ, въ рощахъ и цвѣтахъ.
Ахъ, нѣтъ! ликуеть не Природа,
Сердца Россійскаго народа,
Скорбящи, ПАВЕЛЪ! о Тебѣ,
Весельемъ нынѣ напоенны,
Твоею жизнью оживленны,
Спокойство чувствуютъ въ себѣ.

(225) Намъ гласъ небесный какъ трубою
Вѣщаетъ тайны съ высоты,
Что мы возвысимся Тобою,
Что древнихъ лѣтъ достигнешь Ты;
Что корень Царскій ты возставишь,
Премудростью Себя прославишь,
И Богу будешь подражать;
Дѣла сотворишь въ мірѣ громки, —
Изъидутъ отъ Тебя Потомки
Блаженство Россовъ умножать.

(227)

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ ОДЫ.

Печатаны въ первый разъ 1762 года.

(229)

ОДА I. КЪ СВОЕЙ ЛИРѢ

Готовься нынѣ, лира,
Въ простомъ своемъ уборѣ
Предстать передъ очами
Разумной Россіянки.
Что въ новомъ ты уборѣ,
Того не устыдися;
Ты пой и веселися.
Своею простотою
Ее утѣшишь болѣ,
Чемъ громкими струнами
И пышными словами;
Твои простыя чувства
Безхитрое пѣнье
Ея подобно сердцу,
Ея подобно духу.
Она мірскую пышность
Великолѣпной жизни
Конечно ненавидитъ.
(230) Когда тебя увидитъ,
Тобой довольна будетъ.
А ты, которой нынѣ
Стихи я посвящаю!
Нестройность ихъ услыша,
За то не разсердися.
И сами въ пѣсняхъ Музы
Нерѣдко погрѣшаютъ.
Безъ риѣмъ стихи слагаю,
Но то ихъ не лишаетъ

Пріятности и силы,
Коль есть въ нихъ справедливость.
Другихъ нѣтъ правилъ въ свѣтѣ
Стихи и лиры строить,
Какъ только чтобъ съ забавой
Мешая общу пользу,
Пѣть внятно и согласно.
Творцомъ быть славнымъ въ свѣтѣ,
Трудовъ великихъ стоитъ;
А пользы въ томъ не много.
Не силюся къ вершинамъ
Парнасскимъ я подняться,
И тамъ съ Гомеромъ строить
Божественную лиру;
(231) Иль пить сладчайшій нектаръ
Съ Овидіемъ Назономъ.
Анакреонта пѣсни,
И простота и сладость,
Въ восторгъ меня приводятъ.
Однако я не льщуся
Съ нимъ пѣніемъ сравняться;
Доволенъ тѣмъ единымъ,
Когда простымъ я слогомъ
Могу воспѣть на лирѣ;
Когда могу назваться
Его свирѣлокъ эхомъ;
Доволенъ паче буду,
Когда тебѣ пріятно
Мое игранье будетъ.
Часовъ работа праздныхъ,
Часовъ, часовъ немногихъ;
Не тщательно старанье
Награду всю получитьъ,
Вънецъ себѣ и славу,
Когда сіи ты пѣсни
Прочтешь, прочтешь и скажешь,
Что ими ты довольна.

(232)

ОДА II.
О СИЛѢ РАЗУМА.

Когда Всесильно Слово
Вселенну основало,
И персть Творца уставилъ
Порядокъ всей Природы:
Тогда земныя доли
Пріяли видъ и тѣло,
И всѣ одушевились
Единымъ дохновеньемъ.
Тамъ холмъ восколебался,
И цѣлой вышиною
Въ слона преобращался.
Прорвавъ земныя нѣдры,
Свирѣпый левъ выходитъ;
Его ужаснымъ ревомъ
Лѣса вострепетали.
(233) Тогда левіаѳаны
Въ морскихъ волнахъ разыграли,
И тяжестію тѣла
Струи обрелили.
Пречудны Риноцеры
Изъ крѣпкихъ камней вышли.
Мгновенное рожденье
Оставить не успѣло
Ихъ прежняго сложенья,
Кремнистой чешуею
Еще они покрыты.
Тогда взвились птицы
На воздухъ крылами;
Всѣ твари получили
Различны дарованья.
Кто скорыми ногами,
Кто острыми рогами,
Кто ягкою волною
Природой награжденны.
Уже лѣса и горы

Животныхъ стали полны;
Въ водѣ взыграли рыбы,
Подъ облаками птицы
И по лѣсамъ запѣли;
(234) И каждое вѣщало
Природы новы мысли.
По томъ изъ нѣдровъ бранныхъ
И человекъ выходитъ,
Нагъ, слабъ, и безоруженъ.
Студеной вѣтеръ гонитъ
Его въ лѣса, въ пещеры;
Но тамо дики звѣри
Безсильнаго стращаютъ;
Ни силъ, ни обороны,
Ни легкихъ крыль къ полету,
Ни твердости къ сраженью,
Руна къ согрѣнью тѣла
Сей смертной не имѣеть.
Натура, видя бѣдность
Такой несчастной твари,
Дабы вещей порядокъ
На немъ не прерывался,
За многи дарованья,
Которы истожила
На множество животныхъ,
Ему для обороны
Дала единый разумъ.
Тотчасъ свирѣпость львова,
(235) И дикость алчна звѣря,
Имъ стали укрощены.
Онъ сильныхъ повергаетъ
И лютыхъ укрощаетъ,
И всѣ земныя твари
Ему покорны стали.
Но то не насытило
Властолюбивый разумъ;
Онъ жителей воздушныхъ
Подвергъ своимъ законамъ,
И прихотямъ и власти.
Во глубину морскую
Онъ руку простираетъ,

И тварей собираетъ,
Да власть его познають.
Всѣ твари встрепетали
Непостижимой силы;
Кто бѣгалъ рогъ ягненка,
Тотъ нынѣ челюсть львову
Иль тигрову терзаетъ,
Слона одолѣваетъ,
И пищу и одежду
Съ животныхъ собираетъ.
О разумъ, сильный разумъ!
(236) Царемъ ты человѣка
Надъ тварью могъ поставить;
Его ты укрѣпляешь,
Его вооружаешь,
Его ты согрѣваешь;
Игралищемъ Натуры
Онъ силы чуждъ родился.
Колико намъ ты нуженъ,
Изъ нашихъ бѣдствій видно.

(237)

Ода III.

О ВРЕДѢ, ПРОИЗШЕДШЕМЪ ОТЪ РАЗУМА.

Отверзшій человѣкатору
Къ спокойствію дорогу,
Въ него вліянный разумъ,
Колико былъ полезенъ,
Толико сталъ и вреденъ.
Имъ средства обрѣтають
Къ благополучной жизни;
Имъ власть его велика
Надъ всею тварью стала;
Имъ волны и пучины,
Бореево дыханье,
Коль хладными устами
Изъ облакъ оный дышетъ,

Имъ все то укрощено.
Уже къ его забавамъ
Цвѣты въ поляхъ пестрѣютъ;
Пріятный свистъ зефировъ
Свирѣли производить.
Поющихъ птичекъ пѣнье
(238) Журчаніе потоковъ
Его увеселяетъ,
И хоры составляетъ.
Всѣ нѣжности Природы
Къ его утѣхамъ служатъ;
Дичайши сами звѣри
Его лобзаютъ ноги,
И тѣло согрѣваютъ.
Праматерь человѣковъ,
Которой хладны нѣдры
На свѣтъ его пустили,
Пронзенную утробу
Земля имъ отверзаетъ
И чадъ своихъ питаетъ.
Текутъ златые вѣки,
И въ роскошахъ пріятныхъ
На свѣтѣ человѣки
Дни жизни провождаютъ,
Нещастія не знаютъ.
Ихъ родъ распространился,
На части раздѣлился;
Тогда врожденна зависть
Изъ пепла мещетъ искры
И заражаетъ сердце.
(239) Ихъ разумъ, чистый разумъ,
Подобно какъ источникъ,
Хрустальными струями
По камышкамъ ліется;
И вдругъ въ своемъ теченьи
Болотный путь встрѣчаетъ
И чистоту теряетъ;
Пріемлетъ мутну воду,
Которая мѣшаясь
Въ струяхъ, струяхъ прозрачныхъ,
До самыя вершины

По томъ распространится:
Такъ разумъ простирая
Къ спокойной жизни средства,
И вымыслы устроя
Наслѣдіе уставить,
Черезъ сосѣдне поле
Полей своихъ прибавить,
Въ своемъ свирѣпствѣ первомъ
На агнцовъ нападаетъ
И кровь ихъ проливаетъ.
Уже завистнымъ окомъ
На жатвы изобильны,
На лѣсъ, поля и рѣки
(240) Сосѣдніе взираетъ.
Гдѣ, гдѣ вы, человѣки?
Гдѣ ваши дни спокойны?
Какъ звѣрь терзаетъ звѣря,
Какъ вѣтръ бунтуетъ море
И птица птицу гонитъ,
Подобно такъ и люди
Другъ на друга напали.
Уже не для забавы
Они выходятъ въ поле
И хороводомъ пляшутъ;
Не ради утѣшенья
Свирѣлокъ голосъ слышенъ,
Торжественныя пѣсни
Не радость восклицаютъ,
Поютъ, поютъ и славятъ
Одержанну побѣду,
Побѣду надъ сосѣдомъ;
И въ жертву принесенна
Изобрѣтенну богу
Тельца дѣлятъ на части.
Кровь агнцовъ проліянна
Имъ звѣрску мысль вдохнула,
Подобно убивати
(241) Такихъ же человѣковъ.
Войны воспламенились,
И жертвы превратились
Въ кровавую добычу:

Братъ брата забываетъ,
Братъ брата убиваетъ,
И ярость въ мысль влагаетъ
Способнѣйшія средства
Къ гибели другова.
Уже сей чистый разумъ,
Который человѣку
Сперва служилъ на пользу,
Теперь ничто иное,
Какъ бѣдъ его источникъ,
Или простерто жало
Къ ущербу жизни ближнихъ.
Все, все, что почерпаемъ
Ума изъ дарованья,
Которымъ мы гордимся,
Есть малые успѣхи
Отъ бѣдствій защищаться,
Которымъ отъ рожденья
До смерти человѣки
Другъ другомъ окруженны.

(242)

Ода IV.
О ВОСПИТАНІИ.

Пріятности весенни
Когда покроютъ землю,
И нѣжные зефиры
По рощамъ разлетятся, —
Какъ хоры многихъ птичекъ
Всемѣстно раздадутся;
Замерзлые потоки
Свое теченье примутъ,
Струясь съ горъ высокихъ,
Ліяся чрезъ долины:
Тогда на пашню съ плугомъ
Выходитъ земледѣлецъ,
Разпаханную ниву

Наполнить сѣменами,
(243) Чтобъ лѣтнею порою
Собрать плоды обильны.
Онъ землю острымъ плугомъ
Въ то время раздираетъ,
И по трудахъ прилѣжныхъ
Корысти ожидаетъ.
И нашего дни вѣка
Веснѣ, веснѣ подобны.
Младенецъ возрастаетъ,
Непостоянству сходенъ
Играющихъ зефировъ.
Какъ льда освобожденный
Ручей стремится въ поле,
Подобно такъ по волѣ
Онъ мыслями стремится.
Ребячески утѣхи
Цвѣтамъ весеннимъ сродны,
И столько мало длятся,
Какъ розы и лилеи.
Утѣшить скучны мысли,
И пѣньемъ и словами,
Какъ птички воспѣвають,
Младенца забавляютъ;
Но обществу полезнымъ
(244) Родившагося сдѣлать,
Потребно, такъ какъ плугомъ,
Полезною наукой
Его разчистить разумъ,
И сѣмена посѣять;
Стараясь неусыпно,
Какъ земледѣлецъ въ полѣ,
Чтобъ плодъ они имѣли,
Расли, расли и зрѣли.
Такой полезень разумъ
Въ текущей нашей жизни,
Какъ нивы плодоносны
Полезны земледѣльцу.
Когдажъ того не будетъ,
Всякъ презреть тварью сею,
Какъ умной земледѣлецъ

Безплодною землею.

(245)

Ода V.

О СУЕТНЫХЪ ЖЕЛАНІЯХЪ.

Въ дни бурныя погоды
Смотрѣль я съ горъ высокихъ
На скачуція волны,
На быстрый бѣгъ Бореевъ,
На ярости Нептуна,
Который острогою
Подъемлетъ влажны горы;
Свирѣпые Тритоны
Кругомъ его играя,
Нестройны пѣли хоры;
Казалось, что и солнце
Свирѣпостью такою
Стихій непостоянныхъ
Красѣло и гнушалось,
И мракомъ покрывалось.
(246) Но вдругъ передо мною
Воды кипящей горы
Корабль бросати стали:
То въ адъ его сверзали,
То къ небу отметали.
Я слышалъ вопль пловущихъ,
Я видѣлъ ихъ погибель
И суетну заботу,
Ихъ клятвы съ воднымъ шумомъ
Ушамъ моимъ касались:
Иные обѣщались,
Когда ихъ Богъ избавить,
То онъ весь свѣтъ оставитъ,
Чтобъ жить уединенно;
Иной свое богатство
Сулилъ Нептуну въ жертву,
Коль море укротится.

Но клятвы и моленья
Уже бесплодны были,
И волны погубили
Ихъ всѣхъ передо мною.
Толико видѣ плачевной
Меня отвлекъ отъ мѣста;
Пошедъ я началъ ыслить:
(247) О слабы человѣки!
Вы для суетъ единыхъ
Морямъ непостояннымъ
Вверяетесь отважно;
Гоняясь за корыстью,
Гоняетесь за смертью.
Когда я тако мыслилъ,
Увидѣлъ предъ собою
Прекраснаго еленя:
Златыми онъ рогами,
Сребристой бѣлизною
Прелестно былъ украшенъ.
Пловцовъ я забываю
И стрѣлы я хватаю;
Бѣгу я за еленемъ,
А онъ стрѣлы быстрое
Отъ глазъ моихъ скрывался,
Въ лѣсу темный удалялся.
Я съ лукомъ и стрѣлами
Послѣдую еленю;
Но ужасъ поражаетъ
Мое смущенно сердце!
Въ лѣсу я льва срѣтаю
Ко мнѣ бѣгуца прямо
(248) Съ его кровавымъ зевомъ.
Что стрѣлы тутъ помогутъ,
Когда такой соперникъ
Стоитъ передъ тобою?
Поможетъ ли бѣжанье,
Гдѣ алчный звѣрь стремится
На видиму добычу?
Я клялъ свою охоту
Гоняться за еленемъ;
А левъ уже хватаетъ

Тогда мою одежду;
Последнюю надежду
Теперь употребляю
И стрѣлы направляю:
По щастью не ошибся,
И льва я въ сердце ранилъ.
Левъ палъ, а я вспомнилъ
Морскихъ людей судьбину,
И строгости ихъ рока
Переложилъ я тако:
Не море въ томъ виною,
Не вѣтеръ и не звѣри,
Когда мы погибаемъ
Отъ ихъ свирѣпства яра,
(249) Виновны въ томъ желанья,
Которы насъ приводятъ
За тѣнностью гоняться.
Кто льстится суетою, —
Гоняся за тою,
Тотъ на свирѣпомъ морѣ,
Или на твердомъ мѣстѣ,
Равно погибнуть можетъ.

(250)

ОДА VI.

Благополучной бракъ.

О Нимфы сихъ потоковъ!
Разсыпьте Нимфы красны
По рощамъ и долинамъ,
И тамъ цвѣтовъ нарвите,
И тамъ вѣнцы плетите.
Вы, тихіе зефиры!
Слетайте и играйте
Межъ сихъ кустовъ зеленыхъ,
И нѣжнымъ дуновеньемъ
Листочки ихъ качайте,
И голосу свирѣлей

Нѣжняе отвѣчайте.
Сего дня Полидору
Я праздновать намѣрень;
(251) Сего дня въ громкихъ пѣсняхъ
Возславятъ Филомелу
И жители составятъ
Къ ихъ чести хороводы.
Вы, Нимфы, знать хотите,
За что отмѣну эту
Мы имъ готовы дѣлать:
Не сладостнымъ ли пѣньемъ
Они отъ всѣхъ отмѣнны,
И выигрышъ получили?
Не скорымъ ли бѣжаньемъ,
Какъ въ древность Аталанта,
Вѣнцевъ они достигли?
Не крѣпкою ль борьбою,
Не быстрыми ль стрѣлами,
Какъ Геркулесь прославленъ,
Они достигли славы?
Ахъ! нѣтъ, прекрасны Нимфы,
Не сладостныя пѣсни,
Не игры, не бѣжанье,
Не стрѣлы, не проворство,
Ихъ въ нашемъ полѣ славить,
И нынѣ ихъ вѣнцами
Не то почестъ заставить;
(252) Вѣнцы у нихъ и славу
Заслуживаетъ это:
Что двадцать лѣтъ исполнить
Сей день ихъ вѣрна брака.
Во всѣ текущи годы
Они другъ съ другомъ жили
Спокойно и согласно;
Всего чуднай! любили
Они другъ друга страстно.
Сердца, сердца такія,
Въ которыхъ обитаетъ
Эротъ непостоянной,
Съ толикимъ постоянствомъ
Не должны ль быть почтенны,

Не должны ль обожаться,
Не должны ли вѣнчаться
Лавровыми вѣнцами?

(253)

Ода VII.
ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Пріятну жизнь проводитъ
И щастливъ тотъ безмѣрно,
Кто много нажилъ злата, —
Во изобильной жизни
Минуты провождаетъ;
Пріятными садами
И сладкими плодами
Онъ сердце утѣшаетъ.
Благополучень много,
Кого ведетъ Фортуна
На вышніе степени.
Спокоенъ тотъ и щастливъ,
Которому судьбина
Дала жену прекрасну.
Благополучень въ свѣтѣ,
Кто славу расширяетъ
(254) Свою по всей вселенной...
И тотъ благополучень,
Кто много разумѣтъ;
А всѣхъ благополучнѣй,
Кто страсти и желанья
Къ богатству, къ чести, къ славѣ,
Преодолѣть умѣетъ.
Сразись со мной Фортуна,
Лишай меня спокойства, —
Тебя преодолѣю.
А естли я устану
Тебѣ сопротивляться:
Не сдѣлаю игрою
Твоей себя во вѣки.

Хоть щитъ мой расшибется,
Копье себя притупить:
А я и въ томъ несчастьи
Благополучень буду.

(255)

Ода VIII.
О СИЛѢ ДОБРОДѢТЕЛИ.

О добродѣтель!
Ты утѣшенна;
Только не всѣми
Въ свѣтѣ забвенна.
Знаю Героевъ,
Кои стремятся
Кровь проливати,
Вѣкъ свой проводятъ
Въ Марсовомъ полѣ;
Только тобою
Души ихъ полны.
Ты межъ мечами,
Кровь гдѣ лѣется,
Смерть гдѣ лѣтаетъ,
И изъ Героевъ
(256) Души хватаетъ,
Ты обитаешь
Съ смертными тамо.
Рѣчь гдѣ прелестна,
Сердце не прямо,
Тамо извѣстна.
Ты Философамъ
Вѣчно любезна;
Съ поломъ прекраснымъ
Ты обитаешь:
Тѣхъ украшаешь,
Кои Природу
Всю украшаютъ.
Чтожь, добродѣтель,

Тако смущенна?
Естьли Герои
Плѣнны тобою;
Естьли имѣешь
Тамо любимцовъ,
Все гдѣ притворно;
Естьли Судьями
Ты уваженна,
И съ красотами
Ты съединенна:
(257) Царствуешь славно,
Столько имѣя
Разныхъ народовъ,
Душъ и убѣжищъ!
Такъ ты велика,
Такъ ты прекрасна,
Что ни мечами,
Ни предъ судами,
Ни красотами
Ты изтребиться
Вѣчно не можешь.

(258)

Ода IX.

ИСКРЕННІЯ ЖЕЛАНІЯ ВЪ ДРУЖБѢ.

Оставя стѣны града,
Которы орошаетъ
Москва своимъ теченьемъ;
Брега, берега зелены,
Луга, прекрасны рощи,
Усыпанны красами;
Гдѣ кажется и воздухъ,
Прельщенный ими, дышетъ;
Гдѣ къ чести женска пола
Пріятности Натуры,
Краса, пріятность, прелесть,
Сіяютъ въ пущей силѣ;

А нынѣ какъ зефиры
Весну предвозвѣстили,
(259) По рощамъ нѣжны птички
И соловьи запѣли;
Когда сама Природа,
Съ красою ихъ сравнятся,
Всѣ прелести собираетъ;
Когда въ часы прохладны
Красавицъ многихъ лики,
Подобно милымъ Нимфамъ
Діаны и Авроры,
Въ поляхъ, въ лѣсахъ гуляютъ,
И въ воздухѣ Амуры,
Взвиваяся надъ ними,
Ихъ вдвое украшаютъ,
Заразы изошряютъ
Сердцамъ для утѣшенья,
Которыя родились
Плѣнять, и быть плѣненны: —
Ты, ты сей градъ оставилъ,
Въ уединенье скрылся!
Иль сельскія пастушки
Тебѣ пріятнѣй нашихъ?
И игры полевая
Тебѣ миляе нашихъ?
И дикіе Фауны
(260) Съ свирѣлями своими
Тебѣ пріятнѣй стали
Тѣхъ пѣсней, пѣсней сладкихъ,
Которы восхищаютъ,
Которы утѣшаютъ
Сердца и чувства наши?
Внимать уже не будешь,
Не будешь болѣ слышать
Пріятныхъ разговоровъ....
Но, ахъ! постойте Музы,
Мой голосъ удержите,
Перо остановите.
О чемъ писать дерзаю?
Къ кому писать дерзаю?
Пишу, пишу я къ другу,

Пищу — и возмущаю
Его спокойны мысли,
Его спокойно сердце,
Хотя о постоянствѣ
Его души увѣренъ:
Но дужеско ль желанье,
Вводитъ другова въ слабость,
И въ роскошь влечь и въ праздность?
Когда мнѣ часть судила
(261) Жить суетно на свѣтѣ,
И дни свои молодые
Въ пустыхъ забавахъ тратить,
Въ забавахъ и желаньяхъ,
Въ пустомъ увеселеньѣ
И въ скучномъ обращеньѣ:
На что вводитъ и друга
Въ такое жь развлеченье,
Досады и смущенье,
И грудь его тѣмъ жалить,
Чемъ грудь моя пронзенна?
Живи уединенно,
Когда тебѣ пріятно,
Живи, мой другъ любезный!
Ключи съ горы біющи
И чистые потоки,
Лѣса, поля широки,
Твой духъ утѣшать болѣ,
Чемъ здѣшнія забавы.
Коль чувствуешь ты сладость
Въ своемъ уединеньѣ;
Простое обращенье
Съ своими поселяны
Когда тебѣ пріятно;
(262) Прохладная пещера
И тѣнь пріятныхъ рощей
Тебѣ когда утѣшны;
Коль сердца не терзаешь,
Когда воображаешь
Себѣ мірскую пышность,
И дни твои спокойно
И тамо протекають:

Живи, живи въ утѣхахъ!
Ты щастливъ несомнѣнно.
Далеко обитаешь
Огромной свѣта скуки;
Но ты и не зриаешь,
На порченые нравы.
Не видно безполезной
Тамъ роскоши любви:
И такъ, мой другъ любезной,
Въ свободѣ тамъ живи,
Пока плоды Цереры
Твое покроютъ поле,
И сладкая Помона
Сады твои наполнить;
Между суетъ и скуки
Я стану только слушать,
(263) Что мнѣ вѣщаютъ Музы,
Что мнѣ вѣщаетъ сердце.
И Музы мнѣ и сердце
Согласно то вѣщаютъ:
Люби, люби науки,
А паче добродѣтель!
Люби ты общу пользу,
Безумнымъ людямъ смейся,
Порочныхъ удаляйся,
А злыхъ не опасайся.

(264)

Ода X.

О ВАЖНОСТИ СТИХОТВОРСТВА.

Когда ни начинаю
Любезну лиру строить,
И девять сестръ Парнасскихъ
Когда ни вобразятся
Въ умѣ, къ стихамъ возженномъ,
И въ сердцѣ ими плѣнномъ;
Мнѣ слышится всечасно,

Что мнѣ онѣ вѣщаютъ:
Не трать, не трать напрасно
Часовъ младаго вѣка,
И духа не имѣя,
Въ стихахъ не упражняйся;
Другихъ путей довольно,
Которые приносятъ
(265) И сладость и утѣхи
На свѣтѣ человѣкамъ.
Оставя Аполлона,
Ступай за Марсомъ въ поле;
Военна бога лавры
Похвальнѣе, чемъ наши.
Когда не ощущаешь
Къ оружію охоты,
И звукъ мечей противень,
Противно ратно поле:
Взойди, взойди въ чертоги,
Гдѣ Ѡемисъ обитаетъ,
И гдѣ вѣсы златыя
Съ закрытыми очами
Она въ ррукахъ имѣетъ;
Внемли ея законамъ
И съ нею собесѣдуй;
Ты обществу полезень,
Себѣ и міру будешь.
Когда и то не мило, —
Проникнути старайся
Во таинства Природы;
Будь нужнымъ гражданиномъ
Изобрѣтеньемъ въ полѣ
(266) Обильнѣйшія жатвы,
Садовъ и скотоводства;
Искателемъ въ Натурѣ
Вещей до нынѣ скрытыхъ.
Достичь горы Пранасской
И лавра стихотворна,
Охоты не довольно
И прилѣжанья мало;
Къ тому потребень разумъ,
Которой чистъ и свѣтель,

Какъ токъ воды прозрачной,
Или стекло прозрачно,
Чтобъ всѣмъ вещамъ Природы
Изображаться ясно,
Порядочно, согласно;
Потребны остры мысли,
Чтобъ связи всей Натуры
Проникнуть сильны были;
Потребны духъ и сердце,
Которы ощущаютъ
Людскія страсти точно,
И ясно сообщаютъ
Ихъ силу и движенье,
Болѣзнь, изнеможенье.
(267) Способности толики
Писателю потребны,
Что разумы велики
Сей путь перемѣняли,
Когда они узнали
Его велику важность,
И трудъ и попеченье.
Но въ комъ слѣпая дерзость
Брала отважно силу,
И тщетная охота
Которыхъ воспаляла:
Тѣ стыдъ плодомъ имѣли,
И не дошедъ Парнасса,
Съ стихами исчезали.
О Музы, горды Музы!
Я внемлю ваше слово,
И сердце ужь готово
Къ вамъ жаръ мой погасити:
Но жаръ мой къ стихотворству
Моя охота множитъ;
А больше оной множитъ
Прекрасная Ириса.
Сердечно, иль притворно,
Она и стихъ мой хвалитъ,
(268) Она того желаетъ,
Чтобъ съ Музами я знался.
Коль вамъ противно это:

То мнѣ Ириса будетъ
И Аполлонъ и Музы.

(269)

ОДА XI.
СИЛА ЛЮБВИ

Сынъ Цитерскія богини,
О Эроть, Эроть прекрасной!
Я твои вспѣваю стрѣлы,
Стрѣлы, коими пронзаешь
Ты сердца, и воспаляешь.
Власть твоя на всѣхъ простерта:
Ты морями и землею,
Сынъ Цитеры, обладаешь.
Безполезно удаляться,
Силиться и противляться
Смертнымъ противъ стрѣлъ Эрота;
Что у насъ въ сердцахъ врожденно,
Тѣмъ владѣетъ онъ и править,
(270) И себя Эроть чемъ славить,
Терпимъ то непринужденно.
Нѣтъ такихъ пустыней дикихъ,
Нѣтъ такихъ лѣсовъ дремучихъ,
Нѣтъ жилища, нѣтъ пещеры,
Нѣтъ щитовъ ни обороны,
Нѣтъ убѣжища на свѣтѣ,
Гдѣ бы стрѣлъ его укрыться.
Крѣпки стѣны разрушаетъ,
Тяжки узы разрѣшаетъ
Сынъ Цитерскія богини.
Вы, угрюмы Философы,
Сколько смертныхъ ни учите
Слабости бѣжать любовной, —
Лишь Эроть вселится въ очи,
Иль въ уста, въ уста прелестны,
Или въ рѣчи, или въ разумъ:
Тотъ часъ сердце распалится,

Важность мыслей удалится.
Вы, которые смѣтесъ
Сердцу, страстью воспаленну,
И одну являть суровость
Почитаете за славу!
Вы любви еще не знали,
(271) Или не люди родились.
Ты, о старость хладнокровна!
Не ропщи противъ любви;
Не ее ты покидаешь,
Но оставлена ты ею.
Естьли бѣ лъзя изображаться
На сердцахъ любовнымъ язвамъ,
И студеная кровь ваша
Коль могла бы загорѣться
Отъ пріятностей любовныхъ;
Вы подобно бы затлѣлись,
Какъ во младости горѣли.
Только въ сердцѣ, Богу вѣрномъ,
Только въ мысляхъ просвѣщенныхъ
Онъ не смѣетъ воцариться;
И, владѣя всѣхъ сердцами,
Сихъ сердець Эротъ боится.

(272)

Ода XII.

ИСТИННОЕ УТѢШЕНІЕ.

Подайте музы лиру,
Мнѣ лиру сладкострунну!
На семь лугу прекрасномъ,
Гдѣ розы и лилеи
Съ зеленою травою
Коверъ изображаютъ;
Хрустальные потоки,
По камышкамъ ліяся,
Журчанье соглашаютъ
Пріятныхъ птичекъ съ пѣньемъ;

Гдѣ сквозь густыя вѣтви
Лучи пройти не могутъ,
И тѣнь древесъ высокихъ
Со всѣхъ сторонъ простерта;
(273) Разбить несносу скуку,
Прогнать тоску сердечну,
Подъ черной тѣнью сяду,
И лиру соглашая,
Я пѣть хочу утѣхи,
Которы ощущаетъ
Тогда печально сердце,
Когда оно презрѣнно
Любезною бываетъ,
И послѣ отъ любезной
Взглядъ нѣжный получаетъ.
Или сію минуту,
Веселую минуту
Я стану воспѣвати,
Какъ долго живѣ въ разлукѣ
Съ любовницею любовникъ,
Опять совокупятся.
Я стану пѣть на лирѣ
Драгой моей заразы,
Которыхъ я не видя,
Грущу и унываю.
Но тщетно лиру строилъ
И пѣть приготовлялся:
Скоряя ко мнѣ зефира,
(274) Украшена вѣнками
Драгая прибѣгаетъ.
Я бросилъ тотчасъ лиру,
Я обнялъ дорогую;
Она сто разъ прелестнѣй,
Пріятнѣй и нѣжнѣе
Всѣхъ лирѣ и всѣхъ свирѣлей.
О Музы, чисты Музы!
Она скорѣй умѣетъ
Прогнать мои печали,
Чемъ ваши сладки пѣсни;
И на нее взирати
Пріятнѣй мнѣ стократно,

Какъ на цвѣты прекрасны.
Мнѣ лиры не давайте,
И въ поле не пускайте:
Лишь съ ней не разлучайте.

(275)

Ода XIII.

Тебѣ пріятны болѣ
Гремящей лиры пѣсни,
И шумъ въ стихахъ Бореевъ
Тебя увеселяетъ:
Пріятной безпорядокъ,
Отрывки, удивленье,
И слогъ великолѣпной,
И мысли восхищенны
Тебя въ восторгъ приводятъ;
Плѣняйся ты какъ хочешь
Великолѣпнымъ слогомъ
И звонкими струнами
Гремящей самой лиры;
Плѣняйся ты какъ хочешь,
Дивись летучимъ мыслямъ;
Хвали ты важность слова,
Хвали великость духа,
(276) Которой такъ какъ громомъ
Въ стихахъ пронзаетъ сердце;
И какъ орелъ парящій
До облакъ возлетаетъ.
Мнѣ тихое вздыханье
Стенящихъ горлицъ мило;
Мнѣ тихіе потоки,
Мнѣ рощи, мнѣ долины
Пріятнѣй лирна гласа.
Украшенна пастушка
Прелестными цвѣтами,
Когда въ кругу пастушекъ
Поетъ, поетъ и пляшетъ,
Милый гремяща хора.

Когда въ стихахъ любовныхъ
Писатель въздыхаетъ;
Когда онъ то вѣщаетъ,
Что сердцу воспаленну
Вѣщати въ страсти должно:
Меня приводитъ въ слезы,
И слышать заставляетъ
Тѣ чувства въ нѣжномъ сердцѣ,
Которыя природны
На свѣтѣ чловѣкамъ.
(277) О Музы! естли можетъ
Мой духъ вашъ даръ имѣти:
То дайте даръ подобной,
Какимъ Анакреона
Вы прежде наградили;
Или какимъ украшень
Пріятный * * *.
А естли тѣхъ не можно,
Не требую инова.

(278)

Ода XIV.
О долготѣ жизни.

Наша жизнь въ пространномъ мірѣ
Всѣхъ вещей течетъ быстрее.
Воды съ горъ катясь высокихъ,
Льются въ море чрезъ долины,
И струи свои мѣшая,
Токъ свой часто обращаютъ,
И къ источникамъ приходятъ;
Вѣтры съ свистомъ мчатся въ поле,
Затѣснясь межъ горъ высокихъ,
Въ силу новую приходятъ,
Бѣгъ свой далѣ простираютъ;
Солнце слабый лучъ пуская,
Клонится къ зарѣ вечерней,
И спустясь въ морскіе волны,
Отдыхаетъ подъ водами:

(279) Утренни часы настануть,
Всходитъ къ небу въ новой силѣ;
Такъ звѣздами окруженна,
Вновь луна въ ночи сіяетъ;
Древеса зимою вянутъ:
Но весенніе зефиры
Возвѣстятъ лишь только Флору,
Зелень рощи покрывает,
И умершая Природа
Оживати паки станетъ.
Вянетъ все, и вновь родится;
Только наша жизнь едина
Мчится въ вѣчность невозвратно.
Разъ отторгнута, ссѣченна,
Оставляетъ насъ на вѣки.
Ты, премудрая Природа,
Въ краткой жизни человѣка
Тѣмъ единымъ усладила,
Что въ летящія минуты
Скоротѣчнаго онъ вѣка
Долгій вѣкъ сложить удобенъ.
Даръ, которымъ человѣки
Отъ скота отмѣнны стали,
Дѣлаетъ нашъ вѣкъ безсмертнымъ.

(280) Кто Геройскими дѣлами,
Кто глубокою наукой,
Кто храня законы чести,
Кто безсмертными стихами
Жизнь безсмертной учинили.
Для чего же намъ крушиться,
Что проходить вѣкъ нашъ скоро?
Въ нашей волѣ то осталось,
Долго ль въ свѣтѣ жить, иль мало.

(281)

Ода XV.
О РАЗУМѢ.

На что полезень разумъ,

Когда всечасно мыслишь?
Какіе взять дороги,
Чтобъ мнѣ обогатиться,
Чтобъ жить и веселиться?
Кто малые доходы
Отъ разума имѣеть,
Великіе доходы
Съ невинныхъ брать умѣеть
И съ разумомъ незрѣлымъ
Въ чину богатыхъ зрѣеть.
На что потребенъ разумъ?
(282) Я вижу Полидора
Безъ хитраго разсудка,
Безъ всякія науки,
А можетъ быть и мыслей:
Красавицамъ онъ нравенъ
И между ими славенъ.
На что потребенъ разумъ?
Я вижу, что безумныхъ
Разумными считаютъ;
Людей, безстыдствомъ шумныхъ,
За острыхъ почитаютъ.
На что полезенъ разумъ,
Когда поклоны низки,
Когда глубоки иски
Людей приводятъ къ щастью?
На что потребенъ разумъ? —
Не надобенъ, я чаю.
Самъ дѣлаю вопросы,
Я самъ и отвѣчаю;
И думаю, что разумъ
На то одно потребенъ,
Чтобъ имъ могли проникнуть,
Кто правилъ не имѣеть,
Отъ тѣхъ намъ удаляться,
(283) И видя ихъ безумство,
Какъ можно исправляться.
А паче нуженъ разумъ,
Чтобъ людямъ отъ скотины
Въ сей жизни отмѣняться,
И къ Богу возвышаться.

(284)

Ода XVI.

Брега, берега прекрасны!
О чистые потоки,
Которы воображали
Пастушку мнѣ драгую
Въ тѣни древесъ сидящу;
Кругомъ ее зефиры
Рѣзвились и шумѣли,
Власы ея взвѣвая;
Хрустальные потоки
Ея скрывали ноги.
Казалось, что воды
Струи соединяли
Вкругъ оныхъ обвиваться;
Прелестными руками
Она цвѣты срывала,
И розы и лилеи
Съ охотой отрывались
(285) Въ рукахъ ея остаться.
О нѣжные зефиры!
О чистые потоки!
И вы, цвѣты прелестны!
Вы щастливы безмѣрно.
Однако не гордитесь
Пріятностью своею;
Не вы мою пастушку
Въ то время украшали:
Она васъ украшала.
Зефиры развѣвая
Власы ея прекрасны,
Прелестну сътъ сплетали,
Въ котору уловляться
Сердца готовы были.
Потоки, омывая
Пастушки бѣлы ноги,

Прелестны тѣмъ казались,
Что въ нихъ они мечтались;
Цвѣты, вѣнкомъ сплетенны,
тѣ прелести вѣнчали,
Которыя достойны
Вѣнца, вѣнца златова.
Чтожь Музы вы молчите,
(286) Со мною не гласите
Красу моей пастушки?
Ахъ! нѣтъ, молчите Музы!
Ее вы не видали:
Понять ея пригожество
И вобразить пріятность
Удобно тѣмъ единымъ,
Кто самъ ее увидитъ.

(287)

Ода XVII.

ИСТИННОЕ СОКРОВИЩЕ.

Къ чему желать богатства,
Богатства чрезвычайна,
И злато собирая,
Его прельщаться блескомъ?
Придетъ хищникъ злата,
Не только что утѣхи
Мои похититъ съ златомъ,
И жизнь мою похититъ.
Къ чему желать чертоговъ,
Чертоговъ мнѣ пространныхъ,
Гдѣ пышность и избытокъ
Соединясь блистаютъ?
Придетъ свирѣпый пламень,
Пожретъ мое веселье,
Разрушитъ горду пышность,
Лишь пепель мнѣ оставить.
(288) Къ чему, къ чему стараться
Быть знатнымъ человѣкомъ,
За щастіемъ гоняться,

Борясь съ спокойнымъ вѣкомъ?
Высокія степени
Колико намъ прелестны,
Толико и опасны.
Старайся какъ возможно,
Старайся, смертный! въ свѣтъ
Украсить знаньемъ разумъ
А сердце добротою:
Тогда получишь крѣпость
И силы разсужденья,
Которыми побѣду
Надъ слабостями одержишь:
Такое дарованье
Ни тать не похищаетъ,
Ни огонь не сокрушаетъ,
И въ свѣтъ утѣшаетъ
Людей несчастныхъ прямо.

(289)

Ода XVIII.

Иные строятъ лиру
Прославиться на свѣтъ,
И сладкою игрою
Достичь вѣнца Парнаска;
Другому стихотворство
Къ прогнанью скуки служить;
Иной стихи слагаетъ
Пороками ругаться;
А я стихи слагаю
И часто лиру строю,
Чтобъ могъ моей игрою
Понравиться Любезной.

(290)

Ода XIX.

Источники къ морямъ стремятся,
Огонь восходитъ къ небесамъ,
Младой орель паритъ на воздухъ,
Бѣжитъ овчеловека на дуга,
Озеръ прохладныхъ лебедь ищетъ,
Звѣрь дикой кроется въ лѣса,
Пастухъ идетъ въ поля за стадомъ,
А земледѣлецъ за сохой;
Купецъ товары собираетъ,
Стремится ратникъ на войну,
Судья твердитъ свои законы,
Богачъ надъ золотомъ сидитъ.
То въ свѣтѣ всякому угодно,
Что свойственно ему и сродно.
При всѣхъ моихъ печаляхъ,
(291) При всякой и утѣхѣ
За лиру принимаюсь,
Я съ лирой засыпаю,
И съ лирой просыпаюсь.
Конечно ты мнѣ лира,
Конечно ты природна.
А что поетъ нестройно,
То я тому виновень.

(292)

Ода XX.

ЛЮБОВЬ СТИХОТВОРЦЕВЪ КЪ МУЗАМЪ.

О вы, прекрасны Музы,
Парнасскія богини!
О души Стихотворцевъ,
Ихъ мыслей восхищенье!
Мнѣ съ вами быть прелестно.
Прелестны ваши горы,
На коихъ вы живете;
И сладки тѣ потоки,
Которы орошаютъ
Поля на Геликонѣ;
Лѣса, лѣса священны,

Что храмъ вашъ окружають,
Мои прельщаютъ очи,
Мое плѣняютъ сердце.
Я сколько ни клянуся
Стихи на вѣкъ оставить
И съ Музами не знаться,
(293) Зефиръ разноситъ клятвы.
Я къ музамъ обращаюсь
И ими утѣшаюсь:
Я риѳмы убѣгаю,
И риѳму полагаю.
Не вѣрьте, чисты Музы,
Во вѣкъ тому не вѣрьте,
Когда скупой божится,
Что золото онъ оставитъ;
Когда картежникъ вопитъ,
Что онъ игрою болѣ
Не будетъ разоряться:
До перваго доходу,
Займа, или удачи,
Едва, едва утерпитъ.
Не верьте Философамъ,
Когда нравоученье
Они въ народѣ сѣютъ,
Что тожь въ сердцахъ имѣютъ,
И тѣмъ народъ питаютъ,
Что сами наблюдаютъ.
Судьѣ тому не вѣрьте,
Который распинаясь
Предъ образомъ клянется,
(294) Что взятки брать не будетъ.
Не вѣрьте храбрымъ людямъ,
Которы ужасъ смерти
Одной бездѣлкой ставятъ,
Дѣла военны славятъ.
Не вѣрьте петиметру,
Что онъ любить умѣетъ.
Подьячему не вѣрьте,
Что дѣло разумѣетъ.
Не вѣрьте Стихотворцамъ,
Когда оони клянутся

Любовь оставить къ Музамъ,
И не писать вовѣки.
На свѣтѣ человѣки,
Къ чему они родятся,
Хоть сколько ни трудятся
Оставить, что врожденно;
Но первой манить взглядъ
Къ природному назадъ.
Чему еще не вѣрить,
Всего не лъзя измѣрить.
Я, Музы, разыщу
И вамъ то сообщу.

(295)

Ода XXI.

Неутолимая злоба.
Хотя морскія волны
Въ брегахъ ревѣтъ престаи,
Свирѣпые Бореи
Свирѣпство укротили;
Хоть солнце съединило
Теченіе съ вѣсами,
И къ осени катится
Спокойными часами;
Вся, кажется, Природа
Свирѣпость укротила:
Всеобщіе злодѣи
Въ свирѣпствѣ непремѣнны.
О злые человѣки!
Взгляните на природу:
(296) И море укротилось,
И вѣтры дуть престаи,
Въ пути осеннемъ солнце
Течетъ, течетъ спокойно;
А ваша злость толика,
Что вы не престаеете
Другъ друга уязвляти
Ни лѣтомъ, ни весною,

Ни зимнею порою;
И мнится, что восходить
На то прекрасно солнце,
Чтобъ вашу злобу видѣть;
Луна въ звѣздахъ сіяетъ,
И ваши многи злости
Изъ оныхъ представляетъ.
Спокойствомъ бѣдны твари!
Вы тѣмъ еще бѣдныя,
Что вы толико злобны.

(297)

Ода XXII.

Теперь вы разыгрались,
Пріятныя пастушки!
Воспойте мнѣ, воспойте
Красу моей Климены.
Но что вы всѣ бѣжите,
Краснѣете, стыдитесь,
Воспѣть мою Климену?
Иль нѣтъ у васъ свирѣлей?
Иль вашъ пріятный голосъ
Совсѣмъ перемѣнился?
Но вы поутру пѣли
Пріятность сельской жизни,
И, помнится, вы пѣли
Аминтову пріятность;
А нынѣ пѣть стыдитесь
Пріятности Клиены!
Какая это правда,
(298) Пѣть нѣжность пастухову,
Пѣть игры, пѣть свиданья,
А въ томъ не соглашаться,
Воспѣть мою Климену?
Смотрите вы, смотрите:
Она съ горы высокой
Въ долины къ намъ низходитъ.
Что есть у насъ прелестнѣй,
Что есть Климены краше?

Смотрите, какъ зефиры
Власы ея взвѣвають;
Смотрите, какъ цвѣточки
Ея слѣды цѣлуютъ.
Запойте вы, запойте
Моей Клименѣ встрѣчу;
Иль нѣтъ, не пойте болѣ,
Мнѣ пѣть ее прилично....
Ахъ! полно пѣсни строить.
Чтобъ сердце успокоить,
Я къ ней бѣгу на встрѣчу.

(299)

Ода XXIII.
О ДОБРОДѢТЕЛИ.

Музы, Музы! возыграйте
На своихъ гремящихъ лирахъ,
И торжественно воспойте
Добродѣтели уставы.
Что на свѣтѣ есть прекраснѣй,
Что прельщать насъ болѣ можетъ,
Какъ душевна Добродѣтель?
О когда бы ты явилась,
Дщерь Небесная, на лицахъ!
Прелести очей прекрасныхъ
И блистаніе алмаза
Предъ тобою бы затмились.
Ты бы всѣхъ сердца прельщала;
(300) Только бѣ съ лучшею утѣхой,
Чемъ красавицы прельщаютъ.
Вамъ, о жители Парнасски!
Добродѣтели пригожество
Пѣти вамъ однимъ прилично;
Вы отмѣнную пріятность,
Прославляя Добродѣтель,
Въ пѣсняхъ ожете имѣти.
Естьлижъ вы о томъ молчите,

Силы мнѣ къ тому подайте.

(301)

Ода XXIV.

О ТЕРПѢНИИ.

Хочу я плеть вѣнцы зелены,
Хочу пріятны пѣсни строить:
О Музы! дайте наставленья,
Какія мнѣ цвѣты срывати,
Какіе лутче пѣсни строить.
Я Добродѣтель увѣнчаю
И пѣсней звучныхъ удостою:
Сплету вѣнокъ ей изъ нарциссовъ,
Желанью то не отвѣчаетъ;
Такихъ вѣнковъ не получаетъ,
Кто самолюбія не знаетъ.
Подайте бѣлыя лилеи:
Изъ нихъ вѣнецъ сплету пріятной.
(302) Мнѣ красны розы не годятся:
Онѣ прельщаютъ, но и жалятъ,
Кто станеть къ онимъ прикасаться;
Охоту жалами умалятъ.
Простой вѣнокъ сплести намѣрень.
Подайте мнѣ однѣ лилеи;
А пѣснь приличную составить,
Гомеровою не надо лиры;
Не ратныхъ мнѣ героевъ славить,
Не силы пѣть хочу Эрота:
Я бѣлыя вѣнцы сплетаю,
Я струны лиры направляю,
Воспѣть разумныхъ утѣшенъе,
Пою душевное терпѣнье.
Терпѣнье! ты разумныхъ слава,
Ты ихъ богатство и забава.
Терпѣнье всѣхъ достоинствъ краше,
Спокойство въ немъ и щастье наше.

(303)

Ода XXV.
СУЕТЫ МІРА.

Суеть мірскихъ изображенье,
О ты, колеблющеся море!
Не можешь ты одной минуты
Въ брегахъ стояти постоянно:
Не можетъ смертныхъ родъ подобно
По всякой часъ не волноваться.
Тебя колеблютъ сильны вѣтры,
А ихъ колеблютъ вѣчно страсти.
Когда свирѣпымъ ты Бореемъ
Приводишься въ свое движенье:
Суеть и жизни человѣковъ
Являешь мнѣ изображенье.
Тамъ сильной валъ валъ малой давить,
И вѣтръ куда стремленье править,
(304) Туда несутся и валы.
Великая волна стремится
Съ подобною волной сразиться;
Тамъ валъ къ другому притечеть,
Изчезнуть, пѣна потечеть.
Подобіе другое вижу
Людской алчбы въ морскихъ водахъ:
Чемъ болѣ злата въ корабляхъ,
Тѣмъ больше море жесточаетъ
И тяжкія суда глотаеть.
Ты, море, тишины вовѣки
Не можешь во брегахъ устроить.
Подобно въ жизни человѣки
Себя не могутъ успокоить.

(305)

ОДА XXVI⁶.

О ЗЛАТЪ.

Кто первой былъ на свѣтѣ,
Которой мѣдъ и злато
Преобратилъ въ монеты;
Тотъ можетъ называться
Всеобщихъ бѣдъ источникъ:
И зависть и обманы,
И злоба и разбои
Отголѣ изтекають.
Поля, кипящи кровью
Убитыхъ человѣковъ;
Тѣла, въ лѣсахъ лежащи,
Мнѣ слышится вѣщаютъ:
Погибли мы за злато!
Въ чертогахъ позлащенныхъ
Богатой веселится,
И самымъ тѣмъ крушится,
Что много нажилъ злата.
(306) Душевна добродѣтель
Такому не извѣстна,
Которому прелестна
Однихъ очей забава:
А истинного щастья
Найти не можно въ златѣ.
Тому причина злато,
Что многи человѣки
Другъ друга крови жаждутъ;
Что разумы и чести
Почти всемѣстно страждутъ!
И кажется, что злато
Свѣтъ солнца помрачило,
И ложными лучами
Всѣхъ смертныхъ ослѣпило.
Его прельщенны блескомъ
Уже не узнаваемъ
Ни прелести прямыя,
Ни славы, ни достоинствъ.

⁶ Ошибочно XXV.

Померкли вы, померкли,
О свѣтлые разсудки!
Когда плѣнило злато
Сердца у человѣковъ,
И, кажется, достойнымъ
(307) Лишь то одно почтенно,
Гдѣ золото блистаетъ.
Не знаю, я не знаю,
Какая въ этомъ радость,
Тобою кто плѣнится;
Прямая жизни сладость
Тобой не утвердится.
Но слышу я отвѣты,
Читателей отвѣты:
Коль ты ругаешь злато,
Никто не принуждаетъ,
Живи безъ злата въ свѣтѣ;
А намъ прожить не можно.
Отвѣтъ я сей внимаю,
Самъ то же разсуждаю,
И то лишь утверждаю,
Что тѣмъ-то и несчастны
На свѣтѣ человѣки,
Что видя прелесть ложну
Въ такой презрѣнной вещи,
Безъ ней прожить не могутъ.
А паче тѣмъ несчастны,
Что къ золоту пристрастны.

(308)

Ода XXVII (26).

Прятный сонъ.

Подъ тѣнью древъ зеленыхъ
Я отдыхалъ весною,
И слушалъ, какъ источникъ,
Стремясь съ горы высокой,
Журчалъ Вергилииясь въ долины;
Смотрѣлъ я на цвѣточки,

Которы распускаться
Лишь только начинали;
Лужокъ передо мною
Зеленою травою
Ужь началъ опушаться;
Я слышу голосъ птичекъ,
Поющихъ въ частой рошѣ;
Всѣ прелести Природы,
Въ спокойну мысль вліяся,
(309) Духъ томной усыпили.
Пріятна эта сладость,
Котору почерпаемъ
Изъ самыя Натуры;
Пріятенъ сонъ и сладокъ,
Когда плѣняетъ чувства
Наполненны спокойствомъ.
Но, ах! въ гражданскомъ шумѣ
Мнѣ кажется не можно
И сна имѣть пріятна.
Гдѣ чувствамъ нѣтъ покою,
Не можетъ тамъ и сердце
Минуту быть спокойно.
Какаяжъ въ томъ забава
И жить и спать не сладко?
Какую видимъ разность
Межъ городомъ и полемъ, —
Такая точно разность
И въ разумѣ и въ духѣ
Межъ пышнымъ гражданиномъ
И кроткимъ селяниномъ.
(310)

Ода XXVIII (27)

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

О моя любезна Муза,
Всѣхъ забавъ моихъ источникъ!
Я твою къ себѣ холодность
Уже началъ примѣчати.

Мнится, бѣлыми крылами
Муза, Муза, ты махаешь,
И со взоромъ отвращеннымъ
Отъ меня ты улетаешь.
Кажется, моя и лира
Перьями уже покрылась,
Какъ молодой орелъ за старымъ,
За тобою устремилась.
(311) Не оставь меня, о Муза!
Если ты меня покинешь,
Вѣчну скуку мнѣ оставишь.
Ты моя утѣха въ сукѣ,
Ты въ печали мнѣ отрада,
Суеты мирскія гонишь
Отъ моихъ смущенныхъ мыслей.
Вѣкъ мой только разцвѣтаетъ:
Кто любителей такъ скоро,
Кто, о Муза! покидаетъ?
Въ старости Анакреона,
Муза! ты не покидала,
И власы его сѣдые
Ты вѣнками украшала:
Можетъ быть своею страстью
И своимъ пріятнымъ слогомъ
И тебѣ онъ былъ пріятень.
Подожди, любезна Муза!
Какъ моя нестройна лира
Съ вѣкомъ дней моихъ созрѣетъ,
И тогда твоя холодность
Оскорбитъ меня успѣетъ.
Если пѣль я не согласно,
О любви писалъ не страстно,
(312) Добродѣтель пѣль не стройно,
Уличалъ пороки мало:
Время есть еще исправить
И стихи мои и сердце.
Сѣмена садятъ весною;
Какъ покроюсь сѣдиною,
Нужды мнѣ въ тебѣ не будетъ;
Ни свирѣлью, ни трубою
Дѣйствовать уже не стану,

И совсѣмъ когда устану, —
Полечу тогда спокойно
Въ темну вѣчность за тобою.

(313)

ОДЫ
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ.

Печатаны въ первой разъ 1769 года.

(315)

Ода I.
Благополучіе.

Напрасно частыми пирами
Друзей мы чаемъ привлекать;
Напрасно жадными играми
Богатства мы хотимъ искать.

Не насъ, но роскошь гости любятъ,
И вмѣстѣ исчезаютъ съ ней;
Прямую дружбу игры губятъ,
И правда не вмѣстима съ ней.

(316) Напрасно къ небу возсылаемъ
Безъ добрыхъ дѣлъ своихъ мольбы;
Мы просимъ, вопимъ и желаемъ, —
Но Богъ не внемлетъ злыхъ трубы.

Напрасно мы Фортунѣ служимъ
И слѣдомъ бѣгаемъ за ней;
Не зря ее, о ней мы тужимъ;
Увидя, не дивимся ей.

Напрасно мы свои забавы
Въ большихъ чинахъ и въ златѣ чтимъ,
Они не исправляютъ нравы,
Мы тѣмъ ума не просвѣтимъ.

(317) Напрасно намъ искать успѣха,
Фортуну лестью приобрѣсть;
Для гордыхъ лесть одна утѣха,
Отъемлюща льстецову честь.

За щастьемъ гонимся всечасно;
Но гдѣ искать его вѣнца?
Увы!... желать его напрасно,
Когда испорчены сердца.

(318)

Ода II.
СУЕТА.

О смертный, смысломъ просвѣщенный,
Премудростью обогащенный!
Остави собственную лесть.
Представь, о смертный! что ты есть.
Пылинка ты одушевлена,
Мечта при легкомъ снѣ явленна,
Смѣшенье скорбей и суеть,
Былинка, посѣченный цвѣтъ.
Но ахъ! всему уподобленна,
Тебя я вижу паче тлѣнна,
Спокойства непричастна тварь.
Когда оружіе не имѣешь,
Ни съ кѣмъ сразиться ты не смѣешь,
(319) И чаешь быть всѣхъ тварей царь.
Проснися, прахъ земной! проснися,
Войди въ себя ты, оглянися,
И бѣдственной къ себѣ любви
Дерзай, завѣсу разорви:
Тогда лучи потухнуть славы,
Изчезнуть чести и забавы,
Разсѣется надменна мысль;
Пройдутъ и мертвы будутъ страсти;
Счисляй тогда свои напасти,
И славу человѣкъ изчисль.

Богатство, разумъ и корона
Отъ злыхъ тебѣ не оборона;
Сія дражайша смертнымъ часть
Преобращается въ напасть;
Себя ты много величаешь,
Въ такихъ высокихъ мысляхъ чаешь
Имѣть высокую степень;
Но все, что въ жизни ни получимъ,
За что, за что себя ни мучимъ,
То прахъ, мечта, пустая тѣнь.

(320)

Ода III.
ТИШИНА.

Дивятся, что ищу спокойства
Среди луговъ, среди полей;
Не знавъ инаго щастья свойства,
Доволенъ участью моею.

Хоть мнѣ льстецы похвалъ не трубятъ,
Хотя поклоновъ низкихъ нѣтъ,
Меня мои сосѣди любятъ,
Спокойно жизнь моя течетъ.

(321) Пускай предъ сильнымъ господиномъ
Змією вьется гнусна лесть;
Пусть онъ гордится пышнымъ чиномъ:
Мнѣ милъ покой, каковъ онъ есть.

Мнѣ прозъбами не докучаютъ
Съ утра до самой тьмы ночной,
И слуха тѣмъ не огорчаютъ,
Что много недовольныхъ мной.

Когда на рощи, на долины,
На чистыя поля смотрю;
Пріятнѣе моей судьбины
Въ пространномъ мірѣ я не зрю.

Здѣсь птички по кустамъ порхаютъ;
Тамъ въ рощахъ соловьи поютъ;
Стада на паствѣ отдыхаютъ,
При нихъ вѣнки пастушки вьютъ.

(322) Зефиры желты класы въ полѣ
Колеблютъ будто океанъ,
Не слышно шуму ни отколѣ,
Лишь пѣсни слышны поселянъ.

Текущимъ потомъ и работой
Крестьянинъ сердце веселитъ;
Влечетъ по нивамъ плугъ съ охотой,
Что пищу онъ ему сулитъ.

Мнѣ солнце кажется свѣтлѣе,
И лутче ночь прельщаетъ взоръ;
А что всего еще милѣе,
Не слышно ни вѣстей, ни ссоръ.

Не слышно трубъ кровавой славы,
Однихъ свирѣлей слышенъ гласъ.
Спокойствіе и кротки нравы!
Поля изображаютъ васъ.

(323) Друзья вельможей лицемѣрны,
Ихъ лесть проходитъ будто дымъ;
Друзья простолюдиновъ вѣрны,
Какая нужда въ лести имъ?

Я малымъ жребіемъ доволенъ,

Другихъ степеней не ищу;
Однако всякой въ мысляхъ воленъ,
Жить выборъ всякому прощу.

(324)

Ода IV.
БОГАТСТВО.

Внемлите, нищи и убоги!
Что Музы мыслять и поютъ:
Сребро и пышные чертоги
Спокойства сердцу не даютъ.

Весною во свирѣль играетъ
Въ убогой хижинѣ пастухъ;
Богатый деньги собираетъ,
Имѣя безпокойный духъ.

Богачъ, вкушая сладку пищу,
Отъ ней бываетъ отвращень;
Вода и хлѣбъ пріятны нищу,
Когда онъ ими насыщенъ.

Когда ревутъ кипящи волны,
Богачъ трепещетъ на земли,
Что, можетъ быть, сокровищъ полны
Погибнуть въ морѣ корабли.

Убогій грусти не имѣетъ,
Коль не чего ему терять;
На громъ и непогоду смѣетъ
Безстрашнымъ окомъ онъ взирать.

Не разъ богатый жизнь теряетъ:

Онъ злато выше жизни чтить;
О немъ всечасно умираетъ,
И хищника во смерти зрить.

(326) Хоть вещи всѣ на свѣтѣ тлѣютъ,
Но та отрада въ жизни намъ:
О бѣдныхъ бѣдные жалѣютъ,
Желають смерти богачамъ.

Однако можетъ ли на свѣтѣ
Прожить безъ денегъ человѣкъ?
Не можетъ, изреку въ отвѣтъ,
И тѣмъ-то нашъ и скученъ вѣкъ.

(327)

Ода V.
Злато.

Кто хочетъ собирай богатства,
И сердце златомъ услаждай;
Я въ златѣ мало зрю пріятства;
Корысть другова повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено Судьбою
Съ тобой и безъ тебя тужить?

(328) Не дѣлаетъ мнѣ злато друга,
Не дастъ ни чести, ни ума;
Оно земнаго язва круга,
Въ немъ скрыта смерть и злость сама.

Имущій злато въ вѣкъ робѣетъ,

Боятся ближнихъ и всего;
Но тотъ, кто злата не имѣеть,
Еще несчастнѣе того.

Во златѣ ищемъ мы спокойства;
Имѣвъ его, страдаемъ въ вѣкъ;
Коль чуднаго на свѣтѣ свойства,
Коль странныхъ мыслей человѣкъ!

(329)

ОДА VI.
КЪ А* А* Р*.

Въ свирѣли мы съ тобою
Играли иногда,
И сладостной игрою
Прельщались тогда.

Тогда, среди забавы,
Среди полей, луговъ,
Ты просты видя нравы,
Желалъ простыхъ стиховъ.

(330) Тамъ сельскія Дріяды
Плясали вокругъ тебя;
Не чувствовалъ досады
Ты, сельску жизнь любя.

Тебя не утѣшали
Мирскія суеты;
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.

Тогда земному кругу

Ты пышность оставлялъ;
Тогда ты мнѣ, какъ другу,
Всѣ мысли объявлялъ.

Теперь уже сокрылись
Дряды по лѣсамъ;
Мѣста перемѣнились,
Ты сталъ не тотъ и самъ.

(331) Тебя не въ дикомъ полѣ
Стихи мои найдутъ,
Пастушки гдѣ по волѣ
Играютъ и поютъ.

Не токи нынѣ ясны
Вокругъ тебя шумятъ, —
Но лики велегласны
Со всѣхъ сторонъ гремятъ:

Вельможи тамо пышны,
Тамъ хитрые друзья;
Отвсюду лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?

Изъ двухъ мнѣ жизней въ свѣтѣ
Котору величать? —
Ты скромень въ семь отвѣтѣ,
Такъ лутче замолчать.

(332)

Ода VII.
ЧЕСТЬ.

Что тебя на свѣтѣ краше,

Что дороже въ жизни есть?
Ты вѣнецъ, ты щастье наше,
О неоцѣненна честь!

Ты утѣху приключаешь
Утѣсеннымъ отъ враговъ;
Ты и нищаго вѣнчаешь,
Ты прямая дщерь Боговъ.

(333) Пусть богатый возгордится,
Домъ обильный видя свой;
Естьли съ бѣднымъ не дѣлится,
Онъ и врагъ и недругъ твой.

Пусть вельможа прославляетъ
Важныя свои дѣла:
Память злую оставляетъ,
Коль ему ты не мила.

И народомъ и Царями
Ты должна повелѣвать,
И тебя предъ олтарями
Намъ не стыдно воспѣвать.

Не тебя весь свѣтъ взираетъ,
Красоты твои любя;
За тебя тотъ жизнь теряетъ,
Кто душевно чтитъ тебя.

(334) Каждый хочеть украшаться
Сладкимъ именемъ твоимъ,
И тобою утѣшаться
Непрестанно мы хотимъ.

Олтарей тебѣ не ставятъ,
О возлюбленная честь!

Но тебя и тамо славят,
Гдѣ не знаютъ, что ты есть.

(335)

ОДА VIII.

ТЕРПѢНІЕ.

Не тужи въ несчастной долѣ,
Огорченный человѣкъ;
Вянуть красны розы въ полѣ,
Воды мерзнуть быстрыхъ рѣкъ;
Но весна лишь появится,
Роза въ полѣ оживится;
Рѣки напоятъ брега;
Украшаются луга.

Разпещренная цвѣтами
Возвращается Весна,
И своими красотами
Оживляетъ насъ она;
Солнце тучи покрываютъ,
И Борей вездѣ реветъ;
Но яснѣе дни бываютъ,
Какъ ненастіе минетъ.

(336) На порядокъ всей Природы,
На премѣны посмотрѣвъ —
Терпишь день, терпи ты годы,
Безпокойства не имѣвъ.
Вся вселенная вертится,
Постоянства въ мірѣ нѣтъ;
Но чреда твоя придетъ,
Рокъ жестокой укротится.

(337)

Ода IX.
Гордость.

Родосскій Колосъ возвышался,
И былъ свѣтильникомъ морямъ,
Своей главою онъ касался
Текущимъ свѣше облакамъ;

Но страшная сія громада
Разсыпалася наконецъ;
Сія-то гордости награда,
И сей-то пышныхъ образецъ!

Все рушится въ пространномъ свѣтѣ,
И кедръ, и твердый дубъ падетъ;
И роза увядаетъ въ лѣтѣ,
И рабъ, и Царь оставятъ свѣтъ.

(338) Представь себѣ въ побѣдахъ Кира,
Богатства Крезовы представь;
Представь, представь превратность міра,
И мысли гордыя оставь.

Хоть зришься щастья въ полномъ цвѣтѣ,
Хоть славишься во свѣтѣ семъ;
Пылинка ты едина въ свѣтѣ,
Невидимая точка въ немъ.

Ты прежде былъ, и будешь прахомъ,
Ничто тебя не подкрѣпитъ;
Хоть кажешься вселенной страхомъ,
Тебя со всѣми смерть сравнитъ.

(339)

Ода X.
Родство.

Не буди кровному злодѣемъ,
Въ союзѣ съ ближними живи;
Страшися новымъ быть Атреемъ,
Омывшимъ мечь дѣтей въ крови.

Гдѣ знойны степи зрятся адомъ,
Гдѣ тигры страшные живутъ,
Томясь алчбою, жаждой, голодомъ,
Другъ друга тигры тамъ не рвутъ.

Но мы — но мы, одушевленны
Единой искрой божества;
Доколѣ будемъ устремленны
Противу ближнихъ и родства!

(340) Что Богъ не разтворяетъ воды,
Потопомъ шаръ земной покрыть,
Не хочетъ красоты природы
Онъ въ новомъ гнѣвѣ разорить;

Однако намъ въ перунахъ страшныхъ
Вѣщаетъ Онъ изъ облаковъ;
Что видя въ сварахъ насъ всегдашнихъ,
Зажечь вселенну Онъ готовъ.

Онъ скорбь и глады посылаетъ,
Бѣдами смертныхъ отягчить;
То видитъ всякъ, и не желаетъ
Въ любви и въ дружбѣ съ ближнимъ жить.

О смертные! не возмущайте⁷
Враждою съ кровными сердець;
Союзомъ Бога укрощайте: —
Мы братья всѣ, Богъ всѣмъ отецъ!

(341)

ОДА XI.
УМЪРЕННОСТЬ.

Коль хочешь во спокойствѣ
Дни вѣка провести;
Суди богатствъ о свойствѣ,
Чинами духъ не льсти.

Не думай, что богатство
Веселу жизнь даетъ:
За нимъ течетъ пріятство,
Но въ немъ спокойства нѣтъ.

Оно горитъ и тлѣетъ,
Сердцамъ наноситъ страхъ;
И случай вдругъ развѣетъ
Сокровища, какъ прахъ.

(342) Не радуйся невѣстѣ,
Что злато съ ней даютъ;
Корысть и дружба вмѣстѣ
Во вѣки не живутъ.

Но какъ же вѣкъ продлится,
Коль злата не имѣтъ?
Намъ должно укрѣпиться,
И малаго хотѣтъ.

⁷ развращайте.

Премудрыхъ утѣшаетъ
Умѣренность одна;
Души не сокрушаетъ
И сердцу не вредна.

Умѣренность любезна!
Не чувствуешь ты бѣдъ;
Премудрымъ ты полезна:
Излишекъ общій вредъ.

(343)

Ода XII.
НАКАЗАНІЯ.

Оставимъ мысли безпокойны
И горести сердцамъ такимъ,
Которыя того достойны,
Чтобъ рваться и крушиться имъ.

Достойны горести отраву,
Достойны лютой ядъ вкусить,
Которы чтутъ себѣ въ забаву,
Языкомъ ближнихъ поносить.

Пусть алчеть и томится голодомъ
Среди небесныхъ яствъ Танталъ;
Пусть злато превратится ядомъ
Предъ тѣмъ, кто бѣдныхъ не питаль.

(344) Пускай Сизифъ, Царей предатель,
Катаетъ камень по горамъ;
Спокойства ближнихъ непріятель
Да мучится во вѣки самъ.

Да страждетъ казнью онъ всечасной,
И вѣчный испускаетъ стонъ,
Ругатель чести, сладострастной,
Богамъ противный Иксіонъ.

Кто люту зависть въ сердцѣ носитъ
Какъ ядовитую змѣю,
И добродѣтель кто поноситъ,
Да рвутся тѣ всю жизнь свою.

Но тѣмъ, которыхъ украшаютъ
Любезна истинна и честь,
Печали тѣмъ да не мѣшаютъ
Въ веселостяхъ на свѣтѣ цвѣсть.

(345)

Ода XIII.
НЕПОСТОЯНСТВО.

Какъ бурный вѣтръ волнами
Играетъ каждый часъ:
Играютъ страсти нами,
Всегда тревожатъ насъ.

Въ покоѣ и въ напасти
Намъ помощь Небеса:
Но насъ колеблютъ страсти,
Какъ вѣтеръ дрѣвеса.

Ставь нынѣ Демокритомъ,
Смѣется человѣкъ;
Сталь къ утру Гераклитомъ,
Потокомъ слезныхъ рѣкъ.

Прельстимся красотою,
Страдаемъ и горимъ;
Когда владѣемъ тою,
Пріятства въ ней не зримъ.

Чины ли получаемъ,
Которы льстили насъ;
Чинами вдругъ скучаемъ,
Хотимъ другихъ тотчасъ.

Сіе непостоянство,
Такой премѣнный нравъ,
Намъ горестъ и тиранство,
Отрава всѣхъ забавъ.

Нашъ вѣкъ течетъ превратно,
И нѣтъ спокойства намъ;
Хоть многое пріятно,
Наскучить все сердцамаъ.

Такъ знать, что щастье наше
Въ семъ вѣкѣ только сонъ:
Есть міръ земнаго краше;
Какой? — на небѣ онъ.

(347)

ОДА XIV.
БЕЗПЕЧНОСТЬ.

На что намъ съ грустью и мученьемъ
Свою кончину вображать?
Своимъ тоскливымъ размышленьемъ
Бѣгущихъ дней не удержать.

На что свое ты время числишь,
Нетерпеливый человекъ!
Въ тотъ мигъ, когда о немъ ты мыслишь,
Уже короче сталъ твой вѣкъ.

Течетъ луна и солнце мимо:
Въ нихъ жизнь мы должны представлять;
Что въ свѣтѣ семъ необходимо,
Того не можно избѣжать.

(348) На что нещастья опасаться,
Когда не чувствуемъ его?
Довольно мучиться и рваться,
Когда постраждемъ отъ него.

На что намъ бѣдности страшиться,
Когда достатокъ малый есть?
Коль можно намъ всего лишиться,
Такъ можно все и пріобрѣсть.

На что намъ горести отравой
Сердца въ спокойствѣ поражать?
Наполнимъ лучше ихъ забавой,
Веселье станемъ вображать.

И такъ на свѣтѣ время скучно
Живи, не думай ни о чемъ;
Во свѣтѣ жить благополучно,
Такъ должно веселиться въ немъ.

Но чтобъ уставить жизнь такую,
Ты сердца завистью не рви;
Люби ты истинну святую,
И съ ближними какъ другъ живи.

(349)

Ода XV.
СТАРОСТЬ.

Когда борей свирѣпый дуетъ
Въ поля изъ мерзлыхъ облаковъ;
Зефиръ цвѣточки не цѣлуетъ,
И Флора прочь бѣжитъ съ луговъ.

Весною разцвѣтаютъ розы,
Весной изъ нихъ вѣночки выютъ;
Приходятъ скучные морозы,
Въ поляхъ пастушки не поютъ.

Когда зима слѣды являетъ
На желтыхъ въ полѣ муравахъ;
Мнѣ сходство старость представляетъ,
Согбенна старость въ сѣдинахъ⁸.

(350/32) Веселостей не видно въ полѣ,
Когда на землю снѣгъ падетъ;
Забавъ не знаетъ сердце боль,
Когда молодой нашъ вѣкъ пройдетъ.

Парень въ⁹ мысляхъ утолится,
Застынуть страсти во крови;
Возможно ль въ свѣтѣ веселиться,
Когда не чувствуемъ¹⁰ любви?

Когда желтѣть дубровы станутъ,
Пастушка прячется въ шалашъ;

⁸ Являясь на сѣдыхъ главахъ.

⁹ Жаръ въ быстрыхъ.

¹⁰ чувствовать.

Красавицы на насъ не взглянуть,
Когда наступитъ вечеръ нашъ.

Почтенна старость, то я знаю, —
Предъ ней учтивствовать¹¹ велятъ;
Но я учтивствъ¹² не промѣняю
Ни на одинъ пріятный взглядъ.

(351/33)

ОДА XVI.
ФОРТУНА.

Когда¹³ свою Фортуну¹⁴ любишь,
Коль ею сердце веселишь;
Ея¹⁵ сіяніе сугубишь,
Коль съ ближними ее дѣлишь.

Начто бы щедрой насъ судьбинѣ
Ко щастью вестъ рукой своей?
Оно не надобно въ пустынь,
Оно пріятно межъ людей.

(34) Мы для людей его имѣемъ,
Для них имъ должно¹⁶ дорожить;
Равно, что быть кому злодѣемъ,
Что въ щастьѣ ближнимъ не служить.

(359) Не куплей намъ оно досталось,
Случаемъ щастье притекло;
И должно, чтобъ оно являлось
Прозрачно, тако какъ стекло.

¹¹ покорствовать.

¹² того.

¹³ Коль ты.

¹⁴ фортуна.

¹⁵ Ее.

¹⁶ Почто же имъ и.

Любуйся прелестями щастья,
На чистый лучь его гляди;
Но взоромъ пасмурнымъ ненастья
Другимъ сердцама не наводи.

Фортуна будто сонъ минется;
Но естли мы разумно спимъ,
На сердцѣ радость остается,
Коль щастье съ ближними дѣлимъ.

(353)

Ода XVII.
ЖЕЛАНІЯ.

Желаемъ, мы всего желаемъ,
Но гдѣ желаній нашихъ край?
Иль мукой жизнь мы представляемъ,
Иль въ ней находимъ сладкій рай.

Въ богатствѣ ли спокойство наше
И въ пышныхъ титлахъ состоить?
Иль тамъ оно сіяетъ краше,
Гдѣ въ хижинѣ крестьянинъ спить?

Монахъ ли мнѣ уединенный
Представитъ златовидный вѣкъ?
Или наукой посвѣщенный,
Полезный свѣту человѣкъ?

(354/36) Чертоги ль вобразятъ Царевы,
Блаженство міра мнѣ сего?
Или, красой цвѣтущи дѣвы,
Вы зрите вокругъ себя его?

Отъ Марса ли гремящей славы,
Или отъ Ѳемисы желать?
Пуститься въ роскошь и въ забавы,
Или въ пустыню убѣжать?

Какими въ свѣтѣ семъ слѣдами
Искать спокойствія пойдёмъ?
Не сходствуя ни въ чемъ сердцами,
Мы спорить на пути начнёмъ.

Желанья наши разногласны,
Колико видомъ разны мы;
Яснѣй сказать: мы всѣ несчастны —
Имѣя разные умы.

(355/37)

Ода XVIII.
ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Не славою Героевъ,
Не шумомъ страшныхъ боевъ,
Не златомъ, не чинами,
Не лестью, не красами
Сердца вы заражайте,
О смертны человѣки!
Сократу подражайте,
И честность уважайте¹⁷,
Въ сердцахъ, о человѣки!
Какъ будто быстры рѣки,
Пройдутъ должайши вѣки;
Падеть престоль, держава,
Забавы разлетятся¹⁸,
Чемъ¹⁹ духъ привыкъ питаться,
(356) Чины, краса, богатства,

¹⁷ умножайте.

¹⁸ ФО: разлѣтятся.

¹⁹ ФО Чѣмъ.

Сей жизни всѣ пріятства,
Летятъ, слабѣютъ, исчезаютъ,
Все тлѣнь и щастье ложно;
(38) Заразы сердце угрызаютъ,
А славы удержать не можно;
Оставь хвалы и лести,
Держись, о смертный! чести;

Тебя послалъ Содѣтель
На свѣтѣ обитать,
Да любишь добродѣтель
И Бога²⁰ почитать.

(357/39)

ОДА XIX.
ЛЕСТЬ.

Не будь игрой презрѣнной лести,
О ты, кто силенъ и великъ!
Ни правды тамо нѣтъ, ни чести,
Не сходенъ съ сердцемъ гдѣ языкъ.

Прольется сладкій медъ устами,
Когда тебѣ предстанетъ льстецъ:
То змѣй подъ красными цвѣтами,
То въ пищѣ яда образецъ.

Когда же истинна любезна
Тебѣ вѣщаетъ какъ труба;
Внимай — она тебѣ полезна,
Хотя и кажется груба.

²⁰ ФО: правду.

(358) Когда великъ, когда ты силенъ,
Льстецовъ не трудно привлекать;
Льстецами цѣлый свѣтъ обилень;
Но трудно истинну сыскать.

Она всегда уединенна;
Она тиха, какъ майска ночь,
И самымъ тѣмъ она почтенна,
Что пышностей уходитъ прочь.

Престолы лестью сокрушались,
Погибли многіе отъ ней;
Которы правдой украшались,
Не знали въ жизни горькихъ дней.

Она въ печали утѣшала,
Она служила въ щастьѣ имъ;
Кого ты, правда, украшала,
Тотъ всѣми въ свѣтѣ былъ любимъ.

(359)

Ода XX.
Спокойство.

Храни ты добродѣтель,
И ближнимъ другомъ будь;
Тогда тебѣ Содѣтель,
Покажетъ къ щастью путь.

Не златомъ получаютъ
Спокойство въ свѣтѣ семъ;
Не тамъ его встрѣчаютъ,
Гдѣ видѣнъ страхъ съ мечемъ.

Не тамъ гдѣ истуканы

Приемлють въ жертву лести;
Гдѣ кроются обманы,
И гдѣ трепещетъ честь.

(360) Не тамъ, гдѣ рабъ Фортуны
У ногъ ея лежитъ,
И гдѣ, направля струны,
Порокамъ лира льститъ.

Ищи его въ пустынь,
Ищи въ глухихъ лѣсахъ;
Спокойство рѣдко нынѣ;
А правда — въ небесахъ.

Но правду и спокойство,
Не трудно обрести:
Имѣй души геройство,
Будь честенъ и не льсти.

Когда твой домъ обиленъ,
Со ближними дѣлись;
Когда въ народѣ силенъ,
О ближнемъ ты пекись.

Но естли презираешь,
Всеобщее добро,
Ты ядомъ претворяешь
Честь, славу и сребро.

(361)

Ода XXI.
ЗНАТНАЯ ПОРОДА.

Не славь высокую породу,
Коль нѣтъ разсудка ни наукъ;

Какая польза въ томъ народу,
Что ты мужей великихъ Внуку?

Отъ Рюрика и Ярослава
Ты можешь родъ свой произвести;
Однако то чужая слава,
Чужія имена и честь.

Ихъ прахъ теперь въ земной утробѣ,
Безчувственъ тамо прахъ лежитъ,
И слава ихъ при темномъ гробѣ,
Ихъ слава дремлюща сидитъ.

(362) Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невмѣстно нраву,
Такъ все равно, что нѣтъ тебя.

Коль съ ними ты себя равняешь
Невѣжества въ своей ночи,
Ты ихъ сіянье заслоняешь,
Какъ облакъ солнечны лучи.

Не титла славу намъ сплетаютъ,
Не предковъ нашихъ имена;
Одни достоинства вѣнчаютъ,
И честь вѣнчаетъ насъ одна.

Безумный съ мудрымъ не равняйся,
И славныхъ предковъ позабудь;
Коль разумъ есть, не величайся,
Заслугой имъ подобень будь.

Среди огня, въ часы кровавы,
Скажи мнѣ: такъ служилъ мой дѣдъ,
Не собственной искалъ онъ славы,

Искаль отечеству побѣдъ.

(363) Будь мужественъ ты въ ратномъ полѣ,
Въ дни мирны добрый гражданинъ;
Не чиномъ украшайся болѣ,
Собою украшай свой чинъ.

Въ судѣ разумнымъ будь Судьею,
Храни во нравахъ простоту:
Плѣнюся славою твоею,
И знатнымъ я тебя почту.

(364)

Ода XXII.
РАЗУМЪ.

Когда мы разумомъ сверкаемъ,
Пороча слабые умы,
Вреднѣ звѣря мы бываемъ,
И разумъ сей скучнѣ тмы.

На то премудрости лучами
Тебя Создатель озарилъ,
Чтобъ ты другихъ передъ очами
Сіянье истинны явилъ.

Чтобы любезну добродѣтель
Во всей вселенной возтрубилъ;
И ставъ страстей своихъ владѣтель,
Пороки гналъ, а честь любилъ.

(365) Сократъ земнымъ прославленъ кругомъ;
За что Сократа славить свѣтъ?
За то, что правды былъ онъ другомъ,
И мудрый всѣмъ давалъ совѣтъ.

Премудростью своей гордиться,
То цѣну мудрости терять;
На что умняй другихъ родиться,
Когда другова презирать?

Мы зрѣли разумы высоки,
Людей ученыхъ зрѣли мы,
Въ такіяжъ вверженныхъ пороки,
Въ какіе слабые умы.

Какой же разумъ прославляетъ
Въ пространномъ свѣтѣ самъ себя?
Который правду подкрепляетъ,
Какъ брата ближняго любя.

Кто чести слѣдуя закону,
Имѣетъ умъ на сей конецъ:
Тотъ носить мудрости корону,
Порфиру славы и вѣнецъ.

(366)

Ода XXIII.

ПРАВДА.

Доколѣ будутъ волноваться
Моря въ пространныхъ берегахъ;
Доколѣ будутъ опасаться
Пастушки волка при стадахъ;

Доколѣ на зеленомъ полѣ
Цвѣтки весною будутъ цвѣсть:
Надъ бѣдной правдою дотолѣ
Торжествовать удобна лѣсть.

Пріятно лєсть вездѣ пріємлють,
И всюду входъ отворенъ ей;
Внимая правду, люди дремлють,
И часто бѣгають отъ ней.

(367/49) Одна огромные чертоги
Своимъ жилищемъ избрала;
Другая въ хижины убоги
И въ чистыя сердца ушла.

Свѣтильникъ истинны преводить²¹
Черезъ горєсть ко спокойству насъ;
Но кто за лєстью слѣдомъ ходитъ,
Тотъ близокъ къ бѣзднѣ²² каждый часъ.

Фортунѣ храмъ поставленъ лєстью,
Гдѣ тучныхъ жертвъ курится дымъ,
И рѣдкій остается съ чєстью,
Кто дымомъ насыщался симъ.

Кого Фортуна оставляетъ,
Поруганъ будетъ лєстью тотъ;
Съ нещастнымъ правда раздѣляетъ
Послѣдню пищу и животъ.

(368/50)

Ода XXIV. КРАСОТА.

Пригожство лицъ минется,
Проходитъ красота,
И только остается
Пріятностей мечта.

²¹ приводитъ.

²² бѣдствамъ.

Доколѣ поражаютъ
Нашъ взоръ красы лица;
Красавицъ обожаютъ
Прельщенныя²³ сердца.

Но прелесть, прелесть вянетъ
Подобно какъ цвѣты;
Разить она престанетъ²⁴
Утративъ²⁵ красоты.

(369/51) Въ мои цвѣтущи лѣта
Любимъ, любимъ я былъ;
Всего дороже свѣта
Возлюбленную²⁶ чтить.

Мнѣ день часомъ²⁷ казался,
Когда бывалъ я съ ней;
Я плакалъ и терзался,
Не зря ея очей.

Но прелести сокрылись,²⁸
Разсѣялись красы,
И въ годы превратились
Свиданья съ ней²⁹ часы.

Не старость превращаетъ
Горячность нашу въ ледь;
Жаръ страсти ощущаетъ,
Хоть кто и старъ и сѣдъ.

²³ Плѣнныя.

²⁴ не станетъ.

²⁵ Лишенна.

²⁶ Мою любезну.

²⁷ часомъ день.

²⁸ Глаза ея затмились.

²⁹ Свиданія.

Представь Анакреона
Въ горячности любви:
Онъ старъ, и Купидона
Носиль въ своей крови.

(370/52) Пригожество насъ прельщаетъ,
Привычка въ плѣнь влечетъ;
Насъ время отвращаетъ,
Когда красы ссѣчетъ.

На что же величаться
Своею красотой?
Ей скоро миноваться;
Пригожество даръ пустой.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ОДЫ ИЛИ ПѢСНИ³⁰.

(315/1) Философическія пѣсни.

Ода³¹ I. Благополучіе.

Напрасно частыми пирами
Друзей мы чаемъ³² привлекать;
Напрасно жадными играми
Богатства мы хотимъ искать.

Не насъ, но роскошь гости любятъ,
И вмѣстѣ исчезаютъ съ ней;
Прямую дружбу игры губятъ,
И правда не вмѣстима съ ней³³.

(316) Напрасно къ небу возсылаемъ
Безъ добрыхъ дѣлъ своихъ мольбы;
Мы просимъ, вопимъ и желаемъ, —
Но Богъ не внемлетъ злыхъ³⁴ трубы.

(2) Напрасно мы Фортунѣ служимъ
И слѣдомъ бѣгаемъ за ней;
Не зря ее, о ней мы тужимъ;
Увидя, не дивимся ей.

Напрасно мы свои забавы

³⁰ Первое изд.: Философическія оды или пѣсни Михайла Хераскова. Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1769 года. Текстъ печатается по: Творенія, VII. Въ примѣчаніяхъ приводятся варианты первой публикаціи, за исключеніемъ пунктуационныхъ.

³¹ Въ первомъ изд. здѣсь и далѣе: Пѣснь.

³² тщимся.

³³ пріятна ей.

³⁴ слышитъ сей.

Въ большихъ чинахъ и въ златѣ чтимъ,
Они не исправляютъ нравы,
Мы тѣмъ ума не просвѣтимъ.

(317) Напрасно намъ искать успѣха,
Фортуны лестью приобрѣсть;
Для гордыхъ лесть одна утѣха,
Отъемлюща льстецову честь.

За щастьемъ гонимся всечасно;
Но гдѣ искать его вѣнца?
Увы!... желать его напрасно,
Когда испорчены сердца.

(318/3)

ОДА II. СУЕТА.

О смертный, смысломъ просвѣщенный,
Премудростью обогащенный!
Остави собственную лесть.
Представь, о смертный! что ты есть.
Пылинка ты одушевлена,
Мечта при легкомъ снѣ явлена,
Смѣшенье скорбей и суеть,
Былинка, посѣченный цвѣтъ.
Но ахъ! всему уподобленна,
Тебя я вижу паче тлѣнна,
Спокойства непричастна тварь.
Когда оружій³⁵ не имѣешь,
Ни съ кѣмъ сразиться ты не смѣешь³⁶,
(319) И чаешь³⁷ быть всѣхъ тварей³⁸ царь.
Проснися, прахъ земной! проснися,
Войди въ себя ты, оглянися,
И бѣдственной къ себѣ любви

³⁵ меча ты.

³⁶ не посмѣешь.

³⁷ мнишся.

³⁸ всей твари.

Дерзай, завѣсу разорви:
Тогда лучи потухнутъ славы,
Изчезнутъ чести и забавы,
Разсѣется надменна³⁹ мысль;
Пройдутъ и мертвы будутъ страсти;
(4) Счисляй тогда свои напасти,
И славу челоуѣкъ изчисль.
Богатство, разумъ и корона
Отъ злыхъ тебѣ не оборона;
Сія дражайша смертнымъ часть
Преображается въ напасть;
Себя ты много величаешь,
Въ такихъ высокихъ⁴⁰ мысляхъ чаешь
Имѣть высокую⁴¹ степень;
Но все, что въ жизни ни получимъ,
За что, за что себя ни мучимъ,
То прахъ, мечта, пустая тѣнь.

(320/5)

Ода III. Тишина.

Дивятся, что ищю спокойства
Среди луговъ, среди полей;
Не знавъ инаго щастья свойства,
Доволенъ участью⁴² моей.

Хоть мнѣ льстецы похваль не трубятъ,
Хотя поклоновъ низкихъ нѣтъ,
Меня мои сосѣди любятъ,
Спокойно жизнь моя течетъ.

(321) Пускай предъ сильнымъ господиномъ
Змією вьется гнусна⁴³ лесть;

³⁹ высока.

⁴⁰ надменныхъ.

⁴¹ Имѣти первую.

⁴² жизнью я.

⁴³ Разсыплется отвсюду.

Пусть онъ гордится пышнымъ чиномъ:
Мнѣ милъ покой, каковъ онъ есть.

Мнѣ прозъбами не докучаютъ
Съ утра до самой тьмы ночной,
И слуха тѣмъ не огорчаютъ,
Что много недовольныхъ мной.

(6) Когда на рощи, на долины,
На чистыя поля смотрю;
Пріятнѣ моей судьбины
Въ пространномъ мірѣ⁴⁴ я не зрю.

Здѣсь птички по кустамъ⁴⁵ порхаютъ;
Тамъ въ рощахъ соловьи поютъ;
Стада на паствѣ отдыхаютъ,
При нихъ вѣнки пастушки вьютъ.

(322) Зефиры желты класы въ полѣ
Колѣблютъ будто океянь⁴⁶,
Не слышно шуму ни отколѣ,
Лишь пѣсни слышны поселянь.

Текущимъ потомъ и работой
Крестьянинъ сердце веселитъ;
Влечетъ по нивамъ плугъ съ охотой,
Что пищу онъ⁴⁷ ему сулитъ.

Мнѣ солнце кажется свѣтлѣ⁴⁸,
И лутче ночь прельщаетъ взоръ;
А что всего еще милѣ⁴⁹,
Не слышно ни вѣстей, ни ссоръ.

⁴⁴ свѣтѣ.

⁴⁵ во травѣ.

⁴⁶ Океянь.

⁴⁷ то.

⁴⁸ свѣтляе.

⁴⁹ миляе.

(7) Не слышно трубъ кровавой славы,
Однихъ свирѣлей слышенъ гласъ.
Спокойствіе и кротки нравы!
Поля⁵⁰ изображаютъ васъ.

(323) Друзья вельможей лицемѣрны,
Ихъ лесть проходитъ⁵¹ будто дымъ;
Друзья простолюдиновъ вѣрны,
Какая нужда въ лести имъ?

Я малымъ жребіемъ доволенъ,
Другихъ степеней не ищу;
Однако всякой въ мысляхъ воленъ,
Жить выборъ⁵² всякому прощу.

(324/8)

Ода IV. БОГАТСТВО.

Внемлите, нищи и убоги!
Что Музы мыслятъ и поютъ:
Сребро и пышные чертоги
Спокойства сердцу не даютъ.

Весною во свирѣль играетъ
Въ убогой хижинѣ пастухъ;
Богатый деньги собираетъ,
Имѣя безпокойный духъ.

Богачъ⁵³, вкушая сладку пищу,
Отъ ней бываетъ отвращень;

⁵⁰ Они.

⁵¹ преходить.

⁵² Я слабость.

⁵³ Богачь.

Вода и хлѣбъ пріятны нищу,
Когда онъ ими насыщенъ.

(9) Когда режутъ кипящи волны,
Богачъ трепещетъ на земли,
Что, можетъ быть, сокровищъ полны
Погибнуть въ морѣ корабли.

Убогій грусти не имѣетъ,
Коль не чего⁵⁴ ему терять;
На громъ и непогоду смѣетъ
Безстрашнымъ окомъ онъ взирать.

Не разъ богатый жизнь теряетъ:
Онъ злато выше жизни чтить;
О немъ всечасно умираетъ,
И хищника во смерти зрить.

(326) Хоть вещи всѣ на свѣтѣ тлѣютъ,
Но та отрада въ жизни намъ:
О бѣдныхъ бѣдные жалѣютъ,
Желають смерти богачамъ.

Однако можетъ ли на свѣтѣ
Прожить безъ денегъ человѣкъ?
Не можетъ, изреку въ отвѣтъ,
И тѣмъ-то нашъ и скученъ вѣкъ.

(327/10)

Ода V. Злато.

Кто хочетъ собирай богатства,
И сердце златомъ усладжай;

⁵⁴ нѣчего.

Я въ златѣ мало зрю пріятства;
Корысть⁵⁵ другова повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено Судьбою
Съ тобой и безъ тебя тужить?

(328) Не дѣлаетъ мнѣ злато друга,
Не дастъ ни чести, ни ума;
Оно земнаго язва⁵⁶ круга,
Въ немъ скрыта смерть и злость сама.

(11) Имущій злато въ вѣкъ робѣетъ,
Бойтся ближнихъ и всего;
Но тотъ, кто злата не имѣетъ,
Еще несчастнѣ⁵⁷ того.

Во златѣ ищемъ мы спокойства;
Имѣвъ его, страдаемъ въ вѣкъ;
Коль чуднаго на свѣтѣ свойства,
Коль странныхъ мыслей человѣкъ!

(/32912)

Ода VI. Къ А* А* Р*⁵⁸.

Въ свирѣли мы съ тобою
Играли иногда,
И сладостной⁵⁹ игрою
Прельщались тогда.

⁵⁵ Другова злато.

⁵⁶ есть ядъ земнаго.

⁵⁷ Увы! еще бѣднѣй.

⁵⁸ Имѣется въ виду Алексѣй Андреевичъ Ржевскій.

⁵⁹ нѣжной сей.

Тогда, среди забавы,
Среди полей, луговъ,
Ты просты видя нравы,
Желалъ простыхъ стиховъ.

(330) Тамъ сельскія Дріяды
Плясали вокругъ тебя;
Не чувствовалъ досады
Ты, сельску жизнь любя.

Тебя не утѣшали
Мирскія суеты;
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.

(13) Тогда земному кругу
Ты пышность оставлялъ;
Тогда ты мнѣ, какъ другу,
Всѣ мысли объявлялъ.

Теперь уже сокрылись
Дріяды по лѣсамъ;
Мѣста перемѣнились,
Ты сталъ не тотъ и самъ.

(331) Тебя не въ дикомъ полѣ
Стихи мои найдутъ,
Пастушки гдѣ по волѣ
Играютъ и поютъ.

Не токи нынѣ ясны
Вокругъ тебя шумятъ, —
Но лики велегласны
Со всѣхъ сторонъ гремятъ:

Вельможи тамо пышны,

Тамъ хитрые друзья;
Отвсюду лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?

(14) Изъ двухъ мнѣ жизней въ свѣтѣ
Котору величать? —
Ты скромень въ семь отвѣтѣ,
Такъ лутче замолчать.

(332/15)

Ода VII. Честь.

Что тебя на свѣтѣ краше,
Что дороже въ жизни есть?
Ты вѣнецъ, ты щастье наше,
О неоцѣненна честь!

Ты утѣху приключаешь
Утѣсеннымъ отъ враговъ;
Ты и нищаго вѣнчаешь,
Ты прямая дщерь Боговъ.

(333) Пусть богатый возгордится,
Домъ обильный видя свой;
Естьли съ бѣднымъ не дѣлится,
Онъ и врагъ и недругъ твой.

(16) Пусть вельможа прославляетъ
Важныя свои дѣла:
Память злую оставляетъ,
Коль ему ты не мила.

И народомъ и Царями
Ты должна повелѣвать,
И тебя предъ олтарями

Намъ не стыдно воспѣвать.

Не тебя весь свѣтъ взираетъ,
Красоты твои любя;
За тебя тотъ жизнь теряетъ,
Кто душевно чтить тебя⁶⁰.

(334) Каждый хочеть украшаться
Сладкимъ именемъ твоимъ,
И тобою утѣшаться
Непрестанно мы хотимъ.

Олтарей тебѣ не ставятъ,
О возлюбленная честь!
Но тебя и тамо славятъ,
Гдѣ не знаютъ, что ты есть.

(335/17)

ОДА VIII. ТЕРПѢНІЕ⁶¹.

Не тужи въ несчастной долѣ,
Огорченный человекъ;
Вянутъ красны розы въ полѣ,
Воды мерзнуть⁶² быстрыхъ рѣкъ;
Но весна лишь появится,
Роза въ полѣ оживится;
Рѣки напоятъ брега;
Украшаются луга.

Разпещренная цвѣтами
Возвращается Весна,
И своими красотами
Оживляетъ насъ она;

⁶⁰ всякъ умираетъ,
Хоть не знаетъ кто тебя.

⁶¹ ФО: маленькъ буквѣ

⁶² сохнуть.

Солнце тучи покрываютъ,
И Борей вездѣ реветъ;
Но яснѣ⁶³ дни бываютъ,
Какъ ненастіе минетъ.

(336/18) На порядокъ всей Природы,
На премѣны посмотрѣвъ —
Терпишь день, терпи ты годы,
Безпокойства не имѣвъ.
Вся вселенная вертится,
Постоянства въ мірѣ нѣтъ;
Но чреда твоя придетъ,
Рокъ жестокой укротится⁶⁴.

(337/19)

Ода IX. Гордость.

Родоскій Колосъ возвышался,
И былъ свѣтильникомъ морямъ⁶⁵,
Своей главою онъ касался
Текущимъ свѣше облакамъ;

Но страшная сія громада
Разсыпалася наконецъ;
Сія-то гордости награда,
И сей-то пышныхъ образецъ!

Все рушится въ пространномъ свѣтѣ,
И кедръ, и твердый дубъ падетъ;
И роза увядаетъ въ лѣтѣ,
И рабъ, и Царь оставятъ свѣтъ.

(338/20) Представь себѣ въ побѣдахъ Кира,

⁶³ ясныя.

⁶⁴ Жди, и счастье возвратится.

⁶⁵ рѣкамъ.

Богатства Крезовы представь;
Представь, представь превратность⁶⁶ міра,
И мысли гордыя оставь.

Хоть зришься⁶⁷ щастья въ полномъ цвѣтѣ,
Хоть славишься⁶⁸ во свѣтѣ семъ;
Пылинка ты едина въ свѣтѣ,
Невидимая точка въ немъ.

Ты прежде былъ, и будешь прахомъ,
Ничто тебя не подкрѣпитъ;
Хоть кажешься⁶⁹ вселенной страхомъ,
Тебя со всѣми смерть сравнитъ.

(339/21)

Ода X. Родство.

Не буди кровному злодѣемъ,
Въ союзѣ съ ближними живи;
Страшися новымъ быть Атреемъ,
Омывшимъ мечъ дѣтей въ⁷⁰ крови.

Гдѣ знойны степи зрятся адомъ⁷¹,
Гдѣ тигры страшные живутъ,
Томясь алчбою⁷², жаждой, голодомъ,
Другъ друга тигры тамъ не рвутъ.

Но мы — но мы, одушевленны
Единой искрой божества;

⁶⁶ Представь превратность здѣшня.

⁶⁷ зришься.

⁶⁸ славишься.

⁶⁹ нынѣ сталь.

⁷⁰ въ родной.

⁷¹ солнце дышетъ жаркимъ Адомъ.

⁷² Томясь зноемъ.

Доколѣ будемъ устремленны
Противу ближнихъ и родства!

(340/22) Что Богъ не разтворяетъ воды,
Потопомъ шаръ земной покрыть,
Не хочетъ красоты **природы**
Онъ въ новомъ гнѣвѣ разорить⁷³;

Однако намъ въ перунахъ страшныхъ
Вѣщаетъ **онъ** изъ облаковъ;
Что видя въ сварахъ⁷⁴ насъ всегдашнихъ,
Зажечь вселенну **онъ** готовъ.

Онъ скорбь и глады посылаетъ,
Бѣдами смертныхъ отягчить⁷⁵;
То видитъ всякъ, и не желаетъ
Въ любви и въ⁷⁶ дружбѣ съ ближнимъ жить.

О смертные! не возмущайте⁷⁷
Враждою съ кровными сердець;
Союзомъ Бога укрощайте: —
Мы братья всѣ, Богъ всѣмъ⁷⁸ отецъ!

(341/23)

Ода XI. Умѣренность.

Коль хочешь во спокойствѣ
Дни вѣка провести;
Суди богатствѣ о свойствѣ⁷⁹,
Чинами духъ не льсти.

⁷³ разорить.

⁷⁴ ссорахъ.

⁷⁵ окружить.

⁷⁶ ФО: отсутствуетъ.

⁷⁷ развращайте.

⁷⁸ намъ.

⁷⁹ Не мысли о геройствѣ.

Не думай, что богатство
Веселу жизнь даетъ:
За нимъ течетъ пріятство,
Но въ немъ спокойства нѣтъ.

Оно горитъ и тлѣетъ,
Сердцамъ наноситъ страхъ;
И случай вдругъ развѣетъ
Сокровища, какъ прахъ.

(342/24) Не радуйся невѣстѣ,
Что золото съ ней даютъ;
Корысть и дружба вмѣстѣ
Во вѣки не живутъ.

Но какъ же вѣкъ продлится,
Коль злата не имѣть?
Намъ должно укрѣпиться⁸⁰,
И малаго хотѣть.

Премудрыхъ⁸¹ утѣшаетъ
Умѣренность одна;
Души не сокрушаетъ
И сердцу не вредна⁸².

Умѣренность любезна!
Не чувствуешь ты бѣдъ;
Премудрымъ ты полезна:
Излишекъ общій вредъ.

(343)

⁸⁰ веселиться.

⁸¹ Премудрость.

⁸² невредна.

Ода XII. НАКАЗАНІЯ.

Оставимъ мысли безпокойны
и горести сердцамъ такимъ,
Которыя того достойны,
Чтобъ рваться и крушиться имъ.

Достойны горести отраву,
Достойны лютый ядъ вкусить,
Которы чтуть себѣ въ забаву,
Языкомъ ближнихъ поносить.

Пусть алчетъ и томится голодомъ
Среди небесныхъ яствъ Танталъ;
Пусть злато превратится ядомъ
Предъ тѣмъ, кто бѣдныхъ не питаль.

(344) Пускай Сизифъ, Царей предатель,
Катаетъ камень по горамъ;
Спокойства ближнихъ непріятель
Да мучится во вѣки самъ.

Да страждетъ казнью онъ всечасной,
И вѣчный испускаетъ стонъ,
Ругатель чести, сладострастной,
Богамъ противный Иксіонъ.

Кто люту зависть въ сердцѣ носитъ
Какъ ядовитую змѣю,
И добродѣтель кто поноситъ,
Да рвутся тѣ всю жизнь свою.

Но тѣмъ, которыхъ украшаютъ
Любезна истинна и честь,
Печали тѣмъ да не мѣшаютъ
Въ веселостяхъ на свѣтѣ цвѣсть.

(345)

ОДА XIII. НЕПОСТОЯНСТВО.

Какъ бурный вѣтръ волнами
Играетъ каждый часъ:
Играють страсти нами,
Всегда тревожатъ насъ.

Въ покоѣ и въ напасти
Намъ помощь Небеса:
Но насъ колеблють страсти,
Какъ вѣтеръ дрeвеса.

Ставь нынѣ Демокритомъ,
Смѣется человѣкъ;
Сталь къ утру Гераклитомъ,
Потокомъ слезныхъ рѣкъ.

Прельстимся красотою,
Страдаемъ и горимъ;
Когда владѣемъ тою,
Пріятства въ ней не зримъ.

Чины ли получаемъ,
Которы льстили насъ;
Чинами вдругъ скучаемъ,
Хотимъ другихъ тотчасъ.

Сіе непостоянство,
Такой премѣнный нравъ,
Намъ горестъ и тиранство,
Отрава всѣхъ забавъ.

Нашъ вѣкъ течетъ превратно,

И нѣтъ спокойства намъ;
Хоть многое пріятно,
Наскучить все сердцамъ.

Такъ знать, что щастье наше
Въ семъ вѣкѣ только сонъ:
Есть міръ земнаго краше;
Какой? — на небѣ онъ.

(347/29)

Ода XIV. БЕЗПЕЧНОСТЬ.

На что намъ съ грустью и мученьемъ
Свою кончину вображать?
Своимъ тоскливымъ размышленьемъ
Бѣгущихъ дней не удержать.

На что свое ты время числишь,
Нетерпеливый человѣкъ!
Въ тотъ мигъ, когда о немъ ты мыслишь,
Уже короче сталъ твой вѣкъ.

Течетъ луна и солнце мимо:
Въ нихъ жизнь мы должны представлять;
Что въ свѣтѣ семъ необходимо,
Того не можно избѣжать⁸³.

(348/30) На что нещастья опасаться,
Когда не чувствуемъ его?
Довольно мучиться и рваться,
Когда постраждемъ отъ него.

На что намъ бѣдности страшиться,
Когда достатокъ малый есть?
Коль можно намъ всего лишиться,

⁸³ Начто о томъ и размышлять.

Такъ можно все и приобрѣсть.

На что намъ горести отравой
Сердца въ спокойствѣ поражать⁸⁴?
Наполнимъ лучше ихъ забавой,
Веселье⁸⁵ станемъ вображать.

И такъ на свѣтѣ время скучно
Живи, не думай ни о чемъ;
Во свѣтѣ жить благополучно,
Такъ должно веселиться въ немъ.

Но чтобъ оставить жизнь такую,
Ты сердца завистью не рви;
Люби ты истинну святую,
И съ ближними какъ другъ живи.

(349/31)

Ода XV. Старость.

Когда борей свирѣпый дуетъ
Въ поля изъ мерзлыхъ облаковъ;
Зефиръ цвѣточки не цѣлуетъ,
И Флора прочь бѣжитъ съ луговъ.

Весною разцвѣтаютъ розы,
Весной изъ нихъ вѣночки выютъ;
Приходятъ скучные морозы,
Въ поляхъ пастушки не поютъ.

Когда зима слѣды являетъ
На желтыхъ въ полѣ муравахъ;
Мнѣ сходство старость представляетъ,

⁸⁴ заражать.

⁸⁵ Веселья.

Согбенна старость въ сѣдинахъ⁸⁶.

(350/32) Веселостей не видно въ полѣ,
Когда на землю снѣгъ падеть;
Забавъ не знаетъ сердце болѣ,
Когда молодой нашъ вѣкъ пройдетъ.

Парень въ⁸⁷ мысляхъ утолится,
Застынуть страсти во крови;
Возможно ль въ свѣтѣ веселиться,
Когда не чувствуемъ⁸⁸ любви?

Когда желтѣть дубровы стануть,
Пастушка прячется въ шалашъ;
Красавицы на насъ не взглянуть,
Когда наступитъ вечеръ нашъ.

Почтенна старость, то я знаю, —
Предъ ней учтивствовать⁸⁹ велятъ;
Но я учтивствъ⁹⁰ не промѣняю
Ни на одинъ пріятный взглядъ.

(351/33)

Ода XVI. ФОРТУНА.

Когда⁹¹ свою Фортуну⁹² любишь,
Коль ею сердце веселишь;

⁸⁶ Являясь на сѣдыхъ главахъ.

⁸⁷ Жаръ въ быстрыхъ.

⁸⁸ чувствовать.

⁸⁹ покорствовать.

⁹⁰ того.

⁹¹ Коль ты.

⁹² фортуну.

Ея⁹³ сіяніе сугубишь,
Коль съ ближними ее дѣлишь.

Начто бы щедрой насъ **судьбинѣ**
Ко щастью вестъ рукой своей?
Оно не надобно въ пустынь,
Оно пріятно межъ людей.

(34) Мы для людей его имѣемъ,
Для них имъ должно⁹⁴ дорожить;
Равно, что быть кому злодѣемъ,
Что въ щастѣ ближнимъ не служить.

(359/34) Не куплей намъ оно досталось,
Случаемъ щастье притекло;
И должно, чтобъ оно являлось
Прозрачно, тако какъ⁹⁵ стекло.

Любуйся прелестями щастья,
На чистый лучъ его гляди;
Но взоромъ пасмурнымъ ненастья
Другимъ сердцама не наводи.

Фортуна будто сонъ минется;
Но естли мы разумно спимъ,
На сердцѣ радость остается,
Коль щастье съ ближними дѣлимъ.

(353/35)

⁹³ Ее.

⁹⁴ Почто же имъ и.

⁹⁵ Для всѣхъ какъ чистое.

Ода XVII. ЖЕЛАНИЯ.

Желаемъ, мы всего желаемъ,
Но гдѣ желаній нашихъ край?
Иль мукой⁹⁶ жизнь мы представляемъ,
Иль⁹⁷ въ ней находимъ сладкій⁹⁸ рай.

Въ богатствѣ ли спокойство наше
И въ пышныхъ титлахъ состоитъ?
Иль тамъ оно сіяетъ краше,
Гдѣ въ хижинѣ крестьянинъ спитъ?

Монахъ ли мнѣ уединенный
Представитъ златовидный вѣкъ?
Или наукой посвѣщенный,
Полезный свѣту человѣкъ?

(354/36) Чертоги ль вобразятъ Царевы,
Блаженство міра мнѣ сего?
Или, красой цвѣтущи дѣвы,
Вы зрите вкругъ себя его?

Отъ Марса ли гремящей славы,
Или отъ Ѳемисы желать?
Пуститься въ роскошь и въ забавы,
Или въ пустыню убѣжать?

Какими въ свѣтѣ семъ слѣдами
Искать спокойствія пойдемъ?
Не сходствуя ни въ чемъ сердцами,
Мы спорить на пути начнемъ.

Желанья наши разногласны,
Колико видомъ разны мы;

⁹⁶ То адомъ.

⁹⁷ То.

⁹⁸ красный.

Яснѣй сказать: мы всѣ несчастны —
Имѣя разные умы.

(355/37)

ОДА XVIII. ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Не славою Героевъ,
Не шумомъ страшныхъ боевъ,
Не златомъ, не чинами,
Не лестью, не красами
Сердца вы заражайте,
О смертны человѣки!
Сократу подражайте,
И честность уважайте⁹⁹,
Въ сердцахъ, о человѣки!
Какъ будто быстры рѣки,
Пройдутъ должайши вѣки;
Падеть престоль, держава,
Забавы разлетятся¹⁰⁰,
Чемъ¹⁰¹ духъ привыкъ питаться,
(356) Чины, краса, богатства,
Сей жизни всѣ пріятства,
Летятъ, слабѣютъ, исчезаютъ,
Все тлѣнь и щастье ложно;
(38) Заразы сердце угрызаютъ,
А славы удержать не можно;
Оставь хвалы и лести,
Держись, о смертный! чести;

Тебя послалъ Содѣтель
На свѣтѣ обитать,
Да любишь добродѣтель
И Бога¹⁰² почитать.

(357/39)

⁹⁹ умножайте.

¹⁰⁰ ФО: разлѣтятся.

¹⁰¹ ФО Чѣмъ.

¹⁰² ФО: правду.

ОДА XIX. ЛЕСТЬ.

Не будь игрой¹⁰³ презрѣнной лести,
О ты, кто силенъ и великъ!
Ни правды тамо нѣтъ, ни чести,
Не сходенъ съ сердцемъ гдѣ языкъ.

Прольется сладкій медъ устами,
Когда тебѣ предстанетъ льстецъ:
То змѣй подъ красными цвѣтами,
То въ пищѣ яда образецъ.

Когда же истинна любезна
Тебѣ вѣщаетъ какъ труба;
Внимай — она тебѣ полезна,
Хотя и кажется груба.

(358/40) Когда великъ, когда ты силенъ,
Льстецовъ не трудно привлекать;
Льстецами цѣлый свѣтъ обилень;
Но трудно истинну сыскать.

Она всегда уединенна;
Она тиха, какъ майска¹⁰⁴ ночь,
И самымъ тѣмъ она почтенна,
Что пышностей уходитъ прочь.

Престолы лестью сокрушались,
Погибли многіе отъ ней;
Которы правдой украшались,
Не знали въ жизни горькихъ дней.

¹⁰³ ФО: рабомъ.

¹⁰⁴ ФО: свѣтла.

Она въ печали утѣшала,
Она служила въ щастѣ имъ;
Кого ты, правда, украшала,
Тотъ всѣми въ свѣтѣ былъ любимъ.

(359/41)

Ода XX. СПОКОЙСТВО.

Храни ты добродѣтель,
И ближнимъ другомъ будь;
Тогда тебѣ Содѣтель,
Покажетъ къ щастью путь.

Не златомъ получаютъ
Спокойство въ свѣтѣ семъ;
Не тамъ его встрѣчаютъ,
Гдѣ видѣнъ¹⁰⁵ страхъ съ мечемъ.

Не тамъ гдѣ истуканы
Приемлютъ въ жертву лести;
Гдѣ кроются обманы,
И гдѣ трепещетъ честь.

(360/41) Не тамъ, гдѣ рабъ Фортуны
У ногъ ея лежитъ,
И гдѣ, направя струны,
Порокамъ лира льститъ.

Ищи его въ пустынь,
Ищи въ глухихъ лѣсахъ;
Спокойство рѣдко нынѣ;
А правда — въ небесахъ.

¹⁰⁵ ФО: виденъ.

Но правду и спокойство,
Не трудно обрести:
Имѣй души¹⁰⁶ геройство,
Будь честень и не льсти.

Когда твой домъ обилень,
Со ближними дѣлись;
Когда въ народѣ силенъ,
О ближнемъ¹⁰⁷ ты пекись.

Но естли презираешь,
Всеобщее добро,
Ты ядомъ претворяешь
Честь, славу и сребро.

(361/43)

Ода XXI. ЗНАТНАЯ ПОРОДА.

Не славь высокую породу¹⁰⁸,
Коль нѣтъ разсудка ни наукъ;
Какая польза въ томъ народу,
Что ты мужей великихъ Внуку?

Отъ Рюрика¹⁰⁹ и Ярослава
Ты можешь родъ свой произвестъ;
Однако то чужая слава,
Чужія имена и честь.

Ихъ прахъ теперъ въ земной утробѣ,
Безчувственъ тамо прахъ¹¹⁰ лежитъ,
И слава ихъ при темномъ гробѣ,
Ихъ слава дремлюща сидитъ.

¹⁰⁶ сіе.

¹⁰⁷ ближнихъ.

¹⁰⁸ природу.

¹⁰⁹ Рурика.

¹¹⁰ онъ.

(362/44) Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невмѣстно нраву,
Такъ все равно, что нѣтъ тебя.

Коль съ ними ты себя равняешь
Невѣжества въ своей ночи,
Ты ихъ сіянье заслоняешь,
Какъ облакъ солнечны лучи.

Не титла славу намъ сплетаютъ¹¹¹,
Не предковъ нашихъ имена;
Одни достоинства вѣнчаютъ,
И честь вѣнчаетъ насъ одна.

Безумный съ мудрымъ не равняйся,
И славныхъ предковъ позабудь;
Коль разумъ есть, не величайся,
Заслугой¹¹² имъ подобень будь.

Среди огня, въ часы кровавы,
Скажи мнѣ: такъ служилъ мой дѣдъ,
Не собственной искалъ онъ славы,
Искалъ отечеству побѣдъ.

(363/45) Будь мужественъ ты въ ратномъ полѣ,
Въ дни мирны добрый гражданинъ;
Не чиномъ украшайся болѣ,
Собою украшай свой чинъ.

Въ судѣ разумнымъ будь Судьею,
Храни во нравахъ простоту:
Плѣнюся славою твоею,
И знатнымъ я тебя почту.

¹¹¹ вручаютъ.

¹¹² Дѣлами.

(364/46)

ОДА XXII. РАЗУМЪ.

Когда мы разумомъ сверкаемъ¹¹³,
Пороча слабые умы,
Вреднѣ¹¹⁴ звѣря мы бываемъ,
И разумъ сей скучнѣ¹¹⁵ тмы.

На то премудрости лучами
Тебя Создатель озарилъ,
Чтобъ ты другихъ передъ очами
Сіянье истинны явилъ¹¹⁶.

Чтобы любезну¹¹⁷ добродѣтель
Во всей вселенной¹¹⁸ возтрубилъ;
И ставъ страстей своихъ владѣтель,
Пороки гналъ, а¹¹⁹ честь любилъ.

(365) Сократъ земнымъ прославленъ кругомъ;
За что Сократа славить свѣтъ?
За то, что правды былъ онъ другомъ,
И мудрый всѣмъ давалъ совѣтъ.

Премудростью своей гордиться,
То цѣну мудрости терять;
На что умнай другихъ родиться,
Когда другова презирать?

Мы зрѣли разумы высоки,

¹¹³ сіаемъ.

¹¹⁴ Вредняе.

¹¹⁵ скучняе.

¹¹⁶ Пригожество истинны открылъ.

¹¹⁷ Чтобъ ты прекрасну добродѣтель.

¹¹⁸ Среди народа.

¹¹⁹ и.

Людей ученыхъ зрѣли мы,
Въ такіяжъ вверженныхъ пороки,
Въ какіе слабые умы.

Какой же разумъ прославляетъ
Въ пространномъ свѣтѣ самъ себя?
Который правду подкрепляетъ,
Какъ брата ближняго любя.

Кто чести слѣдуя закону,
Имѣетъ умъ на сей конецъ:
Тотъ носить мудрости корону,
Порфиру славы и вѣнецъ.

(366/48)

Ода XXIII. ПРАВДА.

Доколѣ будутъ волноваться
Моря въ пространныхъ берегахъ;
Доколѣ будутъ опасаться
Пастушки волка при стадахъ;

Доколѣ на зеленомъ полѣ
Цвѣтки весною будутъ цвѣсть:
Надъ бѣдной правдою дотолѣ
Торжествовать удобна леть.

Пріятно леть вездѣ пріемлють,
И всюду входъ отворень ей;
Внимая правду, люди дремлють,
И часто бѣгають отъ ней.

(367/49) Одна огромные чертоги
Своимъ жилищемъ избрала;
Другая въ хижины убоги
И въ чистыя сердца ушла.

Свѣтильникъ истинны преводить¹²⁰
Чрезъ горестъ ко спокойству насъ;
Но кто за лестью слѣдомъ ходитъ,
Тотъ близокъ къ бѣзднѣ¹²¹ каждый часъ.

Фортунѣ храмъ поставленъ лестью,
Гдѣ тучныхъ жертвъ курится дымъ,
И рѣдкій остается съ честью,
Кто дымомъ насыщался симъ.

Кого Фортуна оставляетъ,
Поруганъ будетъ лестью тотъ;
Съ несчастнымъ правда раздѣляетъ
Послѣдню пищу и животъ.

(368/50)

Ода XXIV. КРАСОТА.

Пригожество лицъ минется,
Проходитъ красота,
И только остается
Пріятностей мечта.

Доколѣ поражаютъ
Нашъ взоръ красы лица;
Красавицъ обожаютъ
Прельщенные¹²² сердца.

Но прелесть, прелесть вянетъ
Подобно какъ цвѣты;

¹²⁰ приводитъ.

¹²¹ бѣдствамъ.

¹²² Плѣненные.

Разить она престанетъ¹²³
Утративъ¹²⁴ красоты.

(369/51) Въ мои цвѣтущи лѣта
Любимъ, любимъ я былъ;
Всего дороже свѣта
Возлюбленную¹²⁵ чтить.

Мнѣ день часомъ¹²⁶ казался,
Когда бывалъ я съ ней;
Я плакалъ и терзался,
Не зря ея очей.

Но прелести сокрылись,¹²⁷
Разсѣялись красы,
И въ годы превратились
Свиданья съ ней¹²⁸ часы.

Не старость превращаетъ
Горячность нашу въ ледъ;
Жаръ страсти ощущаетъ,
Хоть кто и старъ и сѣдъ.

Представь Анакреона
Въ горячности любви:
Онъ старъ, и Купидона
Носилъ въ своей крови.

(370/52) Пригожество насъ прельщаетъ,
Привычка въ плѣнь влечетъ;
Насъ время отвращаетъ,
Когда красы ссѣчетъ.

¹²³ не станеть.

¹²⁴ Лишенная.

¹²⁵ Мою любезну.

¹²⁶ часомъ день.

¹²⁷ Глаза ея затмились.

¹²⁸ Свиданія.

На что же величаться
Своею красотой?
Ей скоро миноваться;
Пригожство даръ пустой.

(371)

Ода XXV. СУЕТНОСТЬ.

Мірскихъ суетъ оставя тѣни,
Дѣла людскія разбери;
На ихъ различныя степени,
На преимущества воззри:
Сего намъ свѣта утѣшенье
Сердцамъ наноситъ сокрушенье: —
Помысли о превратной славѣ,
Давно ли чьи-то дни въ забавѣ,
Въ чести и въ пышности цвѣли;
Едва его не Богомъ чли;
Фортуны, не его любили;
Фортуны нѣтъ — его забыли.

Спокойство злато намъ являетъ
И мыслямъ развращеннымъ льститъ;
(371) Однако души ослѣпляетъ,
И много за утѣхи мститъ.
Предѣлъ желаній не дозволенъ,
Спокойство запрещено намъ;
Не будешь, человѣкъ, доволенъ,
Не будешь въ вѣкъ собою самъ.
Ученый при наукахъ дремлетъ,
Герой пустые звуки внемлетъ,
Пустынникъ въ сукѣ смерти ждетъ,
Досады всѣхъ людей терзаютъ;
И тако весь нашъ вѣкъ пройдетъ,
Какъ будто тѣни исчезаютъ.

(372)

Ода XXVI. Къ * * *.

Не мни, что къ свѣту отвращенье
Суровость вносить въ пѣснь мою;
Увидя нравовъ развращенье,
Угрюмые стихи пою.

Что смертный Ангелу подобень,
Не спорю я съ тобой о томъ;
Но тотъ, который тихъ, незлобень,
И правдѣ въ сердцѣ создалъ домъ.

Мнѣ съ Ангелами зрится равенъ
Своимъ ученіемъ Невтонъ,
Когда узнавъ, колико славень,
Талантомъ не гордится онъ.

(374) Монархъ, который созидаетъ
Для подданныхъ блаженства храмъ,
Сердца какъ Ангель услаждаетъ,
И райски дни проводитъ самъ.

Когда Вельможа гласу внемлетъ
Стенящихъ вокругъ его сиротъ,
Невинность въ свой покровъ пріемлетъ,
Такъ ангель сталъ Вельможа тотъ.

Но тщетно кровь ліющій воинъ,
Хотя бы міръ завоевалъ;
Ни царь мучитель не достоинъ,
Чтобъ свѣтъ ихъ Ангелами звалъ.

Ни хищника руна златова,
Ни разверзавша челюсть льву,
Льстеца, ни гордова, ни злова,
Я Ангеломъ не назову.

(375) Ни тайнъ естественныхъ рачитель,
Когда имѣетъ вредну мысль;
Ни гордый мудрости учитель
Себя превыше всѣхъ не числь.

И вы такі жъ человѣки,
И въ той же движетесь пыли;
Хранящій правду въ наши вѣки
Есть прямо Ангелъ на земли.

(376)

ОДА XXVII. СРАВНЕНІЕ.

Возможно ль намъ гордиться
Предъ кѣ нибудъ въ свой вѣкъ?
На свѣтѣ семъ родится
И скотъ, какъ человѣкъ.

Онъ міра красотою
Подобно услажденъ,
Лишь только суетою,
Какъ мы, не побѣжденъ.

Онъ алчетъ нужной пищи,
Что гладомъ онъ томимъ:
Мы тѣмъ предъ ними нищи,
Что многова хотимъ.

(377) Они другъ другу нравны,
Не едаютъ чновъ;
Мы, быть желая славны,
Желаемъ лишь оковъ.

Хотя мы отмѣнились
Разсудкомъ отъ скотовъ;
Но естли бы родились
На свѣтѣ безъ умовъ:

Въ погибели всечасны
Впадалъ бы человѣкъ,
И бѣдствія ужасны
Претерпѣвалъ въ свой вѣкъ.

Намъ вмѣсто крыль разсудки
И мягкія волны, —
И чувствованья чутки,
И разумы даны.

Какое жъ утѣшенье
Разсудокъ намъ дает?
Спокойства разрушенье
И тысячи суетъ.
(378) Во всемъ несовершенство,
Нигдѣ излишка нѣтъ;
Знать наше благоденство
Не сей вмѣщаетъ свѣтъ!
Мы тако заключаемъ:
Для насъ построень онъ;
Но что же въ немъ встрѣчаемъ?
Бѣды, печали, стонъ.
И слава, и богатство,
И честь, и красота,
И горестъ, и пріятство —
Все въ свѣтѣ суета.
Людей на свѣтѣ злобныхъ
Не меньше, чемъ звѣрей;
Разсудкомъ имъ подобныхъ
Не мало есть людей.
Мы чемъ отъ нихъ отмѣнны,
Имѣюци умы?
Скоты не совершенны,
Не совершенны мы.
(379) На всѣхъ равно взираетъ
Творецъ вещей и Царь,
И солнцемъ озаряетъ
Подобно каждую тварь.
Хоть намъ Природа, чають,
Отмѣнный умъ дала;
Но только отличаютъ
Насъ добрыя дѣла.

(380)

ОДА XXVIII. НЕСОГЛАСІЕ.

Не будьте чловѣки вы,
Не будьте злобны будго львы;
Смиритесь, ближнихъ не губите,
Другъ друга искренно любите;
Вы прахи были до сего,
Лежащіе въ земной утробѣ,
И прахомъ будете во гробѣ,
Дни конча вѣка своего.
На сей пространный міръ взгляните,
Вещей союзы разберите:
Руса въ лугахъ траву поить;
Земля животныхъ родъ питаетъ;
На быстрыхъ крыльяхъ вѣтръ летаетъ,
И влагу въ воздухѣ сушить;
(381) Но мы, но мы, о твари бѣдны!
За тѣмъ ли мы пришли на свѣтъ,
Дабы другъ другу были вредны
И были плѣнники суетъ?
Когда еще мы не дышали,
Тогда Природѣ не мѣшали
Въ ея порядкѣ стройномъ течъ.
Пріяли духъ, родились —
Озлилися и возгордилися,
Сковали копя, стрѣлы, мечъ;
Въ крови летаемъ въ слѣдъ за славой,
Погибель ближняго забавой
И честью нареклась тогда.
Во злѣ, въ убійствахъ возмужали,
Ахъ! лучше бъ мы до днесъ лежали
Въ землѣ пылинками всегда.
Но чемъ сердца мы озлобляемъ,
И что другъ съ другомъ раздѣляемъ?
Колико здѣшнихъ благъ ни чту,
Зрю тѣнь одну и суету,
И тлѣнну міра красоту.
Вы прахъ, и прахомъ веселитесь,
За пыль терзаетесь и злитесь,
И въ первой бытности своей
(382) Едва, едва не чтите Бога.

Вамъ злато къ щастію дорога,
Оно земля, вы всѣ изъ ней;
Сей тлѣнный богъ земнаго круга
Дороже сталь отца и друга,
И всякой златомъ ослѣпленъ;
Почтенна пыль сія, сей тлѣнь,
И сталь изъ насъ пылинкѣ каждой
Повсеминутной въ мірѣ жаждой,
А благъ прямыхъ насъ всѣхъ лиша,
Для многихъ дорогъ какъ душа.

(383)

Ода XXIX. УТѢСНЕННАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Въ бѣдахъ утѣха и отрада,
Отъ злыхъ защита мнѣ, ограда,
О сладость сердца моего!
Возлюбленная Добродѣтель!
Душа моя тому свидѣтель,
Что ты любезнѣе всего.

Что въ сердцѣ я тебя питаю,
Не въ славу то я почитаю,
То долгъ мой, то прямой законъ;
Но въ поруганіе завѣта,
Игралищемъ ты стала свѣта,
И часто испускаешь стонъ.
(384) Твой храмъ засыпанъ суетами,
И только славишься устами,
Но славишься не рѣдко въ смѣхъ;
Твои любимцы исчезаютъ,
Кинжалы въ ихъ сердца вонзаютъ
Враги, имѣючи успѣхъ.
Трепещутъ небеса надъ нами,
И намъ вѣщаютъ какъ устами:
Забыли вы Небесну дщерь!...
Весь міръ слова такія внемлетъ,
И ихъ за шумъ пустой приемлетъ,
Какъ легкой вѣтръ пустынный звѣръ.

Которые тебя поносятъ,
До саихъ звѣздъ чело возносятся,
И страшны стали на земли;
Хранящіе твои завѣты
Едва не въ рублища одѣты,
И видимы едва въ пыли.
(385) Забвенна будешь ты не вѣчно;
Единыхъ счастье скоротечно,
гновенно бѣдствіе другихъ;
Ты власть пріимешь надъ сердцами,
Украшишь въ наши дни вѣнцами
Любимцевъ и друзей своихъ.

(386)

Ода XXX. Ничтожность.

Я нѣкогда въ зеленомъ полѣ
Подъ тѣнію древесъ лежалъ,
И міра суетность по волѣ
Во смутныхъ мысляхъ воображалъ;
О жизни я помыслилъ тѣнной,
И что мы значимъ во вселенной.

Представилъ всю огромность свѣта,
Міровъ представилъ въ мысляхъ тмы,
Мнѣ точкотой здѣшняя планета,
Мнѣ прахомъ показались мы;
Что мнѣ въ умѣ ни воображалось,
Мгновенно все уничтожалось.
(387) Какъ капля въ океанѣ вѣчномъ,
Какъ бранный листъ въ густыхъ лѣсахъ:
Такою въ мірѣ безконечномъ
Являлась мнѣ земля въ очахъ;
Въ кругахъ непостижима вѣка
Терялъ совсѣмъ я человѣка.
Когда сей шаръ, гдѣ мы родимся,
Пылинкой зрится въ мірѣ семъ,
Такъ же же мы на немъ гордимся,
Не будучи почти ничемъ?

О чемъ себя мы беспокоимъ,
Когда мы ничего не стоимъ?
Колико самъ себя ни славить,
И какъ ни пышень человѣкъ,
Когда онъ то себѣ представить,
Что мгъ одинъ его весь вѣкъ;
Что въ мірѣ семъ его не видно,
Ему гордиться будетъ стыдно.
(388) Начто же всѣ мы сотворенны,
Когда не значимъ ничего?
Такія тайны сокровенны
Отъ разсужденья моего;
Но то я знаю, что Содѣтель
Велитъ любить добродѣтель.

(389)

Ода XXXI. ЧТЕНІЕ.

О вы, которые хотите
Читаньемъ просвѣщать умы!
Безъ пользы многихъ книгъ не чтите,
Остерегайтесь пущей тмы.

Всегда у васъ передъ очами
Отверзта книга Естества;
Въ ней пламенными словесами
Сіяетъ мудрость Божества.
Когда на небо око взглянетъ,
Внимательный простерши умъ;
Какое множество предстанетъ
Глубокихъ намъ и важныхъ думъ!
(390) Свѣща, среди планетъ возженна,
Неугасаемо горитъ,
Міровъ громадой окруженна,
Равно на всю вселенну зритъ.
Лучи небеснаго свѣтила
Вѣщаютъ намъ со всѣхъ сторонъ,
Коль Божія велика сила,
И сколь премудръ, сколь славенъ Онъ.

Великъ Господь въ звѣздахъ горящихъ,
Великъ во мрачныхъ облакахъ;
Великъ въ песчинкахъ Онъ лежащихъ,
Великъ въ малѣйшихъ червячкахъ.
Всегда послѣдуютъ другъ другу
Въ теченьѣ стройномъ времена;
Являются земному кругу
Въ порядкѣ солнце и луна.
Читай, о смертный! книгу вѣчну,
Читай всегда и ночь и день:
Премудрость узришь безконечну,
И скуки тѣмъ разгонишь тѣнь.
(391) Другія книги утѣшаютъ:
Но то земныхъ умовъ труды,
Которы пуще мысль смѣшаютъ,
И горьки подадутъ плоды.
Останься въ сладостной надеждѣ,
Что Вышній просвѣтитъ тебя;
Однако ты старайся прежде,
Познать и чувствовать себя.

(392)

Ода XXXII. Къ Музамъ.

Возьмите лиру, чисты Музы!
Котору получилъ отъ васъ:
Слагаю нынѣ ваши узы
И не взгляну я на Парнасъ.
Вы намъ безсмертный лавръ сулите,
И славы первую степень;
Однако вы за то велите
Трудиться намъ и ночь и день.
Восторги мыслей и забава
Трудовъ не стоятъ таковыхъ;
И многихъ умираетъ слава
Гораздо прежде смерти ихъ.
(393) Чтобъ вашимъ жителемъ назваться,
И хоромъ съ вами вмѣстѣ пѣть;
Досадой прежде должно рваться,

Вражду и брани претерпѣть.
Кому и ссора не наскучить,
И кто взойдетъ на Геликонъ:
Какую пользу онъ получить,
Хотя Виргилій будетъ онъ?
Виргилія не утѣшаетъ
И свѣта похвала всего,
Хоть лавръ зеленый украшает
Изображеніе его.
Простите, Музы! вы простите,
Хочу имѣть спокойный вѣкъ;
Меня вы лавромъ не прельстите; —
Піить несчастный человекъ.
Мнѣ путь къ холмистому Парнасу
Пѣвецъ преславный показалъ;
Внимая Музъ пріятныхъ гласу,
Я ихъ оковы лобызаль.
Къ Театру я стопы направилъ,
Но много въ Драмахъ не успѣлъ;
Котурны наконецъ оставилъ,
И пѣсни лирныя воспѣлъ.
Пускай другіе будутъ славны,
Пускай вѣнчаютъ Музы ихъ;
Кому стихи мои не нравны,
Такъ пусть и не читаетъ ихъ.
Однако щедрый взоръ возводитъ
Богиня на мои труды;
Она на Бога Музъ походить,
Парнасски насадивъ плоды.
(395) Во вѣкъ моя усердна лира,
Во вѣкъ о Ней гремѣть должна;
Однако во предѣлахъ міра
Безъ нашихъ лиръ Она славна.
Когда гремящимъ лирнымъ звономъ
Мнѣ свой возвысить должно гласъ,
Она мнѣ будетъ Аполлономъ,
Ея владѣніе Парнасъ.

(396)

Естьли то тебѣ пріятно,
Чтобы я еще любилъ,
Утро мнѣ отдай обратно:
Мой ужъ вечеръ наступилъ.

Тѣмъ, которы лѣтъ во цвѣтѣ,
Тѣмъ утѣхи отдадимъ.
Два мига живемъ мы въ свѣтѣ,
Мигъ разсудку посвятимъ.

Гдѣ забавы на престолѣ,
Гдѣ любовь имѣетъ тронъ,
Взявъ рукой меня оттолѣ
Время ужъ выводитъ вонъ.

(397) Должно думать сколько можно
Усладить сей горькій вѣкъ;
Щастіе на свѣтѣ ложно, —
Всеми обмануть человѣкъ.

Все вокруг меня изчезло,
Игры, нѣжности, красы,
Сердце пламенно замерзло —
Скучно движутся часы.

Дважды всѣ мы умираемъ,
Вижу нынѣ ясно то;
Смерть, когда любовь теряемъ;
А другая смерть ничто.

Томным шествіемъ приходитъ
Дружба къ помощи моей;
На любовь она походитъ,
Но огня не вижу въ ней.

Дружбой, дружбой восхищаюсь!
Ей теперь иду во слѣдъ;

¹²⁹ Подражаніе Французскимъ.

Но слезами обливаюсь,
Что утѣхи прежней нѣтъ.

(398)

ЛИНА.

Когда бь я птичкой былъ,
Я къ той бы полетѣлъ,
Котору полюбилъ,
И близко, близко къ ней бы сѣлъ;
Коль могъ бы я, запѣлъ:
Ты, Лина, хороша,
Ты птичкина душа!
Мой малый бы носокъ
Устамъ ея касался;
Мнѣ бь каждой волосокъ
Силкомъ у ней казался;
Я бь ножку увязить
Хотѣлъ въ силкѣ по волѣ,
Чтобъ съ Линой вмѣстѣ быть
И Лину бы любить
Въ сладчайшемъ плѣнѣ болѣ.

(399)

СЕЛЬСКАЯ МУЗА.

О ты, во сладостяхъ житейскихъ утопленный,
Отъ нѣгъ и красоты Природы удаленный!
Когда для глазъ твоихъ не дикъ зеленый лѣсъ,
Пріятна красота лазоревыхъ небесъ,
Не скученъ чистый лугъ, усыпанный цвѣтами,
И хочешь сельскими прельщаться красотами;
Когда, укрывъ себя изъ радскихъ пышныхъ стѣнъ,
Ты можешь цѣлый день пробыть уединенъ:
Отважься, и прійди ко мнѣ подъ тѣнь древесну,
Взирать на красоту земную и небесну;

Прійди, со мной мое спокойство раздѣлить;
Не пышностію духъ, Природой веселить.
Коль можешь ты прервать твоихъ пристрастій узы,
Прійди, и пѣнія послушай сельской Музы.
Того не повторю, что сладкій пѣль Маронь:
Открылъ сокровища всея природы онъ;
Любимца своего Природа просвѣтила,
И въ таинственный храмъ какъ друга допустила.
Не смѣю заиграть въ Маронову свирѣль:
Для пѣсни моя беру иную цѣль.
(400) Не тайну скрытую Природы открываю;
Но то, что чувствую, когда въ поляхъ бываю.
Мнѣ кажется тогда, что травка, что цвѣты
Не для одной луговъ рождаются красоты;
Встрѣчаю на поляхъ разсыпанную пищу
И птицъ и скоту, богатому и нищу.
На пышномъ тронѣ Царь, порфиною покрытъ,
Страдаетъ, коль земля плодовъ не подарить;
Богатый бы серебромъ и златомъ не гордился,
О пашнѣ естли бы крестьянинъ не трудился;
Царя и нищаго питаетъ всѣхъ равно
Былинка тлѣнная и тлѣнное зерно.
Оставь гражданское свое увеселенье,
И слушай, что меня приводитъ въ удивленье!
Въ восторгъ я моемъ, Природы по стопамъ
Вступая на дуга, вхожу какъ въ нѣкій храмъ;
Натура, мнится, тамъ раскинула порфиру,
И пиршество всему приготовляетъ міру.
Не блескомъ занять я престоловъ и коронъ,
Зеленый холмикъ мнѣ Природы зрится тронъ;
У ней небесный сводъ сіяетъ надъ главою,
Цвѣтками устланъ полъ и мягкою травою;
Церера тамъ пришедъ на мягкую траву,
Имѣетъ класами вѣнчанную главу;
(401) Держаща серпъ одной, и снопъ другой рукою,
Являетъ жатву мнѣ картиною такую.
Сія сотрудница премудра Естества
Изображаетъ мнѣ щедроты Божества,
Которы Онъ ліетъ со отдаленна неба
Для размноженія питательнаго хлѣба.
Къ убранствамъ данный намъ встрѣчаю здѣсь примѣръ:

Изъ былій и цвѣтковъ намъ Флора вьетъ коверъ;
Обширныя поля богиня покрываетъ,
Изъ разныхъ свойства травъ покровъ она свиваетъ.
Премудрая вездѣ мнѣ зрится простота;
Но травка близъ другой ужъ видами не та.
Не смертный, кажется, художникъ здѣсь трудится,
Который приманить едины очи льститъся;
Но каждый былія трепещущій листокъ
Являетъ мнѣ, что въ немъ течетъ отличный сокъ.
Толь свойства разныя и виды ихъ наружны
Вѣщаютъ, что сіи несходствы міру нужны:
Въ растенияхъ хотя Природа не равна,
Но дѣйствуетъ равно во всѣхъ вещахъ она.
Трава, какъ человѣкъ, рождается на свѣтѣ:
бываетъ въ юности, бываетъ въ лутчемъ цвѣтѣ;
Ко старости она равно какъ мы прійдетъ,
Лишится силъ своихъ, увянетъ и умретъ.
(402) Всему творенію законъ сей данъ Судьбою.
О бѣдный человѣкъ! все сходствуетъ съ тобою.
Но только на лугахъ покажется весна,
Былинкамъ прежняя жизнь бываетъ отдана:
О тлѣнности своей тужити мы ли станемъ?
Трава получить жизнь, такъ мы ль совсѣмъ увянемъ?
Страшися человѣкъ безбожной мысли сей!
Природу чти; ты сынъ возлюбленный у ней.
Мнѣ травка изъ земли всходящая являетъ,
Что Богъ другую жизнь и мнѣ приготовляетъ;
А въ кругѣ семь, гдѣ я поставленъ отъ Него,
Велитъ достойну быть творенія Его,
Чтобъ я, привыкнувъ здѣсь внимать Его уставы,
Свидѣтель послѣ былъ Его небесной славы. —
Едину тѣнь познать премудра Божества,
Во храмѣ что нибудъ разсмотримъ Естества;
Но гдѣ вниманіе зайется наше болѣ,
Какъ зрѣнью нашему во предлежащемъ полѣ?
Тамъ, кажется, куда мой взоръ ни поглядитъ,
Природа каждый шагъ пріемлетъ новый видъ.
Протея хитраго она изображаетъ,
Который каждый мигъ себя преобразуетъ;
И только я коснусь рукою до него,
Уже не въ томъ лицѣ почувствую его;

(403) Такъ въ таинствахъ своихъ сокрытая Природа
Отъ проницанія уходитъ смертныхъ рода.
Во градъ пышности, — Натуры здѣсь труды;
Тамъ роскоши однѣ, Природы здѣсь слѣды.
Куда я ни пойду стопами сей Царицы,
Вниманья моего теряются границы,
И цѣлая душа заемлется моя,
На что ни погляжу въ хранилищахъ ея.
Художникамъ простымъ приписывая славу,
Дивимся ихъ трудамъ, ихъ вымысламъ, составу;
Однако на цвѣтокъ простой сперва воззри,
Внимательно въ листкѣ всѣ члены разбери:
Перебегаючи сквозь тонкость трубокъ соки
Питаючи цвѣтокъ, млечные въ стеблѣ токи,
Пріятный видъ его, и запахъ наконецъ,
Все скажетъ: вещи сей художникъ самъ Творецъ!
Мнѣ разширенное въ поляхъ Натуры царство
Являетъ во травахъ и пщу и лѣкарство;
Врачуйте недуги! она вѣщаетъ намъ,
Я всѣмъ помощница на свѣтѣ племенамъ;
Не зданья для того поставлены высоки,
Но въ корняхъ и листахъ сіи хранятся соки.
Возможно ль намъ на лугъ съ презрѣніемъ взирать,
И наше здравіе ногами попирать!
(404) О смертный! потерявъ къ былинкѣ уваженъе,
Отъ смерти можетъ быть твое попралъ спасенъе.
Не для того пищу, чтобъ травку зпя у ногъ,
Ты нѣкимъ божествомъ ее поставитъ могъ;
Но для того, чтобъ ты внимателенъ казался:
Натуру разбиралъ, и Богу удивлялся. —
Взгляни, когда въ поляхъ пчела цвѣтокъ сосетъ,
Узнаешь, гдѣ лежалъ твой сладкій спрятанъ медъ:
Во травкѣ и цвѣткахъ его Природа скрыла,
И меда таинство пчеламъ лишь подарила;
Сосуды разны тамъ съ напитками стоятъ,
Которые хранитъ во гроздахъ виноградъ.
Тамъ разны сладости она разсыпавъ въ полѣ,
Животныхъ множеству пожертвовала волѣ.
Помона тамъ велитъ плоды раждать древамъ,
И съ вѣтвей братъ велитъ пріятну пищу намъ;
Какъ Флорины труды въ цвѣтахъ многообразны,

Помонины дары толико вкусомъ разны.
Заемлють зрѣніе отверзты небеса:
Всѣ чувства ловятъ здѣсь цвѣты и дрeвеса.
Не лѣзя внимательнымъ къ Природѣ не явиться,
Не лѣзя ступить шага, и вновь не удивиться!
Тамъ влага тонкая, когда въ цвѣткахъ течеть,
Благоуханіе изъ нѣдръ ея влечеть;
(405) Куда ни кинетъ вниманіе вперенно,
Все жизни наша къ подпорѣ сотворенно.
Пчела, слѣпляющая изъ вязкой мази сотъ,
Снимаетъ со листковъ растущихъ въ полѣ тотъ;
Черезъ малое сіе животное Природа
Даруетъ свѣтъ, питье и пищу для народа.
Натура, кажется, трудится каждый часъ
Питать, и веселить, обогащати насъ:
Одежду, яству намъ въ поляхъ приготовляетъ,
Намъ ризы тонкія изъ рравокъ составляетъ.
О смертный! для твоихъ убранствъ и для пеленъ
Натура щедрая произращаетъ лень;
Тамъ въ полѣ для твоей прекрасной багряницы
Раждаются листки у ногъ сея Царицы:
Чемъ въ жизни красишься и чемъ гордишься ты,
Разсыпанны въ поляхъ даруютъ то цвѣты.
Одеждой свѣтлою ты очи удивляешь;
Но ты забылъ, что въ ней Природѣ подражаешь.
Сей нищій, коего ты хочешь удивить,
И выше смертнаго предъ нимъ себя явить,
Сей нищій зрѣлъ давно такія розы въ полѣ,
Лежащія всегда Натуры на престолѣ.
О жены, пышностью прельщенные одеждъ!
Познайте, что они лишъ дивны для невѣждъ.
(406) И травки и цвѣты на нихъ изображенны
Искусствомъ хитрыхъ рукъ на шелкъ переложены,
Въ очахъ у пастуха цвѣли уже давно;
Онъ ими убиралъ возлюбленну равно;
Но та, живущая среди луговъ, въ свободѣ,
Казалася въ вѣнкахъ подобною Природѣ.
Природа вами тажъ во градъ преселена;
Въ цвѣтахъ, мнѣ кажется, и въ васъ умерщвлена;
Притворство съ мудрою Натурою не сходно,
А подражати ей всѣмъ смертнымъ обще сродно.

Но я когда во храмъ Царицы сей явлюсь,
Я восхищаюся, плѣняюся и дивлюсь!
Тамъ гласы слышу птицъ; тѣ гласы слаще лиры;
Благоуханіе разносятъ тамъ зефиры;
Очамъ мечтаются различны красоты,
Составленны цвѣтовъ изъ нѣжной пестроты.
Біющіе ключи мой разумъ пробуждаютъ;
Они уста, и слухъ, и взоръ мой услаждаютъ.
Тамъ скривъ отъ глазъ моихъ едину часть небесъ,
Пріятну въ зелени являетъ мрачность лѣсъ;
Тамъ чудно кажется мнѣ всякое растенье,
Сугубить все мое вниманье и почтенье;
Что я ни слушаю, куда ни кину взоръ,
Вездѣ представится мнѣ дивностей соборъ,
(407) Непостижимыя и чудныя работы,
Неизчерпаемы источники щедроты!

О дщерь небесная! о мать всѣхъ временъ!
Для всѣхъ трудишься ты растеній и племень;
Стезями равными въ твоёмъ твореньѣ ходишь,
Былинку или кедръ высокій производишь.
Изъ нѣдръ земли всему во свѣтъ единый путь;
Питаешь всѣхъ равно ея отверзта грудь;
Что дышетъ, что цвѣтетъ, что движется и зрѣетъ,
Въ объятіяхъ своихъ равно она имѣетъ;
И безпристрастія сія во свѣтъ мать
Печется всѣхъ дѣтей съ любовію питать.
Степень имѣемъ ли отъ тварей мы далеку?
Равно ей червячку дасть жизнь, иль человѣку,
И равень нашъ въ ея утробу оборотъ:
Истлѣетъ червячокъ, разрушится и тотъ;
Съ ползущей тварію одну судьбу имѣемъ,
Равно раждаемся, равно по смерти тлѣемъ:
Такъ тлѣніемъ своимъ гордиться можно ль намъ?
Гдѣ будетъ червь, и мы конечно будемъ тамъ.
Не видъ отъ червяка насъ тлѣнный отличаетъ;
Но то, что душу въ насъ безсмертіе вѣнчаетъ.
Но чтобъ вѣнецъ такой Натура намъ дала,
Едины добрыя потребны намъ дѣла.
(408) Не злато путь къ тому, чемъ смертныя прельщенны;
Бываютъ и враги у насъ обогащенны.
Коль вѣчной жизни ты желаешь человѣкъ,

То благочестіемъ укрась текущій вѣкъ;
Ногами попирай обманчивыя сѣти,
И помни, что мы всѣ одной утробы дѣти;
Будь кротокъ, милосердъ, смиренъ, благочестивъ;
Разрушится весь міръ, но духъ твой будетъ живъ;
Увидишь Бога ты душевными очами,
И будешь озаренъ безсмертія лучами.

На разпещренныя взираючи поля,
Подумай, сколь щедра для тварей всѣхъ земля;
Она дѣтей своихъ ни въ чемъ не различаетъ,
Но съ пищей каждое животное встрѣчаетъ;
Какъ сына Крезова встрѣчаетъ со млеко́мъ,
Заемлется она подобно червякомъ,
Подобное о немъ раченіе имѣетъ:
Того во пеленахъ, сего во травкѣ грѣетъ.
Природа тысящи являетъ намъ отрадъ,
Которыхъ никогда не знаетъ скучный градъ;
Тамъ всѣ пріятности Природы усыпленны,
А здѣсь они ея присутствиемъ оживленны.
Что око естества въ хринилищѣ ни зритъ,
По свойству каждоу творенью то даритъ.
(409) Источники ея щедротъ неистощимы,
Но мы во прихотяхъ своихъ ненасытимы;
Для многихъ что дано, считаемъ за свое,
Какъ будто въ насъ однихъ двойное бытіе.
О смертный! естли бы ты прихоти оставилъ,
И данныхъ Естествомъ не убѣгалъ отъ правилъ:
Доволенъ былъ бы ты, другихъ не обижалъ,
И матери твоей, Naturѣ, подражалъ:
Она пасущихся овецъ увеселяетъ,
Во стадѣ ни одной изъ нихъ не одбляетъ,
Для всѣхъ, равно для всѣхъ трава въ лу́гу цвѣтетъ,
Ни тяжбы у овецъ, ни ссоръ за паству нѣтъ.

А ты, премудростью и славой одаренный —
Для утѣшенія Природы сотворенный,
Ея любезный сынъ — о гордый человекъ!
О благъ собственномъ печешся цѣлый вѣкъ;
Ты гласу матери и щедрости не внемлешь,
Послѣдній шагъ земли у ближняго отъелешь;
Когда съ избытками уже обогащенъ,
Еще ты чаешь быть, еще не насыщенъ!

Ты средства разныя къ стяжанью вымышляешь,
Съ ущербомъ честности имѣнье прибавляешь;
Ты мучишься въ душѣ, зря брата твоего,
Что ты сокровищемъ не превзошелъ его;
(410) И сердце у тебя страдаетъ и томится,
Воображая то, что ближній богатится.
Оставляя вѣрные ко истиннѣ пути,
Богатствомъ хочешь ты друга превзойти.
Нешастный! превзойди другихъ любленьемъ чести;
Не соблазняйся ты, не слушай гласа лести,
И сребролюбиемъ души не отравляй;
Во мнѣніяхъ пустой мечты не составляй;
Не буди роскошей пріятностями разстроень:
То будешь предпочтень и болѣе спокоень.
Но гласа лирнаго не слушаетъ драконъ,
И стихословію уже смѣется онъ:
Какой бы Гарпагонъ хотѣлъ внимать Парнассу,
Когда не слушаетъ естественнаго гласу?
Ко злату онъ душой и сердцемъ пригвожденъ,
Моимъ ли пѣніемъ быть можетъ убѣжденъ?
Его ни сирыхъ плачь, ни вопль вдовы не тронетъ;
Онъ спитъ на берегу, а другъ у берега тонетъ!
Ко стону горькому людей несчастныхъ твердъ;
Кто слезъ не можетъ лить, такъ тотъ немилосердъ.
Законъ, вѣщаетъ онъ, быть слабу запрещаетъ;
А тотъ, кто далъ законъ, всѣхъ любить и прощаетъ.
Жестокій человѣкъ! помысли: естли Богъ
За каждой твой порокъ къ отмщенью будетъ строгъ,
(411) Куда отъ стрѣлъ Его ты можешь укрываться?
Иль добръ будь, иль не смѣй ты Божимъ чадомъ зваться.
Когда при злыхъ дѣлахъ твой щастливъ въ мірѣ путь,
То Бога мстящаго и смерти не забудь.
Не для сердечнаго пишу я оскорбленья:
Пишу для сельскаго въ поляхъ увеселенья.
Свобода каждому на свѣтѣ жить дана,
И Муза никого печалить не должна;
Когда ты пѣніе мое, мой другъ, возлюбишь,
Спокойство ты мое и радость усугубишь.
Что нужды, правъ ли кто, иль кто несправедливъ?
Мірскія суеты среди полей забывъ,
Неизреченныя веселости вкушаю,

И душу милую Naturой утѣшаю.
Въ зеленой ризѣ мнѣ является земля,
Усыпавъ разными цвѣточками поля,
Въ убранствѣ таковомъ торжественно ликуетъ;
Живущимъ всѣмъ она сокровища даруетъ;
Какъ будто призваны на общій пиръ туда,
Различныхъ птичекъ къ ней слетаются стада;
Тамъ агнцы во травѣ питаемы играютъ,
Волю подъ тѣнію древесной отдыхаютъ;
(412) Согреѣты солнечной животны теплотой,
Кишатъ на воздухѣ, носясь какъ паръ густой;
Отъ стебля, кажется, цвѣточикъ отдѣлился,
Онъ ожилъ, встрепенуль и въ воздухѣ развился.
Дивлюсь, и ближе я на лилію гляжу,
Сѣдящу бабочку на оной нахожу;
Мой взоръ обмануть былъ сей твари пестротою,
И сходной въ бабочкахъ съ цвѣт
Въ весельѣ плаваетъ тамъ каждо бытіе,
И восхищается вниманіе мое.
Вся тварь желаетъ жить и все ликуетъ въ полѣ,
Единый человекъ во градъ бѣжить оттолѣ.
Пристрастія сего причиной быть должна
Безпечность, суета и пышность лишь одна.
Давно уже, давно Природой веселились;
Мы въ наши дни отъ ней далеко удалились,
Заснули во тщетѣ на лонѣ суеты.
Проснися, человекъ! Nature чадо ты.
Когда же самъ къ себѣ ты сталъ безчеловѣченъ,
Жизнь кончишь въ суетахъ, и будетъ сонъ твой вѣченъ.

(413)

ВРЕМЯ.

Ты, Время! быстрыми крылами
По всей подсолнечной паришь;
Пускаешь стрѣлы за стрѣлами,
Все рушишь, портишь и разишь.

Непроницаема завѣса
Тебя отъ нашихъ кроетъ глазъ;
Ты движешь вѣчности колеса,
И въ вѣчность съ ними движешь насъ.

Часы крылатые вращаешь —
Въ нихъ жизненный песокъ течетъ —
И жизнь мгновенно прекращаешь,
Песчинка чья на дно падетъ.

(414) Противу Время обороны,
Ни силы, ни защиты нѣтъ;
Слагаетъ лавры и короны,
Вѣнцы и брачны узы рветъ.

Къ чему серпомъ своимъ коснется,
Гдѣ Время только пробѣжитъ,
Все вянетъ, ржавѣетъ и рвется,
Покрыто мхомъ сѣдымъ лежитъ.

Ни юныхъ лѣтъ не уважаетъ,
Веселостей, ни красоты;
На что ни взглянетъ — пожинаетъ,
Какъ сельные коса цвѣты.

Коль многи зданіевъ громады
Изглажены его рукой!
Колики веси, царства, грады
Изчезли подъ его пятой!

Не можетъ мужество геройско
Противу Время устоять;
Твердыни горъ, ни храбро войско
Его теченья препинать.

(415) Представить въ мысляхъ не умѣю
Слѣдовъ, ты коими текло;
Лишь Время вобразить успѣю —
Оно сокрылося, прошло.

О ты, который блескомъ міра
И суетами ослѣпленъ!
Представь, что золото и порфира
Есть жертва Времени и тлѣнь.

А ты, кого злощастно бремя
Терзаетъ, давитъ и тѣснитъ!
Не плачь; промчитъ печали Время,
Съ богатымъ нищаго сравнитъ.

Но стой, о Время! на минуту,
И гласу лирному внемли:
Ты съешь плачь и горестъ люту,
Текуще по лицу земли;

Твоя безмѣрна скоротечность
За насъ тебѣ отмститъ спѣшитъ:
Тебя, тебя поглотитъ Вѣчность,
Движенія и крыль лишитъ.

(416)

ТЩЕТА.

Ветхій деньми нашъ Творецъ,
Жизни смертныхъ въ образецъ,
Молніей изъ тучъ блистаетъ.
Только молнія блеснетъ,
Вмигъ родится, исчезаетъ:
Тако наша жизнь минетъ.

Къ розѣ я пришелъ цвѣтущей;
Утѣшался ею взглядъ;
Нѣжный въ розѣ духъ живуцій
Растворяетъ ароматъ —
Стужа розу умертвила:
Гдѣ румяные листы?
Тако вянуть красоты,
Кои старость застудила.

(417) Бурный вѣтеръ на крылахъ
Вѣетъ и наводитъ страхъ;
Горы каменны трепещутъ;
Во кровавомъ полѣ блещутъ
Храбрыхъ воиновъ мечи,
Будто молнія въ ночи: —
Ни мечей, ни бурь не внемлю —
Вѣтеръ въ воздухъ, воинъ въ землю.

Время какъ стрѣла летитъ;
Заниматься намъ претитъ
Щастьемъ, славой, красотами;
Все исчезнетъ купно съ нимъ:
Чтожь гоняться за мечтами?
Прелесть прахъ, а щастье дымъ.

Такъ веселья нѣтъ инаго,
Какъ тонуть въ однѣхъ слезахъ?
Нѣтъ, о смертный! сыщешь благо
Въ чистомъ сердцѣ, въ небесахъ.
(418) Всѣ корысти въ мѣрѣ глѣбны:
Бисеръ, золото, сребро;
Дѣлай и люби добро —
Въ немъ всѣ благи заключенны.

(Многія изъ моихъ краткихъ сочиненій въ сію Часть не внесены для того, что они въ разныхъ Изданіяхъ напечатаны и не могли быть отысканы; другія для того, что они писаны были въ моей молодости, когда я учился писать стихи, и повторенія не заслуживаютъ. — Ежели отыщутся ненайденныя мои творенія, то могутъ они быть приложены къ послѣдней 12й Части; но со строгимъ отъ меня разсмотреніемъ.)

Конецъ VII Части.